НОВАЯ ПОЛЬША

№5(42) 2003

Виталий Портников ДНЕВНИК

Леон Керес — хранитель народной памяти

Генерал Андерс о Монте-Кассино

60-я ГОДОВЩИНА ВОССТАНИЯ В ВАРШАВСКОМ ГЕТТО:
Марек Эдельман, Ханна Краль, Агата Калинская

Ирит Амиэль СТИХОТВОРЕНИЯ

Игорю Неверли исполнилось бы 100 лет

Была ли Москва «третьим Римом»?

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Poczta Polska
głównym
sponsorem
roku jubileuszowego BN

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 5(42)
2003
МАЙ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Виталий Портников 3
ИЗ ДНЕВНИКОВ ПУБЛИЦИСТА

Виктор Кулерский 13
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Яцек Искра 19
ВМЕСТО БАНКА КООПЕРАТИВНЫЕ КАССЫ

НАШИ ЛЮДИ

Ян Стренковский 21
ВЛАСТЕЛИН ПОЛЬСКОГО ПРОШЛОГО

Паулина Новосельская 28
ГОЛОВАСТАЯ КОМАНДА

Валерий Мастеров 31
КАКИМ ВАРЕНЬЕМ БУДЕМ ЛАКОМИТЬСЯ?

Виктор Шелыгин 34
РЕГИОН ДРУЖБЫ

Владислав Андерс 36
ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Эдвард Щепаник 39
АРТИЛЛЕРИЯ — ОГОНЬ!

60-Я ГОДОВЩИНА ВОССТАНИЯ В ВАРШАВСКОМ ГЕТТО

НАДО БЫТЬ БЕЗЖАЛОСТНЫМ, ЧТОБЫ ЗАЩИЩАТЬ ЧЕЛОВЕКА 42
Беседа с Мареком Эдельманом

Ханна Краль 44
ТАК ЭТО ТЫ — ДАНИИЛ

Лешек Шаруга 46
ГОВОРИТЬ ОБОЖЖЕННЫМ ГОЛОСОМ

Ирит Амиэль 47
СТИХОТВОРЕНИЯ

Агата Калинская 51
ТЯГОТЫ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Ярослав Абрамов 53
БЕСПОКОЙНЫЙ ВЕСНУШЧАТЫЙ ПАРЕНЬ

БЫЛА БЫ ИДЕЯ

Марта Микель, Изабелла Польковская 59
О МУЗАХ, СВЯТЫХ И РЕШЕТНИКАХ

Томаш Ходана 62
БЫЛА ЛИ МОСКВА «ТРЕТЬИМ РИМОМ»?

Петр Мицнер 65
ТРУДНО БЫТЬ КАТОЛИКОМ

Гжегож Пшебинда 66
ОТ МАЛОРОССИИ ДО УКРАИНЫ

Лешек Шаруга 70
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Янина Куманецкая 73
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

ПУТЬ В АЗИЮ 78
Беседа с профессором Тадеушем Бодио

Переводчики: А.Базилевский, А.Бондарев, Н.Горбаневская, Н.Кузнецов, И.Обухова, А.Пустынцева, С.Свяцкий, С.Филипчак, Е.Шиманская.
Рис. D.Szewionkow-Kismielow (стр. 39-45).
Фото ©: D.K. (стр.3, 39), **D.Węgiel „Tygodnik Powszechny"** (стр. 51), **J.Rubiś** (стр. 53), **Archiwum** (стр. 73).

Редакционный совет
Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Кристина Пашек ***(секретариат)***
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих ***(зам. гл. редактора)***
Станислав Филипчак
(ответственный секретарь)
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Кацпер Ванчик

Адрес редакции
Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглосци, 213
02-086 Варшава
тел: **(0-22) 608 27 95;608 25 65**
факс: **(0-22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@bn.org.pl**
Информация о журнале для стран СНГ:
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д.15, кв. 49
тел.: **280-83-52**
e-mail: **mik@mecom.ru**

Издатель
BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
По поручению
Министерства Культуры
Республики Польша
Тираж 4800 экз.

Виталий Портников

ИЗ ДНЕВНИКОВ ПУБЛИЦИСТА

Часть вторая

Апрель, 2001. БАЛЬЦЕРОВИЧ

...Я очень долго читал книгу Лешека Бальцеровича, посвященную экономике свободного рынка и ее построению в постсоциалистическом мире. Конечно, я гуманитарий, экономические книги мне вообще тяжело даются. Но эта книга была сравнительно проста: Бальцерович, очевидно, рассчитывал на таких, как я. Он вообще умеет говорить просто: во время одного из варшавских семинаров мы общались несколько часов, и я ни разу не почувствовал, что нахожусь в обществе человека, оперирующего сложными научными категориями...

Мне эта книга была интересна прежде всего потому, что я снова пришел к убеждению: чтобы реформировать экономику, нужно знать, как. Невозможно просто подойти к делу с благими намерениями. Нужно иметь план действий, решимость в его выполнении, поддержку общества. Без этих составляющих нечего и надеяться на улучшение ситуации...

В последнее время у нас много говорят о необходимости переговоров, диалога власти и оппозиции. Цель такого диалога, как я могу понять, — политическая стабилизация в обществе. Хорошо, даже можно представить, что мы достигнем такой цели. Но не могу не согласиться с Бальцеровичем, который напоминает, что «политическая стабильность, объединенная с невзвешенной экономической политикой, дает нам Северную Корею, а в сочетании с мудрой экономической политикой — Южную Корею». Как по мне, вопрос следует перевернуть с головы на ноги: политическая нестабильность в нашем обществе обусловлена длительными проволочками с проведением экономических реформ. И если эти реформы не начнутся, с течением времени положение будет лишь усугубляться — не помогут никакие «круглые столы», никакие соглашения о взаимопонимании между враждующими политическими силами. Ибо все эти процессы — вне интересов обычных людей: зачем гражданину Украины политическая стабильность, если у него одна задача — добраться на электричке до своего огорода, накопать картошки, чтобы было чем завтра детей кормить... Мы выдавили наших людей из политики, они перестали замечать не то что украинское государство — любое государство. А мы до сих пор считаем, что интересуем их, и кокетничаем с народом по радио...

Тут возникает целый ряд вопросов, на которые просто не хочется отвечать... Скажем, что будет, если еще какое-то время волынить с реформами? Ведь мы до сих пор волыним, не следует себя успокаивать, что правительство Виктора Ющенко их проводит, — нет соответствующей законодательной поддержки, нет настоящей поддержки элиты, нет возможности не то что одобрить, а создать программу реформ. Имеется декларация об их необходимости — это уже много. Однако недостаточно. И, кроме того, этому правительству «повезло» с политической стабильностью! А проволочки продолжаются и играют на руку теневой экономике. Наша теневая экономика — вероятно, этим мы демократически отличаемся от Югославии времен Милошевича и от лукашенковской Белоруссии — имеет не одного, а нескольких хозяев. Посему страна медленно, но непрестанно делится на эдакие феодальные владения. Экономика тени способна прокормить ее хозяев, но совершенно неспособна удержать страну. Милошевич держал своих людей войной и мифом обо всем мире, почему-то ненавидящем бедных сербов. Лукашенко едва удерживает рассказом о скором объединении с матушкой. У наших маленьких феодалов нет даже идеологии — они почему-то считают, что и так все будет четко. А не будет! В конце концов все это подгнившее здание упадет на наши головы — это такой себе объективный процесс... Ну не может общество долго существовать без экономики — и все тут!

Я почему-то долго считал, что в случае создания демократического открытого общества оно автоматически сможет провести экономические реформы. Ошибся. В истории последних десяти лет были различные периоды по уровню демократии, вот только периода экономических реформ

так и не было. И теперь вся надежда у меня на то, что экономические реформы дадут возможность создать демократическое открытое общество. Но только кто решится на проведение таких реформ — изначально непопулярных, опасных и рискованных? Время, когда украинскую экономику могли лечить терапевты, давно ушло... Теперь мы ждем хирурга.

Май. КАЛИНИНГРАД

Сразу несколько русских редакций попросили меня написать о калининградской проблеме. В Украине мы почти не осознаём, что будущее Калининградской области, которая через несколько лет превратится в анклав, со всех сторон окруженный территорией Европейского союза, — это своеобразная проверка на толерантность и для Запада, и для России. Как будет жить здесь население, привыкшее более или менее свободно ездить и в Польшу, и в Литву? Как европейцы будут пересекать российские границы лишь для того, чтобы из одной страны ЕС, Польши, приехать в другую, Литву, или наоборот? Так много вопросов — и правовых, и дипломатических, и гуманитарных... А я уже давно, около десяти лет, по разным причинам занимался Калининградом, приезжал сюда, правда, ненадолго: как только заканчивались дела, первым поездом или кораблем спешил в Гданьск... Здесь недалеко, а я так хорошо чувствую себя на гданьских набережных, на улочках старого города, еще сохранивших тень Данцига, — в Калининграде от Кенигсберга ничего не осталось... И всегда ошеломляет контраст — между до сих пор советским Калининградом и почти европейским Гданьском...

В этом году неожиданно для себя снова решил поехать в Гданьск. И снова через Калининград... Прилетел. Поезда уже не ходят, корабли — еще да. На автобус билетов нет... Выбор прост — оставаться в Калининграде или на такси доехать до пограничного пункта Мамоново и там попробовать переехать в Польшу.

Доехал. Уже возле границы меняю машины: такой себе Яцек согласился меня довезти прямо до ближайшей польской железнодорожной станции Бранево. Оттуда уже ходят поезда, так что нужно просто подождать проверки документов.

Никогда в жизни я так не ездил и, честно говоря, был ошеломлен увиденным. На границе — длиннейшая очередь: машины ждут очереди на переезд 20, 40, 60 часов... Но мой Яцек показывает пограничнику пустой белый клочок бумаги с каким-то росчерком, и нас пропускают через российскую границу. «20 долларов отдал за это», — грустит Яцек. Но ему нужно: везет из России контрабандой сигареты и водку. Его старенький «фиат» нафарширован товаром: мы сидим на водке, сигареты в колесах. За «смену» Яцек провозит 30-60 бутылок и несколько десятков блоков сигарет. На каждой бутылке, каждом блоке зарабатывает примерно два доллара... Очередь на границе состоит из его «коллег»-контрабандистов — поляков и русских. Здесь все знают друг друга — это уже, можно сказать, коллектив со своими сплетнями, отношениями и приключениями. Здесь знают в лицо каждого таможенника. Правда, о российских Яцек не беспокоится. Он сжимает в руке десятидолларовую купюру — и мы проезжаем через российскую таможню без разговоров. «Они должны отдавать своему начальнику 600 долларов за смену, а тот с утра чемоданчик с деньгами в руки — и в Калининград», — рассказывает мне Яцек... Волноваться он начинает уже возле польской таможни. Машины поляки пропускают медленно, словно нехотя. Мы ждем около двух часов. О своих взаимоотношениях с польской таможней Яцек распространяться не хочет... А вот и таможенник. «Этот — самый ужасный», — вроде бы испуганно говорит Яцек. «Самый ужасный» смотрит в багажник одним глазом, и мы оставляем границу. Стоп! Еще одна проверка, неожиданный рейд пограничников. Но и эти ничего не находят в багажнике Яцека. Через несколько метров Яцек заезжает за поворот и меняет колесо с сигаретами на нормальное. «А что же будет, когда появится настоящая граница, шенгенская?» — спрашиваю я. — «Мамоново просто вымрет, да и у нас будет плохо», — отвечает Яцек... Он подождал бы со мной поезда, однако нужно спешить: дома ждут три дочки, жена нелегально работает аж в Бирмингеме... Раньше Яцек делал мебель и продавал ее в Калининграде. Но после российского кризиса, сногсшибательного падения рубля перешел на водку и сигареты...

Конечно, одно дело — важные дискуссии о будущем Калининграда, и совсем другое — эта длинная очередь людей на границе... Можно долго говорить, что рыба начинает гнить с головы, а я вот видел хвост власти: и он совсем прогнивший... С другой стороны, как иначе прокормить население по обе стороны границы? А теперь вспомните, что российско-польская граница маленькая, всего несколько переходов... А украинско-польская — большая-пребольшая, тысячи километров, десятки пунктов пересечения. И как вам наша рыба?

Май. ОСАДЧУК

Вероятно, если бы я не находился нынче в Польше, и не заметил бы сообщения о награждении профессора Богдана Осадчука орденом Белого Орла. Между тем президент Квасневский, подписывая перед одним из самых главных польских праздников указ о награждении высшим отличием своей страны интеллектуала-украинца наряду с представителями польской элиты в области науки и культуры, был искренне убежден, что делает еще один широкий жест в сторону Украины. И таким образом снова продемонстрировал, что поляки и украинцы продолжают жить в разных мирах не только с точки зрения экономики, общественных ценностей или внешнеполитических ориентиров, но и с точки зрения информации. Для польских СМИ профессор Осадчук — очевидный ньюсмейкер, когда речь идет об украинских делах. Прежде всего потому, что, когда Гедройц и редакция парижской «Культуры» начали неблагодарное дело по преодолению исторической пропасти между поляками и украинцами, Богдан Осадчук оказался одним из немногих (если не единственным) представителей украинской диаспоры, способным принять в этом участие. А сегодняшняя польская элита — по крайней мере, либеральная ее часть как из левого, так и из правого лагеря — если и не воспитана на идеалах «Культуры», то, во всяком случае, вынуждена с ними считаться. Поэтому к мнению Осадчука здесь, в Польше, продолжают прислушиваться даже после того, как сформировалась собственно украинская элита. Слава Богу, он в свои 80 лет выглядит намного моложе, чем 40-50-летние представители нашего истеблишмента. Ведь советскость (как, впрочем, и антисоветчина) означает упрямство. А упрямство — старение духа и ума, сказывающееся даже на молодом человеке. Что уж говорить о наших переутомленных директорах заводов, политологах, раздраженных членах Союза писателей — всех тех наших ньюсмейкерах, которых мы можем предложить миру... Конечно, на этом фоне Осадчука воспринимают здесь как своего хотя бы потому, что он способен заглянуть далеко за горизонт. А это, кстати, и не каждому поляку присуще...

Однако для украинского общества все это ничего не значит. Ну что такого сделал Осадчук? Ничего не украл, никого не убил. Не любимец власти. Не в оппозиции. Да, сотрудничал с каким-то там польским журналом — ну и на здоровьице... Отмечу: для украинского общества в нынешнем его состоянии. Со временем мы поймем, что это *наш* орден Белого Орла, он весомее побрякушек, которые продолжают вешать на грудь неизвестно кому и за что и государство, и всякие там «Фортуны», «Людини року». Поймем, сколь важна для каждой личности способность работать на перспективу. Жизнь вроде бы вовсе не заставляла Осадчука проникаться идеей польско-украинского взаимопонимания. Еще до войны его отца-учителя выселили из родных мест, когда тогдашнее польское правительство пыталось лишить украинцев Галиции их интеллигенции. Потом Осадчука-старшего уволили с работы, когда он, защищая своего коллегу-еврея, дал пощечину ксендзу-антисемиту... Осадчук, впрочем, уже тогда увидел другую Польшу — и, по-моему, уже сейчас видит другую Украину...

Июнь. ШУЛЬЦ

История, вызвавшая неожиданный резонанс на Украине, — вывоз фресок Бруно Шульца в иерусалимский музей Яд-Вашем. Общественность Дрогобыча, где хранились, а правильнее сказать, разрушались эти фрески, невероятно возмущена пропажей национального достояния...

Если бы не эта странная история, я бы так никогда и не осознал, что Шульц по своему происхождению — хотя бы территориально — украинский писатель, что тот загадочный город, по улицам которого он прогуливался со своими героями, — Дрогобыч. Я читал Шульца на польском, русском, украинском, однако только сейчас начинаю понимать, что Бруно Шульц в своих книгах создал зеркальный образ этого города, как Шолом-Алейхем — образ Киева или Итало Кальвино — Венеции... Обычные города в произведениях художников такого уровня неузнаваемы, переосмыслены, но лишь так они становятся городами не только на карте географической, но и на карте духовной... Однако вывоз фресок Шульца в Яд-Вашем просто засвидетельствовал: для евреев, давно уже не общающихся на языке, на котором писал польский писатель Шульц, его творчество осталось частью самосознания... И для поляков, обнаруживших так и не установленный в Дрогобыче бюст Шульца где-то в хранилище, — тоже.... А для нас? Для нас Бруно Шульц — просто какой-то еврей, рисовавший что-то непонятное и вдобавок писавший на польском языке...

Так Украина отреклась от еще одного большого своего писателя. Недовольство по поводу вывезенных фресок кажется просто кощунственным — еще несколько лет, и это «национальное достояние» просто погибло бы, неузнанное и ненужное. В конце концов Яд-Вашем — не музей

национальной живописи, а музей национальной Катастрофы, важный не только для одних евреев. Бруно Шульц, убитый гестаповцем прямо на улице Дрогобыча лишь за то, что был евреем, заслужил право на свою экспозицию в этом месте скорби. Но вывоз фресок имеет и другой, как по мне, не менее важный аспект. Возможно, мы окажемся в состоянии осознать Украину как многокультурное государство, как место, где встречались народы и возникали настоящие феномены культурного сосуществования... Мы не должны пытаться затолкать культуру в клеточки политических схем — на западе и в центре культуру творят на украинском, на востоке можно немножко русского, на еврейские темы — пожалуйста, на идиш, мы переведем по программе развития культур национальных меньшинств... А куда же тогда причислить Шульца? А почему вообще мы должны забывать о польской культуре, которая также была на Украине? О том, что был украинский Львов и польский Львов, еврейский Бердичев и польский Бердичев... И вот Дрогобыч — он был одновременно украинским, польским, еврейским, и именно в таком месте мог творить Бруно Шульц. Да, он писал по-польски, да, его творчество переполнено еврейским мистицизмом, однако это творчество на улицах украинского Дрогобыча — города, в котором нет ни его музея, ни памятника ему...

Как по мне, такое небрежное отношение к тем, кого мы привыкли считать чужеземцами, — результат нашего тотального неуважения к украинской культуре. Мы привыкли считать ее второсортной, мы привыкли не удивляться, что не издаются книги, заброшены музеи, так называемые телезвезды разговаривают со своей немногочисленной аудиторией на унизительном суржике Верки Сердючки или на искусственном мертвом языке, выученном прямо перед эфиром. Тот, кто не уважает себя, не способен уважать других — это, конечно, сентенция... Однако, возможно, для того чтобы научиться уважать себя, нужно начать с других? И — такая крамольная мысль — осознать, что они не другие, а все-таки свои, что человек должен петь на том языке, на котором поется... Важно только, о чем в песне речь...

Июль. КВАСНЕВСКИЙ

Когда я увидел, как президент Польши Александр Квасневский от лица своего народа приносит извинения евреям во время торжественной церемонии в Едвабне, я снова осознал, как далеко ушла Польша — даже не в экономике, не в политических ориентирах, а именно в росте нравственности. Более того — я увидел, как далеко она пойдет. Ибо почему-то глубоко уверен, что сегодня большинству поляков непонятен поступок их президента. И что этот поступок будет важен для будущей Польши — как ни странно, именно им Александр Квасневский обеспечил себе место в польской истории...

Я отнюдь не пылкий приверженец Квасневского. Как и вообще польских левых. Во время своего первого приезда в Варшаву я посетил штаб-квартиру польских социал-демократов и убедился, что эти люди изменились... и остались такими же, как были. Они всегда были самыми лучшими и самыми послушными учениками Дракона. Дракон помылся, побрился, подарил две головы из трех детскому дому, сунул розу в петлицу и стал вместо коммуниста называться социал-демократом — а почему бы и нет? И они начали получать золотые медали в новой школе. А Квасневский всегда был самым образованным, самым приятным и «наиболее польским» среди них... И все же в свое время до последнего не верилось, что в Польше, пережившей «Солидарность», президентом будет человек из «бывших»... Во время знаменитого поединка Леха Валенсы и Александра Квасневского я поехал не в Варшаву, а в Гданьск — почему-то казалось, что здесь, в городе, где появилась «Солидарность», и стены помогают...

Моя последняя ночь в Польше была и ночью после выборов. Я переехал из Гданьска в соседний Эльблонг, снял в недавно отремонтированной гостинице номер с большим телевизором... Казалось, все понятно: по результатам всех предыдущих опросов на участках для голосования победил Валенса... Успокоившись, я пошел в ванную — можно было складываться... Как вдруг поступило сообщение из самого Центризбиркома: поляки избрали Квасневского! Я поскользнулся на мокром полу, счастье еще, что ничего себе не сломал! А один мой польский приятель таки лег спать успокоенный, попросив только коллегу, остававшегося смотреть послевыборную ночь до конца, написать ему на бумажке фамилию победителя — так, для смеха. Проснулся — а там совсем не та фамилия...

Утром в поезде на Калининград я слышал радостные крики соседей по купе, приверженцев Квасневского: ну наконец-то, наконец-то. «Почему же вы все-таки за него проголосовали?» — не удержался я. — «Да он образованный человек, молодой, современный, знает иностранные языки... Вам, россия-

нам, никогда не понять польской души»... — «Я не из России, — флегматично сообщил я. — Я с Украины. И вообще я еврей». — «Вы — еврей? — почти оскорбился мой собеседник. — И вы еще спрашиваете? Да вы сами должны были бы это понять, да еще и нам объяснить. Разве вы не знаете польской души?»...

Конечно, не стоит и объяснять, что я не был сторонником этой президентуры... Но вот Едвабне... Дискуссия вокруг уничтожения евреев в этом маленьком городке продолжалась несколько месяцев. Многим полякам не хотелось и не хочется признавать, что они были не только спасателями евреев или беспомощными свидетелями их гибели, но и непосредственными участниками этого уничтожения. О, нет, это не вписывается в образ Польши! И вот на фоне этих пылких, эмоциональных дискуссий Квасневский приносит извинения. Или он перестал быть человеком конъюнктуры? Конечно, нет. Однако он никогда не был мелочным. И сейчас эта немелочность приобрела исторический вес. Президенту Польши удалось увидеть, какой становится его страна, и он пошел вперед, вперед — туда непременно придет Польша XXI века... Это был мужественной поступок — не только потому, что Квасневский попросил извинения, покаялся, но и потому, что он оказался человеком, способным мыслить не только категориями сегодняшней газетной популярности, а прежде всего категориями образа Польши — образа, недоступного для видения многим его современникам... Однако если бы польское общество эти десять лет не развивалось ежемесячно, ежедневно, ежечасно, не демонстрировало это постоянное движение — не изменился бы и президент этой страны. Просто не было бы надобности быть таким, ехать в Едвабне, говорить эти трудные слова... Не было бы надобности что-то делать... Конечно, сильный политик может опережать свое время — однако в инертном обществе, обществе, которое остановилось, просто нечего опережать — и, конечно, некому опережать...

Сентябрь. ИОСИФ БУРГ

В одном из краковских книжных магазинов обнаружил книгу одного из патриархов литературы на идише Иосифа Бурга. Новую книгу, изданную с любовью к автору и с уважением к его непростой творческой судьбе, — ведь мы прекрасно понимаем, что значило быть еврейским писателем в Советском Союзе. И что значит быть им сегодня, когда корабль идишской культуры переполняется водами прошлого и тихо входит в историю вместе с последними своими читателями — теми, кто спасся от Гитлера, и вместе с последними своими писателями — теми, кто спасся от Сталина...

Краков для меня — конечно, только одной своей частью и только одной частью моего мировосприятия — город погибшей цивилизации. Рядом с древней и живой столицей старой Польши — мертвый Казимеж, лишенный своих жителей, превращенный в музей, забальзамированный... В Варшаве сейчас можно только догадываться, где было гетто, вместе с погибшими жителями исчезли и их кварталы... А в Кракове Казимеж — идеальный памятник потерянной цивилизации: тут жили читатели Иосифа Бурга, и теперь их здесь нет. Добро пожаловать в Освенцим...

И вот в этом городе, так трагически лишившемся своих жителей, я читаю книгу еврейского писателя на польском языке. А между тем этот писатель — из Черновцов. Практически всю жизнь — если не считать, конечно, лет войны — он прожил в этом городе. Городе, который всегда был удивительным соединением румынской, украинской, еврейской, немецкой культур — много ли у нас городов с такой памятью, как Черновцы? Иосиф Бург — действительно наш культурный феномен: он на всю свою долгую жизнь, скоро уже девять десятилетий, остался верен не только родному языку, но и родной Буковине. И когда-то иностранный читатель будет познавать Черновцы по его произведениям, как познаёт Дрогобыч по рассказам Бруно Шульца... Но почему когда-то? Польский, российский, израильский читатель уже открывает для себя этот город...

После того как я написал в дневнике о Бруно Шульце, получил замечательное письмо от редактора львовского культурологического журнала «Ї» — одного из самых уважаемых мною украинских, даже больше — европейских, журналов — Андрея Павлишина. Господин Павлишин написал, помимо прочего, что он против отмирания корней, питающих нашу цивилизацию. И пообещал в следующем году «к 110-летнему юбилею Шульца издать еще и переводы, которые не хочет знать наша странная киевская элита, но которые нужны нам, чтобы почувствовать себя преисполненными в мире». Замечательные слова! Но Бруно Шульца уже давно нет среди нас, он

стал воспоминанием, символом, культурным явлением... А Иосиф Бург — наш современник. Просто пожилой человек из маленького провинциального города и одновременно живой свидетель той жизненной и культурной атмосферы, о которой писал в другом провинциальном городке Бруно Шульц. А может, Иосиф Бург и есть эта атмосфера?

Мы обо всем — и обо всех — вспоминаем слишком поздно... Когда-то будем издавать книги Бурга в переводе с польского, русского или иврита и удивляться, что, оказывается, он был нашим соотечественником и человеком, который до последнего спасал этот странный, причудливый, навсегда потерянный мир украинских еврейских городков... Мельчайшие кусочки разбитого зеркала не всегда нужно отыскивать в далекой истории при помощи археологических инструментов. Они могут быть тут, просто рядом с нами, — конечно, если мы не будем оставаться равнодушными и не будем хладнокровно уничтожать своим невниманием эти последние лучики когда-то яркого и щедрого солнца...

Сентябрь. КРИНИЦА

...Еще одна потерянная цивилизация — лемки. Когда я в прошлом году был в Кринице на экономическом форуме, читал в путеводителях о лемковском, русинском, украинском прошлом этого края на границе Польши и Словакии. А в этом году выбрался на экскурсию. Короткую, но убедительную... Почти в лесах в небольших городках стоят деревянные церкви, старинные, очень гармоничные в этом горном пейзаже. Большинство давно уже стали костелами, но сохранили — можно, думаю, так сказать — душу украинского храма... Существует целый туристический маршрут (кстати, главный туристический маршрут Криницы) — путь лемковских церквей. Через полвека после операции «Висла» эти храмы ремонтируются, реставрируются, некоторые даже возвращаются греко-католическим общинам. В одном из самых живописных уголков Криницы построили православную церковь. Это уже третий новый храм в моей жизни, который благодаря таланту архитектора, точному «попаданию» в пейзаж, какой-то особой атмосфере места согревает душу не меньше, чем старинные храмы. Первым был костел в литовском Друскининкае — построенный на парковой поляне, какой-то невероятно стройный, «свой» среди окружающих сосен... Я тогда был еще школьником, очень любил ходить в тот костел слушать звучавший там каждый вечер орган... Вторым был кафедральный собор в Скопье, в Македонии. Он строился на моих глазах — впервые я побывал там во время строительства, потом приезжал к уже готовому храму. В Македонии много старинных церквей, появившихся еще во времена Византии, но я всегда прихожу в этот современный храм в центре современного города... И вот эта церковь — просто акварель на фоне карпатских взгорий, но акварель, созданная и испытанная не веками, а написанная нашими современниками — это то украинское, которым мы должны гордиться, которое мы должны искать... Люди, изгнанные из родных мест, лишенные родины, всех традиций своих маленьких нарядных сел и городков, вернулись сюда, чтобы восстановить свою цивилизацию. И не просто жить — но и творить здесь... Строить такие храмы, посмотреть на которые сегодня приходят люди разных конфессий, разных национальностей. За несколько минут, проведенных в православной церкви в Кринице, я услышал несколько разных языков.

Казалось бы, этот случай восстановления русинской, лемковской, украинской цивилизации в маленьком польском городе должен бы стать частью наших национальных, государственных забот. Однако программа «Путь лемковских церквей» создана и поддерживается с помощью Европейского союза. Ну, ладно, деньги — их всегда не хватает, хотя, как по мне, реставрация и восстановление старых церквей Лемковщины — не менее важная национальная задача, чем восстановление храмов в Киеве. Но хотя бы поинтересоваться, хотя бы просто продемонстрировать внимание! А Криница — не какое-то там Богом забытое место. Мало того, что это популярный польский курорт. Сюда уже более десяти лет — благодаря экономическому форуму — приезжают высокие украинские чиновники. В прошлом году был премьер-министр, и в этом тоже... Возможно, стоит все же осознать, что для нас путь лемковских церквей — это не туристический, а цивилизационный маршрут, что мы не должны забывать об этих маленьких храмах в карпатских лесах. Ведь и это наши корни. Поляки стремятся не забывать даже о малейшей части своей цивилизации: достаточно просмотреть изданный в Польше путеводитель по Украине, чтобы понять: существует и другая Украина, Украина польской культуры. И я имею в виду далеко не только Галицию, а прежде всего центральные районы — Киев, Житомир, Бердичев... Никакие

политические изменения, переселения, депортации не заставили поляков забыть об этой Украине. Но в то же время существует и другая Польша, Польша украинской культуры. Криница была почти столицей этой Польши. Никакие политические изменения, переселения, депортации не должны заставить нас забыть об этом. Тем более когда мы становимся свидетелями попыток эту цивилизацию сохранить, вернуть сюда атмосферу Лемковщины... В конце концов настоящая Украина — это не то, что на карте, а то, что в душе...

Сентябрь. ЛЕМ

Станиславу Лему не посчастливилось — если вообще можно так сказать. Я был в Кракове тогда, когда в городе готовились праздновать юбилей Лема: думаю, это должно было быть общенациональное событие, если бы не читатели Лема во всем мире... Но 80-летие писателя совпало с американской трагедией. 12 сентября, когда мир, казалось бы, должен был приветствовать одну из интереснейших фигур нашего времени, он был переполнен осмыслением того, что случилось накануне. Я, между прочим, осознал, что вспомнил бы о Леме, даже если бы у него не было этого испорченного праздника.

В последние годы для меня существуют будто бы два Лема. Первый — писатель-фантаст, которого я знаю с детства: ироничный, парадоксальный, один из немногих мастеров, превративший юношескую — по возрасту основной категории своих читателей — научную фантастику в серьезную литературу, литературу для тех, кто хочет мыслить категориями будущего и отыскивать это будущее в современном мире. Второй — публицист: последние книги Лема, к величайшему сожалению еще не переведенные, — это публицистика. К тому же время от времени я читаю комментарии Лема на полосах одной из наиболее интеллигентных газет Центральной Европы — краковского «Тыгодника повшехного»... Лем-публицист оказался несколько иным, нежели Лем-писатель. Значительно более обеспокоенным. И, нечего греха таить, до нападения террористов на Штаты я не мог до конца понять этой обеспокоенности.

Меня однажды удивило, что Лем смотрит в будущее без большого оптимизма, как-то интуитивно чувствует, что это будущее преисполнено угроз и достижения в сфере научно-технического прогресса лишь ужесточают эти угрозы. Я мог бы воспринимать эти предупреждения как стариковское брюзжание, но Лем в своих публицистических книгах отнюдь не похож на человека преклонного возраста. Вспоминаю, что когда я читал его «Мир на грани», то, лишь перевернув последнюю страницу этой перенасыщенной мыслями книги, осознал, что имею дело с жизненными выводами 80-летнего писателя, — в процессе чтения я воспринимал автора скорее как ровесника, но мудрого и любознательного ровесника. И меня удивило, почему же этот внутренне столь молодой человек, прежде всего молодой мыслями, не считает, что наша цивилизация становится год от года все более обжитой и двигается в нужном направлении.

Американская трагедия стала для меня в определенной степени моментом истины и в отношении к лемовским предупреждениям. Лем все время старался объяснить, что в XXI веке будет жить не легче, чем в XX-м, более того — даже труднее, и прогресс не играет роли. (Если подумать, и в начале XX века можно было надеяться, что научно-технический прогресс поможет людям прожить намного лучше, чем в предыдущем, XIX-м). Но сейчас мы вспоминаем XIX век с определенной ностальгией: спокойные времена, когда еще не было возможности посмотреть телевизор и за несколько часов долететь до Америки, — а тем не менее было невозможно за несколько минут осуществить массовое убийство... Может случиться так, что через несколько лет мы будем с такой же ностальгией вспоминать и XX век...

...Я писал рубрику для московских «Ведомостей» о последствиях атаки на Америку именно в те минуты, когда превращались в кучу пыли небоскребы Всемирного торгового центра. Журналистика — профессия, эмоционально истощающая: ты вынужден писать, когда хочешь кричать, а слово — это все-таки слово, это не крик раздавленного телевизионной трансляцией убийства человечества. И все-таки именно эта работа дала мне возможность в определенной степени абстрагироваться, попробовать посмотреть на весь этот ужас вроде бы со стороны. И я увидел, как на наших глазах начинает резко изменяться мир, как рождается в кровавых муках новый мир XXI века — совсем не тот, в котором я хотел бы жить, но — что поделаешь? Другого уже не будет...

Возможно, именно так смотрели вперед люди в первый день I Мировой войны — люди, надеявшиеся прожить свой век научных побед вообще без каких-либо войн...

Октябрь. ГЕДРОЙЦ

Моим основным впечатлением от экономического форума в Кринице стало событие, на первый взгляд, совершенно не связанное с политическими или экономическими дискуссиями, — семинар, посвященный парижской «Культуре». Прошел год после смерти Ежи Гедройца и прекращения выхода его журнала, а об этом издании продолжают говорить и дискутировать... И президент Квасневский, которому, на первый взгляд, полагалось бы присутствовать на каких-то очередных обсуждениях европейской интеграции или экономических реформ, пришел на этот семинар как обычный слушатель и внимал выступлениям ветеранов «Культуры». Впрочем, чему здесь удивляться! Все-таки сказалась на польской политике именно восточноевропейская концепция Гедройца, осознавшего, насколько важным будет дальнейшее развитие взаимоотношений Польши с ее соседями — в то время всего лишь республиками Советского Союза, незначительными окраинами империи...

Я думал об этом почти на протяжении всего своего последнего пребывания в Польше, так как мне показалось правильным проанализировать форум в Кринице под этим углом зрения. Но по возвращении в Москву сначала не было времени, а потом... потом наступило 11 сентября, и мне уже было не до Криницы. И все же я решил к этой теме вернуться, когда эмоций стало немного меньше. Это была такая красивая центральноевропейская тема, нельзя было оставлять ее непродуманной, тем более что у меня был такой эстетический образ семинара: уважаемые публицисты за столом президиума, президент Квасневский в очках что-то себе записывает в блокнотик, бывший премьер Польши Олексы удовлетворенно кому-то аплодирует, Дмытро Павлычко с правильно одухотворенным выражением утомленного лица... День Гедройца... Но, начав все анализировать внимательнее, я вдруг подумал: если это был день Гедройца, то после 11 сентября начались дни без Гедройца.

Потому что редактор «Культуры» воспринимал Центральную и Восточную Европу еще и как место интересов великих государств, место постоянных дуэлей и споров — и не только российско-американских, но и российско-европейских, американо-европейских и т.п. И хотел гармонизировать взаимоотношения между странами и народами региона так, чтобы они не казались неосмотрительными варварами в глазах соседей, да и в своих собственных. Для него это был определенный центр, место, к которому обращены взгляды. И Гедройц в этом действительно был прав: со временем стало очевидно, что Европу нельзя искусственно ограничить Берлинской стеной. И со временем станет так же очевидно, что Европа не может быть ограничена польско-украинской или литовско-белорусской границами. Но кого это сегодня интересует?

После террористических актов в Америке внешне ничего особенного в политике не произошло. И акценты не очень сместились. Просто проявилась определенная откровенность, которой так не хватает обычной политике. И в этой откровенности стало очевидным, что Центральная и Восточная Европа, Европа Гедройца, никого больше не интересует. Не интересуют наши позиции, не интересуют наши реакции, просто не очень интересует наша цивилизация. Взгляды тех, кто принимает решения — или считает, что принимает, — очевидно сместились на юг. Там они могут годами искать корни опасности — или делать вид, что ищут. А мы не представляем угрозы и потому неинтересны для мира. Моя приятельница, известная испанская журналистка, автор книги о Ельцине, на днях позвонила мне по телефону, чтобы поговорить об Узбекистане. Сначала я даже обрадовался: со мной так часто говорят об Украине и так редко об Узбекистане, а в моем возрасте несколько минут побыть в вундеркиндах — просто событие. Потом понял, что коллега говорит со мной об Узбекистане прежде всего потому, что Украина ей неинтересна: «Ты знаешь, я несколько месяцев назад возвратилась в Москву, чтобы заниматься здесь Европой. Но, кажется, придется заниматься Азией», — подвела она итог нашего разговора.

Это и итог последних недель, который я воспринимаю не без раздражения. Мы никогда не существовали в мире такого тотального равнодушия, когда Запад нами уже не очень интересуется, а Москва... скорее по инерции. Настоящими своими помыслами она уже в Ташкенте и Душанбе, в мире больших политических игр, там, где она может снова, хотя бы в собственном воображении, воскресать как гроссмейстер, распоряжающийся народами и газопроводами... Интересно, как мы будем жить в мире, где с нами не будут особенно ссориться и особенно дружить, а так — живите себе, как хотите, у нас здесь знаете какие проблемы... И

сколько! И разве такая отдаленная от большой политики жизнь очень уж плоха? И не возникнет ли новая неожиданная граница — между активным миром и миром наблюдателей?

На определенное время мы превратились в зрителей шахматного турнира. Шахматистам зрители не мешают: шахматисты их просто не замечают. В перерывах собирают на сеансы одновременной игры, успокаивают: видите, и вы не забыли, как передвигать фигуры... Главное для зрителя — научиться жить собственной жизнью, хотя бы в буфете... Ибо так и простоим весь турнир с доской под мышкой, с идиотским выражением лица и неудержимой верой, что если не сегодня, то завтра с тобой непременно кто-нибудь сыграет...

Ноябрь. КРАКОВ

Я давно хотел посетить редакцию краковского «Тыгодника повшехного». Возможно, это странное желание, поскольку нужно читать газеты, а не ходить на экскурсию туда, где их делают. Однако мне было неимоверно любопытно. Я рассматривал эту редакцию скорее как музей краковской интеллигенции, свидетельство того, что она не вывешивала белый флаг даже при коммунистах. Определенно, у нас никогда не было такой газеты — и сейчас уже, конечно, не будет, ибо «Тыгодник» — далеко не главная газета современной Польши. Его уважают, почитают, цитируют, о его многолетнем главном редакторе Ежи Туровиче пишут книги... Вот только газету почти не читают: потребность поиска оплота в собственной душе уступила потребности читать сухие анализы экономических изданий или захватывающие рассказы бульварной прессы. Это означает, что «Тыгодник» выиграл — его проповедь духовной свободы дала себя знать настолько, что появились целые поколения людей, уверенных: не бывает другой Польши, кроме свободной, и за эту Польшу стоит бороться. Однако вдохновенные проповедники, как правило, становятся первыми жертвами выпестованной ими свободы, ибо забывают сказать, что сами для себя они объединяют свободу и нравственность в единое целое. И вот «Тыгодник» — старая редакция в старом здании, повсюду подшивки за предыдущие годы. Все очень скромно. Главный редактор отец Адам Бонецкий — седой, немного уставший, не показушно добрый. Дело даже и не в редакции, главное — возможность увидеть личность, способную думать намного шире и глубже, чем ты. Если бы я был польским журналистом, я бы здесь работал уже ради этой атмосферы, этих спокойных недемонстративных серьезных разговоров... У меня была бы совсем маленькая читательская аудитория, однако я спокойно писал бы о самом необходимом, выходил бы попить чаю в одной из кофеен старого города и жил бы в мире с самим собой, без этого постоянного ощущения, что мы чего-то не доработали, себя построили, а страну — не смогли... Под страной имею в виду даже не показатели экономического роста: для того чтобы они появились, нужно возвести страну в душе каждого, как «Тыгодник» когда-то возводил Польшу.

Я пришел сюда не так, как думал, а с группой российских журналистов, приглашенных Восточным институтом. Здесь были и коллеги из «Московских новостей» и «Общей газеты», которые, наверное, не сомневались, что их издания выполняют примерно такую же миссию в обществе и именно потому не пребывают сегодня в центре внимания. И мне было бы очень неудобно сказать, что на самом деле это не так, ибо я вспомнил вдруг, как мы собирались возле редакции «Московских новостей» в начале перестройки, чтобы почитать свежий номер, который нельзя было приобрести в киосках. Я промолчал, так как подумал, что правда на определенном этапе тоже может заменить и духовность, и мораль — это и была миссия перестроечной, уже разрешенной прессы. А вот что духовность всегда является и правдой, и моралью — этого, к нашему счастью, коммунисты не осознали, поэтому и состоялся «Тыгодник» именно тогда, когда ничего не позволяли...

Но здесь были и совсем «экономические» журналисты, никак не способные уразуметь, ради чего нужна газета, не пишущая о биржах и банках. И я подумал, что следовало бы объяснить им: в России экономическая пресса симулирует экономику, скорее для себя, а в Польше она анализирует то, что есть. И что без газеты, которая не пишет о биржах, и без людей, верящих, что свобода не измеряется акциями, ничего бы не было — ни банков, ни бирж, ни Бальцеровича... А была бы симуляция экономики, тихое топтание на неприятном месте... Однако вдруг я увидел, что они смотрят на отца Адама с каким-то даже удивлением, что они его слушают — без бирж, без ценных бумаг, а просто захвачены этой симфонией человеческой личности, которую им, судя по всему, не так часто удается услышать в своих современных офисах, переполненных поп-музыкой ежеднев-

ного общения. И я изумился своей гордыне — наверняка не нужно здесь никого защищать. Уже в гостинице я развернул последний номер «Тыгодника» с «Богословским трактатом» замечательного польского поэта Чеслава Милоша. И прочитал первую строку — «Такого трактата молодой человек не напишет»... И подумал, что я слишком молодой человек, дабы начать кого-то поучать, объяснять различие между вечным и ежедневным, между произведением и текстом, между словом и цифрой. Слово — оно само себя защитит, даже когда его услышишь только ты...

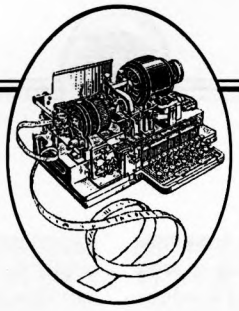
Декабрь. СТЕМПОВСКИЙ

Меня пригласили на ночной эфир радиостанции «Эхо Москвы». Три часа — неплохая возможность подвести кое-какие итоги, а также объяснить российской аудитории, что я вообще делаю в ее стране. Я пытался доказать, что моя заинтересованность в демократическом цивилизационном развитии России, в ее сотрудничестве с Западом, в адекватности ее элиты, как это ни странно, прямо вытекает из моих обязанностей перед Украиной. Поскольку такая Россия объективно будет помогать и нашей европейской интеграции, поскольку в такой России наконец появится новая генерация политиков, интеллектуалов, журналистов, способных более трезво посмотреть на историю своей страны и российско-украинских отношений. Винниченко когда-то писал, что «российская демократия заканчивается на украинском вопросе». Я же уверен, что когда российская демократия начнется — настоящая, не демагогическая, не декларативная, а выстраданная и необходимая каждому, — она уже не остановится на украинском вопросе. И такую Россию я хочу как гражданин Украины. И такую Россию я хочу, не забывая о своем еврейском происхождении, — так как прекрасно помню о роли Советского Союза на Ближнем Востоке, о лагерях террористов в степях Украины, о щедрых денежных переводах организациям, захватывавшим самолеты и расстреливавшим автобусы со школьниками. Но были ли сами россияне счастливее или богаче оттого, что престарелая империя сорила по миру их деньгами?

Большая часть аудитории — по крайней мере из звонивших — меня поддержала. Но я не тешу себя иллюзиями: у «Эха Москвы» довольно специфическая аудитория, которая скорее верит в демократию, чем знает, с чем ее едят. Но были и те, которые никак не могли понять, о какой Европе я толкую, чего ради вообще России или Украине иметь дело с этим Западом и откуда у меня уверенность, что большая часть этой аудитории еще успеет увидеть нормальную Россию — обычную европейскую страну, не отягощенную идеологическими догмами, коррумпированной номенклатурой, ностальгией по прошлому.

Я мог бы ответить — и это, естественно, украинской аудитории касается даже больше, чем российской, — что такая моя уверенность связана прежде всего со стремлением исследовать объективные процессы, которые еще никому не удавалось остановить — разве что затормозить... Но перед моими глазами стоит еще и образ, сложившийся этим летом, когда я читал путевые дневники польского писателя Ежи Стемповского — блестящего эссеиста, к тому же хорошо знакомого с украинскими реалиями. (Своего отца, Станислава Стемповского, в автобиографии он аттестует как активного участника украинского освободительного движения, министра в правительстве Симона Петлюры, а себя — как человека, сохранившего с того времени определенное количество близких украинских знакомых.)

Стемповский оставил удручающий портрет послевоенной Европы — разрушенной, деморализованной, дезориентированной, равнодушной, лишенной интеллектуальной жажды... Он путешествовал по городам, по которым я так часто проезжаю в последние годы, — Мюнхен, Аугсбург, Инсбрук, Вена... Ночевал в руинах, преодолевал бюрократические ловушки, исследовал полную неуверенность в завтрашнем дне, и даже больше — нежелание быть в этом завтрашнем дне. Он видел книжные магазины без книг, музеи без посетителей, умершие города, старые центры которых, казалось, навечно остались в истории, как мегаполисы Атлантиды... Естественно, я видел немало послевоенной хроники, но Стемповскому удалось передать атмосферу безысходности, в которой оказалась после войны Европа побежденных... Но, несмотря на это, рядом с этой безысходностью, с этим тотальным разочарованием, рядом с крысами в руинах, болезнями и нищетой, уже начинало незаметно светать... И теперь, прогуливаясь по мюнхенским или венским улицам, вы скорее будете готовы поверить в реальность научно-фантастического романа, чем в достоверность дневников Стемповского. Однако это свидетельство осталось — свидетельство человека, влюбленного в европейскую цивилизацию и потому способного пропустить через себя даже трагедию недавних врагов. И это свидетельство сегодня очень важно для нас. Ведь оно убеждает не только в том, что желание людей жить по-человечески — непреодолимо даже на руинах. Но и в том, что великий помощник этого желания — сама история, которую нельзя обмануть, как доверчивый электорат в колхозе имени XXII партсъезда.



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

☞ **Президент Александр Квасневский подписал приказ об участии польского контингента в военной операции в Ираке. «Мы помним тех, кто в 1939 г. не хотел сражаться за Гданьск, — сказал президент. — Мир — да, но не ценой согласия на насилие и терроризм». В связи с протестом Франции против интервенции в Ираке президент напомнил, что в 1933 г. маршал Юзеф Пилсудский предлагал французам превентивную войну с Германией, от чего те отказались. За это бездействие заплатил весь мир.** ***(«Жечпосполита», 18 марта)***

☞ Министр обороны Ежи Шмайдзинский: «Польские десантники из Группы оперативно-мобильного реагирования (ГРОМ) принимают непосредственное участие в боях на территории Ирака. Наши подразделения осуществляют резолюцию №1441 Совета безопасности ООН, цель которой — разоружение Ирака». *(«Газета выборча», 25 марта)*

☞ **По мнению министра иностранных дел Влодзимежа Цимошевича, польское участие в антииракской коалиции «совершенно необходимо с точки зрения стратегической перспективы нашей национальной безопасности. Речь идет о гарантиях безопасности, связанных с надежностью Североатлантического союза. Эффективность НАТО очевидным образом и в высшей степени зависит от полного участия Америки. Мы поддержали логику, продемонстрированную США и Великобританией во имя укрепления трансатлантических связей».** ***(«Газета выборча», 29-30 марта)***

☞ Во время встречи с президентом Александром Квасневским представители оппозиционных парламентских фракций «Права и справедливости», «Гражданской платформы», крестьянской партии ПСЛ и «Самообороны» согласились с тем, что польская политика в отношении Ирака не может быть предметом предвыборной борьбы. *(«Жечпосполита», 12 марта)*

☞ **Бронислав Геремек: «Мы помним Мюнхен — прелюдию к войне и геноциду, помним равнодушие к ГУЛАГу и судьбу притесненных народов (...) Наши страны [Центральной и Восточной Европы] видят иронию истории в том, что их ставят перед выбором между странным союзом Берлина, Парижа и Москвы и американо-британской коалицией (...) С нашей точки зрения, США остаются испытанным союзником Европы в тяжелейшие периоды ее истории, перед лицом двух мировых войн и двух тоталитарных режимов».** ***(«Газета выборча», 4 апр.)***

☞ Стефан Братковский: «Не исключено, что Ширак войдет в историю как современный Даладье, а Шредер — как современный Чемберлен (...) Как заметил [маршал Сейма] Марек Боровский, страны Центральной Европы поддержали США во имя своих государственных интересов — чтобы пути Европы и Америки не разошлись. Пока США интересуются Европой и связаны с ней, мы можем чувствовать себя в безопасности (...) То, что люди с такой политической родословной [как Миллер и Квасневский] не колеблясь встали на защиту нашего места в НАТО, хорошо свидетельствует о нашей стране». *(«Жечпосполита», 22-23 марта)*

☞ **«С декабря прошлого года в [Североатлантическом] союзе шла дискуссия о возможности и способе участия НАТО в решении иракской проблемы (...) Если взглянуть на это с точки зрения польских государственных интересов, можно задаться вопросом: как повело бы себя НАТО в случае угрозы территории Польши? Сколько времени заняло бы рассмотрение нашей просьбы об укреплении польской обороноспособности? Не посоветовали бы нам обратиться в ООН? Более того, как выглядела бы ситуация, когда после продолжительных консультаций, вытекающих из ст. 4 Вашингтонского договора, нужно было бы сослаться на ст. 5 того же договора о коллективной обороне?»** ***(Ежи М. Новак, «Жечпосполита», 18 марта)***

☞ Чеслав Милош: «Критика войны [в Ираке] и потребность проявлять возвышенные чувства вроде пацифизма здесь совершенно неуместны. Если бы мы рассуждали подобным образом, можно было бы сказать, что [западным странам] не было никакой необходимости объявлять войну Гитлеру». *(«Газета выборча», 21 марта)*

☞ **Польские епископы расходятся в моральной оценке войны в Ираке. «Это несправедливая война», — сказал полевой епископ Славой Лешек Глудзь Подобное мнение высказал и кардинал Франтишек Махарский. С другой стороны, по мнению тарнувского епископа Виктора Скворца, этот конфликт можно считать оборонительной войной, при которой военные действия оправданны. «Перед лицом военной драмы мы не должны идеологи-**

зировать события в Ираке», — считает архиепископ Юзеф Жицинский, утверждающий, что «в этой ситуации хороших решений не было». *(«Тыгодник повшехный», 30 марта)*

☛ Согласно опросу ЦИОМа, 69% поляков высказываются против участия польских солдат в войне с Ираком, 55% — против использования Америкой польских военных баз. 50% считают, что Польша поступила правильно, став на сторону Америки, а не Франции и Германии. *(«Жечпосполита», 19 марта)*

☛ **В референдуме о вступлении Польши в Евросоюз намерены принять участие 54% поляков. 23% до сих пор колеблются. 73% поляков, намеревающихся участвовать в референдуме, поддержат вступление в ЕС. Против высказываются 19%. *(«Жечпосполита», 18 марта)***

☛ В Варшаве в рамках Форума польско-российского диалога, нового начинания, призванного укреплять сотрудничество между Польшей и Россией, прошли следующие мероприятия: дискуссия в редакции «Газеты выборчей», встреча в посольстве Российской Федерации и встреча с премьер-министром Лешеком Миллером. В форуме участвовали, в частности, министры культуры России и Польши Михаил Швыдкой и Вальдемар Домбровский, замминистра иностранных дел Польши Анджей Залуцкий, главные редакторы «Московских новостей» Виктор Лошак, «Газеты выборчей» Адам Михник и «Новой Польши» Ежи Помяновский. *(«Газета выборча» и «Жечпосполита», 17 марта)*

☛ **Из интервью с министром культуры России Михаилом Швыдким: «Россия не забыла, что творилось в прошлом столетии. Мы до сих пор ощущаем тяжесть этого бремени. И все же я думаю, что сегодня необходимо осознать: Российская Федерация в 2003 г. — это не Российская империя. Пока это не дойдет до общественного сознания, мы будем иметь дело со множеством предубеждений (...) сегодняшняя Россия должна свести счеты со своим прошлым — как, впрочем, и вы. А это, признаюсь, будет непросто. Например, мы начали переговоры с Анджеем Вайдой на тему совместного производства фильма о Катыни. Что из этого выйдет, пока неизвестно: переговоры только начинаются. Наверняка они будут нелегкими: польский и российский взгляды несомненно будут различаться». *(«Газета выборча», 17 марта)***

☛ Из открытого письма Союза сибиряков: «Поляки были вывезены из своей страны. В этом заключается принципиальная разница между ущербом, нанесенным гражданам бывшего СССР, которые страдали, оставаясь у себя на родине, и злом, причиненным польским гражданам, вывезенным с родины (...) В законе от 18 октября 1991 г., на который в прошлом году ссылался президент Владимир Путин, а недавно во время визита в Варшаву — премьер-министр Михаил Касьянов, говорится, что его действие распространяется на граждан, приговоренных правомочным приговором советского суда (...) Полякам был вынесен коллективный приговор к 20 годам ссылки на основании указа, подписанного Сталиным 9 декабря 1939 года (...) С момента своего основания (1989) Союз сибиряков ведет постоянную кампанию за примирение и поддержание дружественных отношений с нашими восточными соседями. Мы стремиться урегулировать вопрос [компенсаций], чтобы он не ложился тенью на сближение наших народов». *(«Жечпосполита», 10 марта)*

☛ **11-летняя москвичка Наташа Кунова, ставшая заложницей чеченских террористов в Театральном центре на Дубровке и потерявшая там мать, провела неделю в Польше. 26 марта она отпраздновала свой день рождения в пригласившей ее краковской неполной средней школе №101. Читатели «Газеты выборчей» и «Польская гуманитарная акция» собрали для Наташи 44 тыс. злотых, которые лежат на счету в польском банке и предназначены для финансирования ее дальнейшей учебы. *(«Газета выборча», 21 и 31 марта)***

☛ Верховный суд оставил в силе приговор, вынесенный подполковнику Чеславу К., который был осужден на четыре года лишения свободы и разжалование за шпионаж в пользу СССР и России. В 1998 г. были арестованы три офицера, подозреваемые в подобных действиях. Второй из них, подполковник Збигнев П., был приговорен к трем годам тюрьмы и разжалованию в 2001 году. Процесс третьего офицера продолжается по сей день. *(«Жечпосполита», 12 марта)*

☛ **По мнению журнала «Впрост», т.н. дополнительный протокол, подписанный вице-премьером Мареком Полем в результате переговоров с правительством России, увеличит зависимость Польши от поставок российского газа, приведет к установлению в Польше едва ли не самых высоких в мире цен на это сырье и обеспечит России оплату за транзит газа в Германию в 2,5 раза ниже ее рыночной стоимости. *(Ян Пинский, «Впрост», 23 марта)***

☛ В Казимежском дворце Варшавского университета прошла встреча, посвященная 85-й годовщине со дня провозглашения независимой Белорусской Народной Республики. *(«Газета выборча», 25 марта)*

☛ **В школах Подлесья белорусский язык изучают 3317 учеников, в т.ч. в неполных средних — 1608, в гимназиях — 855, в лицеях — 854. *(«Пшеглёнд православный», март)***

☛ Глава администрации президента Украины Виктор Медведчук признал, что в массовых убийствах поляков на Волыни во время II Мировой войны виновны украинцы из Украинской повстанческой армии (УПА). По его словам, Волынь — это трагедия не только Поль-

ши, но и Украины. Это первое столь недвусмысленное заявление представителя высшего украинского руководства со времени февральского выступления президента Леонида Кучмы, сказавшего, что «преступлениям против человечества не может быть оправдания». *(«Жечпосполита», 3 апр.)*

☛ **Премьер-министр подписал указ о назначении Яна Дзержона из партии немецкого меньшинства на должность опольского вице-воеводы. Впервые в Польше представитель национального меньшинства занял столь высокий пост в государственной администрации.** ***(«Газета выборча», 19 марта)***

☛ По данным Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации, Польша не ставит расистские организации вне закона, хотя обязана делать это в соответствии со своей конституцией и подписанной ею антирасистской конвенцией. *(«Газета выборча», 29-30 марта)*

☛ **«В то время как епископы на коленях молили Бога о прощении едвабненского преступления, в подземелье этой же [варшавской] церкви Всех Святых продавалась антицерковная и антисемитская литература. Она продается там и по сей день» (в Патриотической книжной лавке «Антик»).** ***(«Тыгодник повшехный», 30 марта)***

☛ Пресс-секретарь Варшавской окружной прокуратуры Мацей Куявский: «Варшавская окружная прокуратура ведет следствие по факту публичного разжигания ненависти на почве национальных и религиозных различий, а также публичного оскорбления группы граждан еврейского происхождения за их национальную и религиозную принадлежность путем распространения в Варшаве в период с 2000-го по ноябрь 2002 г. изданий антиеврейской направленности...» *(«Тыгодник повшехный», 6 апр.)*

☛ **Роман Полянский: «Я пережил Катастрофу. То, что я показываю в «Пианисте», — информация из первых рук (...) Конечно, в «Пианисте» невозможно было полностью передать масштабы случившегося. Но ведь Ленинград пережил не меньший кошмар: само число 800 тысяч человек, погибших или умерших во время блокады, — просто какая-то абстракция (...) Я могу с гордостью сказать, что весь кошмар того времени передан мною в «Пианисте» так точно и верно, что после премьеры люди, прошедшие через все это, говорили: «Это не фильм — это жизнь». Марек Эдельман, человек, переживший восстание в варшавском гетто, плакал...»** ***(«Жечпосполита», 25 марта)***

☛ Фильм «Пианист», снятый по мотивам воспоминаний Владислава Шпильмана, получил три «Оскара»: за режиссуру (Роман Полянский), за главную мужскую роль (Адриен Броди) и за лучший сценарий по книге (Рональд Харвуд). *(«Жечпосполита», 25 марта)*

☛ **Польская община вьетнамцев насчитывает около 20 тыс. человек. По неофициальным оценкам, еще столько же вьетнамцев живут в Польше нелегально. По данным социологических опросов, поляки относятся к вьетнамцам с симпатией, считают их хозяйственными, трудолюбивыми, предприимчивыми, вежливыми, спокойными и бесконфликтными. Только 3,2% опрошенных считают их своими конкурентами на рынке труда.** ***(«Политика», 22 марта)***

☛ В 2000 г. Польша депортировала 6847 иностранцев, в 2001 г. — 5954, в 2002-м — 4836. *(«Пшеглёнд православный», март)*

☛ **Польские вузы не хотят принимать абитуриентов с международными аттестатами зрелости, опасаясь конкурентов, привыкших к иным стандартам и сразу замечающих низкий уровень преподавания и плохую подготовку кадров (...) Когда в варшавской Высшей школе предпринимательства и управления им. Леона Козьминского, в варшавском Политехническом институте и в краковской Горно-металлургической академии начали преподавать иностранные специалисты, польские профессора стали делать все, чтобы они не приехали со следующим циклом лекций. Причина была проста: студенты видели слишком большую разницу в уровне преподавания. На следующий год заграничных конкурентов уже не было».** ***(Кшиштоф Лозинский и Славомир Серадзкий, «Впрост», 16 марта)***

☛ По данным Главного статистического управления (ГСУ), в 2001 г. неполное среднее образование имели 30,8% поляков, профессиональное — 25,6%, среднее — 30,5%, высшее — 9,8%. *(«Жечпосполита», 22-23 марта)*

☛ **По сведениям ГСУ, в феврале ситуация на рынке труда снова ухудшилась: число безработных возросло до 3,344 млн. человек, т.е. до 18,8% трудоспособного населения.** ***(«Жечпосполита», 22-23 марта)***

☛ 55% польских крестьянских хозяйств владеют менее чем 5 гектарами земли. Для получения дохода, сравнимого со средней польской зарплатой, необходимо иметь по крайней мере в семь раз больше угодий. В польской деревне работают 27% всех трудящихся (в ЕС — 5%). Размеры скрытой безработицы оцениваются в 20%. *(Ян Пинский, «Впрост», 6 апр.)*

☛ **«В Силезии каждый третий член «Союза демократических левых сил» (СДЛС) — безработный. Люди не понимают, почему некоторые их товарищи по партии так богаты и почему они не хотят делиться с другими работой и должностями (...) Во время выборов в органы местного самоуправления (...) одно из отделений партии даже приняло решение включать в список кандидатов только безработных — должны же они на что-то жить, а депутатам голод не грозит».** ***(Ян Дзядуль, «Политика», 22 марта)***

☛ Согласно опросу Лаборатории социальных исследований (ЛСИ), 51% поляков считают, что Лешек Миллер должен уйти с поста председателя совета министров. 26% хотят, чтобы он исполнял свои обязанности до истечения срока полномочий Сейма, а 11% — только до проведения референдума о вступлении Польши в Евросоюз. *(«Жечпосполита», 4 апр.)*

☛ **«Президент слишком слаб, чтобы свергнуть правительство, хотя он будет делать все, чтобы Миллер ушел в отставку. Скованный в своих действиях премьер не может эффективно управлять страной, но ему вполне хватит сил, чтобы продержаться посреди хаоса (...) Все это происходит за два месяца до европейского референдума, при растущей безработице и неотложной необходимости провести быстрые и радикальные экономические реформы».** ***(Михал Карновский, Зофья Войтковская и Амелия Лукасяк, «Ньюсуик-Польша», 6 апр.)***

☛ Оказывается, президент скрывал от общественного мнения записку, которая может стать важным элементом в следствии, касающемся одной из крупнейших афер в Третьей Речи Посполитой. Об этом сообщил премьер-министр — не во имя законности и государственного блага, а лишь в отместку за то, что глава государства намекнул на возможную отставку главы правительства. В парламенте депутаты голосуют за отсутствующих товарищей, совершая тем самым обыкновенное преступление. Поговаривают даже о ставках (не слишком высоких) за голос. В то же время депутаты требуют распространения своего иммунитета на нарушение правил дорожного движения (...) Комментировать все это уже не имеет смысла». *(Кшиштоф Бурнетко, «Тыгодник повшехный», 6 апр.)*

☛ **Президент Александр Квасневский после встречи с премьер-министром Лешеком Миллером: «Вчера между нами состоялась длительная, многочасовая беседа, и сегодня я хочу сказать вам и нашим соотечественникам: войны в верхах нет. В верхах есть забота о Польше, о будущем, о благе граждан».** ***(«Жечпосполита», 3 апр.)***

☛ Сообщение пресс-центра министерства финансов: «Пребывающий в Лос-Анджелесе с частным визитом вице-премьер и министр финансов Гжегож Колодко уже в третий раз с момента вступления в должность пробежал марафонскую дистанцию. На этот раз он показал время 4 часа 16 минут 53 секунды и занял 3145 место среди примерно 22 тыс. стартовавших». *(«Тыгодник повшехный», 16 марта)*

☛ **Стефан Братковский: «Это может прозвучать саркастически, но 13 лет назад мы хотели построить образцовое государство. Не какое-нибудь там, а образцовое. Не идеальную модель, ибо таковой не бывает, но государство, опирающееся на все самое лучшее, мудрое и проверенное, что заключает в себе опыт мировых демократий».** ***(«Жечпосполита», 29-30 марта)***

☛ Тадеуш Мазовецкий: «Под вывеской демократии могут развиваться различные олигархические группы, оказывающие влияние на государственные институты (...) Действительно, 13 лет назад я не предполагал, что [в Польше] все это разовьется до такой степени. Но давайте взглянем на это в соответствующих пропорциях: ведь мы все-таки не Белоруссия». *(«Жечпосполита», 15-16 марта)*

☛ **Вальдемар Кучинский, экономист, в прошлом советник при правительстве Мазовецкого: «Третья Речь Посполитая (...) создала условия для свободной жизни и тем самым обнажила правду о нас самих. Однако прошедшие 14 лет — это также период огромных успехов: средняя продолжительность жизни возросла на 4 года; младенческая смертность снизилась с почти 20‰ под конец ПНР до менее 8‰; у нас есть чистые воздух и вода; национальный доход возрос почти на 50%, а расход средств на его выработку уменьшился. Я мог бы продолжать еще долго...»** ***(«Газета выборча», 4 апр.)***

☛ Тадеуш Сирийчик: «В странах с устойчивыми системами представительства демократия тоже переживает кризис (...) Ситуация, когда публично нарушаются общепринятые правила приличия, когда мандат на осуществление власти получают люди, замешанные в аферы и занимающиеся подозрительной деятельностью, а значит, по логике вещей, недостойные доверия общества, показывает, что демократия работает не лучшим образом. Ее лучшие стороны уходят в прошлое (...) К сожалению, не видно ничего столь же хорошего, что могло бы заменить эти лучшие стороны». *(«Газета выборча», 5-6 апр.)*

☛ **По данным опроса ЦИОМа, в 1994 г. своей жизнью были довольны 53% поляков; в ноябре 2002 г. эта цифра составила уже 67%.** ***(«Жечпосполита», 29-30 марта)***

☛ Согласно опросу ЦИОМа, 73% поляков довольны тем, как справляется со своими обязанностями президент Александр Квасневский, причем 23% оценивают его правление как очень хорошее. 17% оценивают президента негативно. 62% опрошенных считают, что премьер-министр Лешек Миллер исполняет свои обязанности плохо, и лишь 26% оценивают его положительно. 75% поляков критически оценивают деятельность правительства СДЛС и «Унии труда», а 17% удовлетворены им. *(«Газета выборча», 1 апр.)*

☛ **Из интервью с президентом Александром Квасневским: «Я могу выступать с серьезными инициативами государственного значения, но не могу связывать себя ни с какими партийными структурами, ибо тогда я разрушу один из последних оплотов, все еще пользующихся уважением. Сегодня забота о качестве президентства и об этой должности — ценность сама по себе».** ***(«Жечпосполита», 22-23 марта)***

☛ Дело об «афере Рывина» уже обрело свою собственную динамику, движущая сила которой — отнюдь не политики, но давление, оказываемое нами, гражданами, общественным мнением гражданского общества. Частные и свободные СМИ оказались единственной — единственной! не прокуратура, не государственные учреждения, но частные СМИ — силой, способной всколыхнуть коррумпированную действительность. Ибо при всех технических ошибках, допущенных Адамом Михником и «Газетой выборчей», именно публикация в «Выборчей», поддержанная затем другими частными СМИ, обрушила эту лавину. *(Кшиштоф Козловский, «Тыгодник повшехный», 23 марта)*

☛ **Президент Александр Квасневский дал свидетельские показания по делу Рывина. В допросе принял участие начальник апелляционной прокуратуры. Член следственной комиссии Сейма Ян Рокита считает, что «это стало прецедентом в истории польского правосудия», ибо никогда прежде глава государства не давал показаний прокурору. По мнению заместителя председателя комиссии Богдана Левандовского, «этот допрос свидетельствует о том, что в Польше ни один человек не стоит вне закона». *(«Газета выборча», 27 марта)***

☛ Новым членом следственной комиссии Сейма, созданной для расследования «аферы Рывина», стала депутат от «Самообороны» Рената Бегер. Пильская прокуратура ведет расследование по делу о фальсификации подписей в списках в поддержку ее кандидатуры на парламентских выборах. 2100 человек заявили, что не расписывались в этих списках. *(«Впрост», 16 марта)*

☛ **Авторы обращения, которое подписали, в частности, Владислав Бартошевский, Стефан Братковский, Анджей Вайда, Рышард Капустинский, Ханна Краль, Ян Новак-Езёранский и Ежи Помяновский, призывают изменить положение о выборах (подробнее см. в этом номере «Выписки из культурной периодики» Лешека Шаруги). *(«Жечпосполита», 15-16 марта)***

☛ Ян Винецкий: «В Польше (...) где более 40% участников опросов заявляют о своем доверии к Лепперу (...) одномандатные округа принесли бы безоговорочную победу большевикам с обеих сторон политической сцены и оппортунистам, ориентирующимся на людей с кашей в голове. Шансы умеренных, центристских партий, партий здравого рассудка, были бы еще меньше, чем сейчас (...) Путь к лучшему государству, к истинной гарантии политических, гражданских и экономических свобод ведет не через углубленный размышлениями радикализм (...) но через десятки маленьких шажков, когда каждый продвигает вперед дело, считающееся в нынешних условиях почти или полностью безнадежным». *(«Впрост», 30 марта)*

☛ **Проф. Антоний Каминский из Института политических исследований ПАН: «Высокопоставленные чиновники совершают намеренные или случайные ошибки и остаются на своих постах, а иногда даже идут на повышение. Слабое государство подобно больному дереву: оно не в состоянии защититься от паразитов. Примеров тому множество, и встречаются они на каждом шагу. Какой-то чиновник решил поставить в центре Варшавы [гигантскую искусственную] пальму. Город понес убытки ради непонятного каприза, над которым варшавяне только смеются. Никто за это так и не ответил». *(«Газета выборча», 22-23 марта)***

☛ «В сегодняшней Польше предприниматель — это профессия высокого риска. К нему домой может нагрянуть полиция, которая наденет на него наручники и посадит его в следственный изолятор. С ярлыком афериста он попадет на первые страницы газет. Даже если он честно ведет дело, налоговая инспекция, пользуясь туманностью предписаний, добьет его штрафами. Быть может, спустя долгие годы с него снимут обвинения, но кто вернет ему фирму и потерянную репутацию?» — вопрошает Ежи Садецкий, на что Юлия Питера из «Transparency International» отвечает: «В Польше независимость предпринимателя — это клеймо. Кто не идет на сговор с политиками, тот гибнет». *(«Жечпосполита», 31 марта)*

☛ **Януш Левандовский, бывший министр по делам преобразования форм собственности: «В 2002 г. стоимость польского экспорта в долларах возросла на 9% и продолжает расти (...) Польское предпринимательство опередило формальное членство Польши в Евросоюзе». *(«Впрост», 16 марта)***

☛ Из курсирующих в Польше поездов массово исчезают багажные полки, пепельницы, мусорные ящики, обшивки обогревателей, дверные ручки. Крадут также зеркала, умывальники, унитазы. С железнодорожных путей постоянно крадут элементы, обеспечивающие безопасность движения: части семафоров, датчики, тросы, электромагниты автоматического торможения поездов. Только в 2002 г. было украдено 1668 электромагнитов. В тот же год Польские государственные железные дороги потеряли 66,8 км проводов тяговой сети, несмотря на то, что провода эти находились под напряжением 3000 вольт; пропало и 7,6 тыс. грузов, натягивающих провода. Из-за краж в поездах многие, опасаясь за свою безопасность и сохранность багажа, предпочитают пользоваться автобусами. *(«Политика», 15 марта)*

☛ **95% поляков заявляют, что они верующие: 60% считают себя верующими и руководствуются учением Церкви, а 35% говорят, что веруют по-своему. 2% не уверены. Неверующими считают себя 3% поляков. *(«Жечпосполита», 15-16 марта)***

☛ Казимеж Куц в беседе по случаю премьеры поставленного им спектакля Славомира Мрожека «Пешком»: «Демократия — это открытые коридоры. Сейчас в эти коридоры вливается дерьмо, полученное нами в наследство от прошлого: реликты коммунизма, групповщина, никуда не годные верхи. Общество должно через все это пройти. Это будет продолжаться еще много лет. Должен появиться совершенно новый вид поляка, уважающего государство и закон». *(«Жечпосполита», 5-6 апр.)*

☛ **Адам Малыш — первый прыгун с трамплина, три раза подряд завоевавший Кубок мира.** ***(«Жечпосполита», 24 марта)***

☛ Уже третий год подряд из городов выписывается больше людей, чем прописывается. Изменилась тенденция, продолжавшаяся непрерывно со времен II Мировой войны. Есть и другие новые явления: миграция из города в город и из столицы в провинцию. *(Агнешка Незгода, «Политика», 5 апр.)*

☛ **«Птицеглядство» — так назвали в Польше популярное на Западе «bird watching», т.е. наблюдение за птицами в их естественной среде обитания. В Польше подобные экспедиции тоже стали способом времяпрепровождения. Единственное в Польше турбюро, регулярно организующее внутрипольские и заграничные поездки для «птицеглядов», орнитологов-любителей, — это краковское «Bird Service» Мацея Зимовского. Кроме него организацией подобных экспедиций занимаются отдельные частные лица. Краковское бюро предлагает как походы на несколько дней, так и многодневные экспедиции.** ***(«Жечпосполита», 4 апр.)***

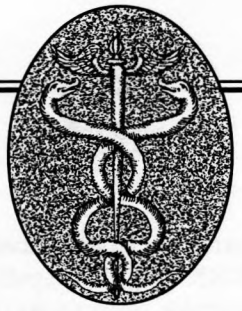
☛ Как и в прошлые годы, министерство охраны окружающей среды безуспешно напоминает о запрете на выжигание травы. В этом году луговые пожары достигли рекордных масштабов. В результате погибли два человека. *(«Газета выборча» и «Жечпосполита», 25 марта)*

☛ **Только раненых или агрессивных животных, а также сук со щенками принимает варшавское убежище для бездомных животных «На палюху». Новые правила введены с 24 марта. «Некоторые хозяева отдавали собак с ветеринарными картами. Я сказал: хватит, — говорит директор убежища Кшиштоф Лисовский. — Я не могу принимать животных, которые кому-то надоели, которых хозяева просто хотят поменять на «новую модель»». В убежище находятся 750 собак. На территории, переданной аэропортом, будут построены помещения еще для 200 собак, что поможет разгрузить переполненные клетки.** ***(«Газета выборча», 25 марта)***

☛ Контроль за соблюдением прав животных осуществляется очень плохо. Из доклада Высшей контрольной палаты следует, что на крупных фермах животных вообще не контролируют, а в убежищах их, обходя закон, массово убивают. Организации охраны животных бьют тревогу: на крупнопромышленных фермах животных держат на металлических решетках, без света, прикованных цепями. Их не выпускают из помещения и пичкают антибиотиками, чтобы избежать эпидемии. В убежищах усыпляют на 10% больше животных, чем в 1999 году. Усыпляют 44% собак и почти 70% кошек. *(Эва Седлецкая, «Газета выборча», 14 марта)*

☛ **Ежи Новосельский, художник, писатель, преподаватель, автор сборника эссе «Иной характер православия» и книги «Вокруг иконы», создатель фресок в православных церквях Кракова и Хайнувки: «Наше отношение к животным ужасно, просто ужасно. Существа, которые так на нас похожи (...) которые устанавливают с людьми настоящий эмоциональный контакт, обречены на жизнь в концлагерях, где их массово убивают. Так выглядит наше истинное отношение к животным. По сути дела мы ничем не отличаемся от фашистов, обрекших на уничтожение определенный вид людей. Разница между эмоциональной жизнью человека и животного очень невелика. То, что мы считаем себя лучше животных, — всего лишь чисто интеллектуальная, чисто умозрительная спекуляция. Мы забываем, что с животными нас роднят любовь и ненависть, страх и доверие...»** ***(«Газета выборча», 21 марта)***

☛ Станислав Лем: «На нашей планете [мы, люди] самые ужасные чудовища и худшая из угроз». *(«Политика», 15 марта)*



Яцек Искра

ВМЕСТО БАНКА КООПЕРАТИВНЫЕ КАССЫ

Дешевые и простые кооперативные сберегательно-кредитные кассы (КСКК), которые многие годы воспринимались как банки для малоимущих, теперь переживают период возрождения. Те, кого ни с чем отсылают из банков, в тяжелые времена могут рассчитывать на их помощь.

Несколько лет назад членство в кассах было зарезервировано для представителей одной и той же профессиональной группы, сотрудников предприятия или жителей определенного района. Сегодня подавляющее большинство из них тоже носит местный либо групповой характер. Но некоторые КСКК развились уже до такой степени, что начали работать на региональном и даже всепольском уровне. Некоторые располагают уже несколькими отделениями по всей территории Польши, а их членом может стать любой желающий.

ДЛЯ КОГО?

Практически членом кассы может стать каждый, ибо существует множество касс при различных объединениях. Достаточно быть членом какого-либо из этих объединений, и уже можно пользоваться услугами данной кассы. Объединения носят открытый характер, однако членами кассы могут быть только физические лица. Чтобы стать членом кассы, следует купить хотя бы один пай и заплатить членский взнос. Как правило, это расход порядка 100 польских злотых (около 25 долл. — *Пер.),* но при выходе из кассы пай и членский взнос полностью возвращаются.

Рис. Ignacy Czwartos /3/

ЗА СКОЛЬКО?

Деньги членов касс поступают на личный счет взносов (ЛСВ). Член кассы должен также заявить, что ежемесячно на этот ЛСВ будет поступать определенная сумма денег (необязательно большая, например 30 злотых). Этот счет надо открыть обязательно, независимо от того, собираетесь ли вы открыть в кассе другие счета либо сделать депозиты. Годовые на таком счету после прошлогоднего снижения ставки составляют 1,5-4%, то есть сравнимы с расчетными счетами в крупнейших розничных банках. Деньги с этого счета можно снимать, но на нем всегда должна оставаться строго определенная минимальная сумма. ЛСВ можно использовать как обеспечение некоторых ссуд.

Крупнейшую группу членов и одновременно клиентов составляют мелкие вкладчики. Для них предназначены так называемые мгновенные займы — кратковременные ссуды с низкой процентной ставкой, позволяющие продержаться до зарплаты. Размер такой ссуды, как правило, не превышает 500 злотых. С учетом мелких вкладчиков не был установлен и минимальный размер взноса, требуемого для открытия сберегательного вклада. Такие вклады в КСКК чаще всего можно открыть на более выгодных условиях, чем в большинстве других банков. Процентные ставки банковских годовых депозитов редко когда превышают 6%, в кассах же составляют около 8%, а в некоторых — даже более 10%.

КАКИЕ ГОДОВЫЕ?

Большим спросом пользуются денежные ссуды, предлагаемые КСКК. Процентная ставка таких ссуд сильно дифференцирована, она колеблется от нескольких до десяти с лишним процентов. Часто низкая номинальная ставка (например, 5% годовых) связана с высокими комиссионными. В итоге стоимость такого кредита совпадает со стоимостью банковского кредита. Некоторые кассы подготовили специальные

предложения для конкретных групп клиентов, например пенсионеров или шахтеров. Деньги выплачивают практически тут же. Представители КСКК говорят, что, работая в местных общинах, они знают своих клиентов и поэтому могут лучше оценить риск, связанный с предоставлением ссуды. Таким образом, кредитом могут воспользоваться даже те, у кого в банке не было бы никаких шансов.

СКОЛЬКО НАДО ЖДАТЬ?

Ходатайствовать о ссуде можно сразу, с момента приема в кассу. Но это не значит, что она автоматически будет предоставлена, причем в запрошенном размере. Касса, как и банк, проверит вашу кредитоспособность, в частности учтет уровень заработков. Чем, однако, продолжительнее будет ваш стаж в кассе, тем более выгодных условий вы сможете добиться (более низкая процентная ставка, ускоренная и более простая процедура, меньше гарантий).

Основной козырь КСКК — то, что ссуду можно получить довольно просто, без обременительных формальностей. Членам с длительным стажем иногда достаточно показать личный документ. Постоянные клиенты часто платят также меньшие проценты.

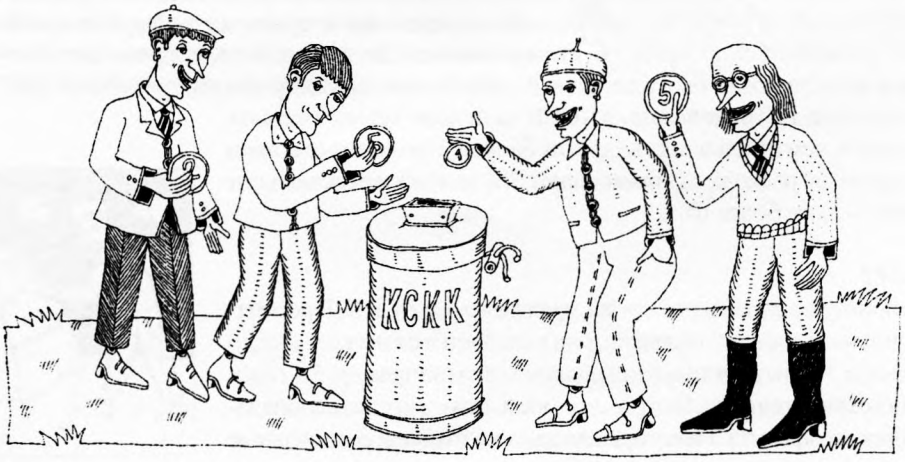
СКОЛЬКО ПЛАТЯТ?

КСКК предлагают также сберегательно-расчетные счета. Их достоинство — высокая процентная ставка (3-8%), что сравнимо со ставками депозитов в некоторых банках. Недостаток в том, что в рамках этих счетов кассы предлагают мало современных услуг. Представители КСКК объясняют это тем, что предлагаемые ими личные счета — это более простой вариант того, что предлагают банки, но благодаря этому их стоимость ниже: в месяц за них приходится заплатить даже на несколько злотых меньше, чем за самый простой сберегательно-расчетный счет в самых популярных розничных банках.

ЗАБУДЬ ПРО ИНТЕРНЕТ

С мая 2002 г. кассы пользуются электронной системой расчетов Всепольской расчетной палаты. Благодаря этому они могут осуществлять денежные переводы так же, как делают это банки. Кассы выдают своим членам свои карточки для банкоматов и карточки «Виза-Электрон». Однако сеть банкоматов КСКК невелика (всего 17 машин, причем карточка каждой кассы принимается только банкоматами КСКК).

Комиссионные за снятие наличных составляют менее одного злотого, а в некоторых кассах их вообще не взимают. За операции с помощью банкомата фирмы «Евронет» (около 600 машин по всей стране) приходится заплатить более 4 злотых. Карточки «Виза-Электрон» работают по тем же принципам, по которым работают карточки, выдаваемые банками. Но тем, кто привык управлять своими деньгами по телефону или через Интернет, в КСКК, пожалуй, делать нечего. Ни одна касса таких услуг еще не предлагает, и в связи с высокой себестоимостью современные каналы дистрибуции, пожалуй, быстро в кассы не попадут. По телефону можно проверять сальдо счета (как правило, бесплатно).



Ян Стренковский

ВЛАСТЕЛИН ПОЛЬСКОГО ПРОШЛОГО

Заметки о директоре Института национальной памяти Леоне Кересе

«Я боюсь только Господа Бога и своей жены», — ответил профессор Леон Керес на заданный ему в начале прошлого года вопрос, не собирается ли он уходить в отставку под влиянием широко развернувшейся кампании нападок на него как директора Института национальной памяти. Этот шутливый ответ напоминал зафиксированный в довоенной польской конституции принцип, что президент государства несет ответственность только перед Богом и историей.

Профессор Керес — специалист в области международного права, деятель органов местного самоуправления, любитель мотогонок на гаревой дорожке, меломан, слушающий в своем домашнем затишье классическую музыку, а иногда и сам берущий в руки скрипку. И вместе с тем после июля 2000 г. это один из самых известных государственных чиновников III Речи Посполитой. Создатель и директор учреждения, которое, как написал «Тыгодник повшехный», на протяжении нескольких первых месяцев своего существования стало «одним из немногочисленных в современной Польше институтов государства, пользующихся доверием общества». В рейтинге еженедельника «Пшеглёнд» Керес занял 57-е место среди 100 наиболее влиятельных поляков. По мнению еженедельника, он «властелин польского прошлого, особенно того, что заклято в тайных досье спецслужб ПНР». При таком сравнении невольно вздрогнешь. Однако невозможно спорить с тем, что и он сам, и руководимый им институт обладают огромным влиянием на формирование мнения поляков о самих себе (да и не только поляков). Деятельность ИНП с интересом наблюдают многие люди во всем мире. Неудивительно, что для одних он враг, недостойный звания поляка, а для других — совесть нации, человек, у которого хватает смелости говорить неприятные и непопулярные слова, мучительные, но правдивые.

Леон Керес

ПАЛОЧКИ, КРУЖОЧКИ И ПОЛИТИКА

Он родился в 1948 г. в деревне, расположенной совсем рядом с советской границей, к северу от Беловежской пущи. Деревня была выморочной — самые бедные места Польши. У семьи Кереса было там свое хозяйство, но в 1951 г. СССР принял решение произвести «корректировку границы», разумеется, «выгодную» для Польши: за отсталые деревни, расположенные на северо-востоке, нам достались горные районы в Бещадах, которые великолепно подходили для того, чтобы снимать там вестерны. Этот «обмен» застал жителей врасплох, и родители маленького Леона решили не рисковать: они продали хозяйство и перебрались на Западные земли, в Кошалин, расположенный в центральной части Балтийского побережья.

Его родители не получили никакого образования и едва зарабатывали себе на хлеб физическим трудом. Однако они сделали все, чтобы дать образование детям. Леону еще не исполнилось и семи лет, когда он научился читать. Мама вплоть до тошноты заставляла его рисовать в прописях палочки и кружочки, чего он терпеть не мог. Его дед, глава рода, имевший в родословной венгерские корни («keresz» по-венгерски означает «крест») учил его читать газеты — на самом деле только одну газету, «Глос кошалинский», — и интересоваться политикой.

Интересоваться политикой учил его и дядя, ксендз в приходе Майово-Костельно, расположенном неподалеку от того места, где когда-то жили

родители Леона. Еще совсем мальчишкой он ездил туда на каникулы. У дяди был радиоприемник на батарейках (в деревню еще не провели электричество). И этот приемник приносил вести из совершенно иного мира. Вслушиваясь в запрещенные и заглушаемые передачи «Свободной Европы», Леон приобретал знания о мире, которых не преподавали в школе. Он не признавал этого государства, этого строя, но жил в нем. ПНР, со всеми ее недостатками и пороками, была его родиной.

Программы «Свободной Европы» были чрезвычайно разнообразны. Профессор Керес, заядлый спортивный болельщик, рассказывает, как в 1960 г. он целыми днями слушал передачи о проходивших в Риме Олимпийских Играх.

А МОЖЕТ, НАПОЛЕОН?

Леон Керес вспоминает свое детство и отрочество как череду драматических событий, но всё это драмы, которые переживает в своей жизни любой подросток: как он перебежал улицу перед подъезжающим грузовиком, что закончилось крепкой головомойкой; как во время службы в костеле у дяди, где он был прислужником, на нем загорелся стихарь (шрам от ожога остался до сих пор); как он подписал классную работу одним только именем, что вызвало саркастические комментарии учительницы: «Леон — а может, Наполеон?» Он не скрывает, что в течение многих лет жил в бедности. Случалось ему и голодать.

Позднейшие события в жизни Леона Кереса уже вписались в ряд важных польских политических событий. Он участвовал в них в качестве наблюдателя, но все чаще его участие становилось более прямым и осознанным. Как и в детстве, ему почему-то везло. Довольно случайное его участие в мартовских событиях 1968 года, когда студенческая молодежь взбунтовалась против монопольной власти государства, в особенности против лживости контролируемых властями СМИ, могло закончиться для него исключением из Вроцлавского. университета. В 1976 г., когда на улицы вышли рабочие Радома и завода «Урсус», а затем возник Комитет защиты рабочих (КОР), он был занят учебой. Он не стал политическим активистом ни одной из сторон. По его словам, он старался вести себя как порядочный человек.

В 1980 г. взбунтовались судостроители на Гданьской судоверфи им. Ленина. К ним присоединились рабочие со всех уголков страны. Так «вспыхнуло» движение «Солидарность». Леон Керес был одним из основателей ячейки «Солидарности» на юридическом факультете Вроцлавского университета.

«МОЛОДОЙ»

Мирная революция «Солидарности» продолжалась 10 лет и закончилась переговорами «круглого стола» и выборами 4 июня 1989 г. в Сейм и Сенат, в которых непрерывно правившая в течение 45 лет ПОРП потерпела позорное поражение.

Будучи юристом, Керес оказался весьма нужным и полезным сотрудником для профсоюзных деятелей, которые в большинстве своем не имели никакого опыта в общественной деятельности. Во Вроцлаве, при региональном управлении «Солидарности», возник Центр общественно-профессиональных работ, в котором начал сотрудничать Керес. Потом был I съезд «Солидарности» в Гданьске, где его пригласили войти в состав группы экспертов. После съезда он стал советником президиума Нижнесилезского регионального правления «Солидарности». Его начальником был водитель городского транспорта Владислав Фрасынюк, сегодня стоящий во главе одной из политических партий, а во время «военного положения» — легендарный руководитель подпольной «Солидарности». Керес был самым молодым среди советников, и Фрасынюк, хотя сам был на несколько лет младше, называл его «Молодой».

13 декабря 1981 г. Керес не был интернирован. При этом, однако, было принято решение мобилизовать его на действительную службу в... военной прокуратуре. Когда он заявил, что рабочих преследовать не будет, — его уволили. Военное положение принесло семье Кересов множество трудностей. Жену уволили с работы, пытались уволить из университета самого Кереса, а в октябре 1982 г. он был даже задержан — в ходе операции, главной целью которой был его шеф, Фрасынюк. Это задержание, как шутили гэбэшники, они устроили в подарок самим себе на День милиции и госбезопасности. Он просидел в камере всего 48 часов, что по сравнению с несколькими годами тюрьмы, к которым приговорили Фрасынюка, было не слишком ощутимо. Во время обыска ему удалось отвлечь гэбэшников от якобы заклинившегося выдвижного ящика, где он прятал документы подпольной Общенациональной комиссии «Солидарности», для которой составлял юридические экспертизы. Любопытно, что документы Кереса попадали в Силезию, к секретарю комиссии, которым был тогда и не подозревавший о своей предстоящей карьере, позднейший премьер-министр Польши Ежи Бузек.

БРЕСЛАУ, ВРОЦЛАВ

Отец Кереса во время оккупации был вывезен на принудительные работы в Германию и работал на угольной шахте, где с ним произошел несчастный случай. Он оказался в больнице монахов-бонифратеров в немецком городе Бреслау, в сегодняшнем Вроцлаве. Когда Керес случайно попал на учебу в университет в этом городе, отец напомнил ему об этом странном стечении обстоятельств. Однако его сына не волновало прошлое ни Кошалина — города, где он жил в детстве, ни Вроцлава. Лишь уничтожение в 1975 г. одного из старейших вроцлавских памятников — средневековых Мельниц святой Клары — привело к тому, что он заинтересовался историей города. Он начал замечать его уникальный характер: город был не только польский, но и чешский, прусский, австрийский, немецкий, и в течение долгих лет здесь жили евреи.

Это было типично для многих вроцлавян. Изгнанные из Львова и других восточных окраин Польши («кресов»), они прибыли сюда, заменив собой изгнанных на Запад немцев, и хотели как можно быстрее освоить этот чужой город. А его непростая история этому только мешала.

Синагога «Под Белым Аистом» расположена в так называемом квартале четырех религий. Здесь на небольшой территории соседствуют и в мире и согласии сосуществуют костел, кирха, православная церковь и вышеупомянутая синагога. В ее возвращении к жизни принял участие и профессор Леон Керес, на протяжении всех 90-х член муниципального совета и вроцлавский деятель местного самоуправления.

ДЕЛАТЬ ТО, ЧТО ЛЮБИШЬ

В ходе переговоров «круглого стола» Керес возобновил свою деятельность в «Солидарности». Он был избран секретарем профсоюзной комиссии во Вроцлавском университете, а через год, получив поддержку «Солидарности», выступил в качестве кандидата на муниципальных выборах. Он вошел в состав городского совета, а также местного парламента самоуправления в воеводстве и стал его председателем. Наконец-то он делал то, что любил и что лучше всего, как он сам считает, умел делать. Он победил и на следующих выборах. Затем, уже в качестве независимого кандидата, был избран сенатором.

Он действует в международных учреждениях: Региональном конгрессе местных и региональных органов власти в Страсбурге, Парламентской ассамблее Совета Европы, участвует в посещениях делегациями Совета Европы различных стран. Он говорит, что у него темперамент парламентария. Он умеет говорить, аргументировать, вести переговоры, убеждать своими доводами.

Хотя это трудно предположить, эта деятельность тоже изобиловала драматическими моментами. Профессор Керес рассказывает о наводнении во Вроцлаве в 1997 г., где он организовал спасательные меры. Дважды ему чудом удалось избежать смерти: один раз он успел вылезти из тонущего автомобиля через окно, второй раз его спасла амфибия. Он вспоминает и о других драматических ситуациях, но уже в несколько иных обстоятельствах. Однажды, чтобы погасить возникший из-за школы конфликт местных властей и родителей, он сам себя назначил директором этой школы. В другой раз, после многочисленных столкновений болельщиков футбольных команд «Силезия» (Вроцлав) и «Нефтехимия» (Плоцк), чтобы не допустить очередного столкновения, которое могло закончиться трагически, он отправился в самую «горячую точку». Вместе с представителями плоцкого клуба он организовал матч между обеими командами, во время которого был на трибунах стадиона единственным вроцлавянином. Он извинился за поведение вроцлавских болельщиков. Все обошлось благополучно.

К своим успехам он относит также поездки в качестве представителя Совета Европы в Калининград и Латвию. В результате его вмешательства была даже изменена латвийская конституция. Он особо подчеркивает, что в Калининграде он вместе с представителями Совета Европы из Германии и России подписал совместное обращение с призывом к соблюдению прав русского населения анклава после расширения Евросоюза.

В ходе подобных командировок весьма полезным оказывается знание русского языка, оставшееся с детства. Профессор Керес говорит, что в отличие от многих поляков он не испытывал неприязни к этому языку. Просто он казался ему лишним предметом в школьной программе. А сегодня русским языком он иногда пользуется во время официальных поездок, а также (вместо английского) в беседах с представителями России в Совете Европы. В каждом человеке есть какая-то доля тщеславия, улыбается профессор Керес. Его радует, что русские относятся к нему с симпатией.

ИСПАНСКИЙ ИЛИ НЕМЕЦКИЙ ПУТЬ?

На рубеже 80—90-х гг. в Центральной и Восточной Европе столкнулись две концепции сведения счетов с позорным, а зачастую трагическим коммунистическим прошлым. Это прошлое вносило реальный раскол в каждое посткоммунистическое общество, и в различных странах эту проблему решали по-разному. Модель, принятую в нашей стране, можно назвать «испанской»: она предполагала «заделывание» разделявших общество трещин и сознательное ограничение дискуссии о том, что осталось в прошлом. «Немецкая» модель характеризовалась как судебным преследованием бывших государственных чиновников тех органов, которые теперь принято называть «силовыми структурами», так и предоставлением гражданам широкого доступа к архивным материалам, накопленным тайной полицией. Эти материалы, носившие невинное название «личных дел» и содержавшие документы, касавшиеся штатных и секретных сотрудников спецслужб, стали источником множества драм и трагических переживаний.

В Польше первая попытка обнародовать содержание «личных дел» членов парламента и высших государственных чиновников привела к падению правительства Яна Ольшевского, однако попытки решить эту проблему на этом не закончились. Вначале был урегулирован вопрос ответственности государственных служащих ПНР за преступления сталинского периода, которые в 1991 г. были признаны преступлениями против человечества и геноцидом, то есть на них не распространялся принцип отказа от судебного преследования за давностью. Очередной подзаконный акт 1997 г. обязал государственных чиновников обнародовать «люстрационные» заявления о своем прошлом сотрудничестве (или отсутствии такового) с органами. Правдивость заявлений проверяет специальный суд.

В 1998 г. у власти в Польше стояли партии, вышедшие из прежней «Солидарности», а премьер-министром был тот самый Ежи Бузек. Они и добились создания Института национальной памяти; однако ИНП начал действовать лишь полтора года спустя — столько времени продолжался спор политиков, хорошо сознающих, каким грозным оружием будет распоряжаться будущий директор этого учреждения. Спор шел о том, кто станет «властелином личных дел»: именно так некоторые представляли себе эту функцию. Властелин личных дел мог бы контролировать прошлое, а значит, и настоящее. Эти люди полагали, что от него будет зависеть, кого казнить (если в их прошлом обнаружатся недостойные факты), а кого помиловать (если их личных дел по какой-то причине не удастся найти).

«ШКАТУЛКИ С ПАНДОРОЙ»

«Я был, по-моему, восьмым и худшим кандидатом», — шутит профессор Керес. Юрист, которому была чужда эта тематика, деятель местного самоуправления, скорее близкий к кругам противников люстрации, известный как сторонник компромиссов, испытанный во многих трудных ситуациях посредник и в то же время человек, вышедший из рядов оппозиции к режиму ПНР, он получил голоса 3/5 депутатов Сейма — большинство, необходимое для выбора директора ИНП. Более того, он получил даже, за что его упрекают нападающие на него правые круги, негласную поддержку экс-коммунистов из СДЛС.

Не будем скрывать: здесь каждый на что-то рассчитывал. Те, кто хотел как можно скорее открыть «шкатулки с Пандорой», как выразился один не очень осведомленный в мифологии политик, рассчитывали, что ИНП и его директор «каленой метлой» выметет из политической жизни тайных агентов госбезопасности ПНР, а понятие агента они при этом рассматривали... скажем, достаточно широко. Другие рассчитывали на благоразумие и осмотрительность профессора Кереса. Третьи надеялись, что возглавляемый им институт станет не слишком опасным для них и для их кругов бутафорским учреждением, которое скорее будет «имитировать бурную деятельность», нежели действовать всерьез. Сам же проф. Леон Керес в ответ на заданный мною вопрос, как он представлял себе в то время роль ИНП, сказал, что видел его как учреждение, занимающееся «личными делами». Похожее на немецкое Бюро пастора Гаука, которое занимается сбором и хранением документации гэдээровской тайной полиции «Штази» и предоставлением доступа к ней широким кругам граждан.

В первую же свою поездку он отправился в Берлин, чтобы понаблюдать на месте, как работает учреждение, ставшее конкретным символом того, что Германия порвала со своим коммунистическим прошлым. Затем он начал организовывать институт, создавать его отделы, подыскивать помещения и приспосабливать их для нужд ИНП и, наконец, принимать на хранение километры документов спецслужб.

Первые «пострадавшие» (так называют тех, по кому спецслужбы ПНР вели оперативную разработку и собирали материалы) увидели содержимое своих «личных дел» лишь в начале прошлого года, что вызвало немало критических замечаний. С подобной же критикой встретилась и сдержанность директора ИНП в пропагандировании доступа граждан к документам. То, чем мы занимаемся, не требует рекламы, подчеркивает Леон Керес. В результате не оправдались опасения, что поляки в массовом порядке начнут читать свои «личные дела»; до сих пор с заявлениями о предоставлении доступа к документам обратилось немногим более 12 тыс. человек.

ЕДВАБНЕ

Леон Керес принес присягу директора ИНП 30 июня 2000 года. Несколько дней спустя один из сотрудников института дал ему книгу Яга Томаша Гросса «Соседи». В ней рассказывалось о преступлении, совершенном в июле 1941 г. в небольшом городке Едвабне, расположенном в северо-восточной части Польши, сразу же после ухода оттуда советских войск (оккупировавших эти территории с сентября 1939 г.) под напором наступающих армий Гитлера. Преступление было ужасным: сообщалось, что польские жители городка уничтожили там 1600 евреев, своих соседей. Жесточайшие сцены убийств, издевательств, наконец, сожжение живьем в сарае загнанных туда людей — все это могло потрясти даже самых бездушных. Еще раньше статью на эту тему опубликовала газета «Жечпосполита», но профессор Керес признаётся, что эта статья его не потрясла. Быть может (этого он уже не добавляет), потому что тогда он еще не был директором государственного учреждения, призванного хранить национальную память.

Теперь, однако, ситуация была совершенно иной. ИНП начал следствие по этому делу, а Керес, не дожидаясь результатов следствия (что стало одной из причин нападок на него лично), заявил, что поляки действительно были соучастниками преступления. Он повторил это и в США, в беседах с американскими евреями, которые наиболее резко выступили против поляков, повторил и в беседе с уроженцем Едвабне раввином Бейкером. Керес принял участие в открытии памятника на месте преступления. Он сослался на закон об Институте национальной памяти, который обязывает ИНП преследовать за преступления не только против польского народа, но и против польских граждан иных национальностей. Он старался убедить весь мир, что поляки как народ могут найти в себе мужество признаться и в своих отрицательных сторонах. Он старался убедить самих поляков, что честь и достоинство нации нельзя строить только на бесконечных рассказах — как это продолжалось годами — о «светлых» страницах своей истории и исключительно о собственной мартирологии. Хотя мартирологии и страданий поляков он даже не ставил под вопрос. Одновременно он не уставал повторять, что поляки спасали евреев, несмотря на грозящую им за это смертную казнь. Он даже привез в нью-йоркский Музей Катастрофы немецкий плакат времен оккупации, предупреждающий, что за укрывание евреев будет применяться смертная казнь.

Дело преступления в Едвабне оказалось в центре первого года его директорства. А продолжавшиеся нападки, особенно из право-националистических кругов, доходили до полного абсурда. Ставилась под сомнение его национальная принадлежность (Керес? — какая-то странная фамилия, может, еврейская?), искали его связей с гитлеровской национал-социалистической партией, обвиняли в деятельности, направленной против Польши и польского народа. Он был вынужден объясняться в Сейме, на страницах прессы, по радио и телевидению. Досталось даже его семье.

ДОБРОЕ ИМЯ ПОЛЯКОВ

Специалист по антропологии культуры Иоанна Токарская-Бакир, подводя итог публичной дискуссии о Едвабне, выделила два типа реакции на этот факт: историки заняли, по ее выражению, «познавательную» позицию, а широкая публика, отождествляющая себя как с жертвами, так и с убийцами, заняла позицию «сопереживания». Если мы взглянем на поведение президента ИНП, то будем вынуждены констатировать, что он вел себя как «широкая публика»: не прятался ни за правила научного исследования, ни за юридические процедуры. Он ссылался на свое детство, проведенное у дяди, в деревне, где в мире и согласии жили католики и православные. Он ссылался на привитые ему родителями религиозные принципы. Когда в Сейме его упрекнули, что он придает большее значение убийствам, совершенным поляками, чем преступлениям, совершенным против поляков, он сослался на десять заповедей: в заповеди «Не убий» не говорится о том, относится ли

это к своему или чужаку. За морализаторские эксцессы его критиковал даже один из создателей ИНП, член коллегии, курирующей деятельность института.

Депутат Сейма Антоний Мацеревич, один из главных критиков деятельности ИНП и его директора Кереса, заявил в прошлом году в Сейме, как он представлял себе это учреждение. Самым главным для ИНП должна была стать унаследованная от Бюро Гаука традиция «раскрытия правды, связанной с репрессиями против антикоммунистов», в сочетании с традициями израильского института «Яд-Вашем», то есть «формированием героической национальной памяти». По его мнению, этого не произошло.

Леон Керес говорит: «Для меня честь и достоинство означает способность взглянуть в глаза правде». Тем, кто обвинял его в действиях, направленных против собственного государства, он противопоставляет свое представление о действиях на благо государства. «Я горжусь, что я поляк, когда в прыжках с трамплина побеждает Адам Малыш. Когда кто-либо на Западе хвалит польского ученого или восхищается польским понятием чести либо польской отвагой, я тоже испытываю гордость. Однако я не откажусь от принадлежности к этому народу и в трудные минуты, когда некоторые из нас опозорили нашу историю своим поведением. Я ощущаю на себе их вину, хоть и родился через несколько лет после этого преступления и никто из моей семьи в нем не участвовал. Я могу сказать, впрочем, что символически — да, я тоже был в Едвабне», — сказал он в одном из своих радиоинтервью.

Однажды я спросил Александра Гурьянова из московского «Мемориала»: что значило публичное заявление Бориса Ельцина о том, кто на самом деле организовал и совершил катынское преступление? Он ответил мне, что это изменило Россию. Об истории с Едвабне можно сказать то же самое. С этого момента в Польше все стало не таким, как было раньше. И хотя результаты следствия доказывают, что жертв было гораздо меньше, чем первоначально названная цифра, они подтверждают, что поляки действительно прямо участвовали в этом преступлении.

За то, что профессор Керес принес извинения евреям еще до окончания следствия, ему досталось со многих сторон. Некоторые утверждают, что президент ИНП любит выступать в свете юпитеров, быть в центре внимания, а Едвабне было лишь удобным поводом проявить себя на публичной арене. Если даже это и правда, то я хотел бы привести слова упомянутого выше Александра Гурьянова — в ответ на вопрос, не уменьшает ли значение обнародования Ельциным правды о Катыни тот факт, что президент России хотел нанести еще один удар коммунистической партии, против которой он боролся, он ответил, что это несущественно. Это, сказал Гурьянов, «мышиная возня». Самое главное, что правда о преступлении была сказана.

РАССЛЕДОВАНИЯ

Институт национальной памяти имеет три подразделения: первое из них, архивное, собирает и хранит «личные дела» и ведет исторические исследования; «образовательное» занимается вопросами популяризации и образования населения, третье подразделение — следственное. Это последнее, известное под названием Главной комиссии по изучению преступлений против польского народа, решительным образом доминирует в деятельности ИНП. Главная комиссия — это преобразованная Главная комиссия по изучению гитлеровских преступлений, существовавшая с 1945 года. Она обладает прокурорскими правами, а ее следственные дела охватывают (наряду с гораздо менее многочисленными следствиями, касающимися нацистских преступлений) гораздо более многочисленные (так как в ПНР они вообще не велись) расследования коммунистических преступлений. Потому-то начало исчисления срока давности по таким делам было перенесено на 1990 г., так как лишь с этого момента преступников стало можно преследовать.

ИНП ведет следственные дела также против самих поляков. Речь идет, например, об убийстве немцев из Нешавы, совершенном польскими милиционерами, или о преступлениях, совершенных польскими солдатами против украинского населения. Сюда входят и преступления против польских граждан еврейского происхождения, в том числе столь же вопиющее, как убийство в Едвабне, уничтожение еврейского населения в расположенном неподалеку городке Радзилув. ИНП изучает также преступления, совершенные против поляков гражданами иных национальностей: украинские, литовские или — самые многочисленные — советские. В связи с этим институт расследует аресты и высылки поляков на занятых в 1939 г. Красной Армией восточных территорий Польши, а также произведенные НКВД в 1944 г. аресты и убийства солдат Армии Крайовой (АК), убийства польского населения, совершенные советскими пар-

тизанами. Одно из дел, начатых польской стороной по своей инициативе, касается исчезновения в июне 1941 г., через день после нападения Германии на СССР, экипажей четырех советских судов, стоявших на якоре в немецком порту Свенемюнде (ныне Свиноуйсце). Удалось установить список моряков, которые на них находились. Поиски продолжаются.

Я спрашиваю профессора Кереса о сотрудничестве ИНП с государственными органами и архивами Российской Федерации. Он отвечает, что сотрудничество между архивами существует, а о сотрудничестве с властями отвечает уклончиво. Мы, говорит он, находимся с ними в контакте. Он усматривает в поведении российской стороны определенную сдержанность, но надеется: власти России поймут, что получение нами доступа к собранным там документам будет в интересах обеих сторон. Мы ведь не ведем следствия против России, подчеркивает он. Мы ведем следственные дела по конкретным преступлениям и против конкретных лиц.

Он вспоминает о своем тесте, который два года провел в лагере в Свердловске, находясь на принудительных работах на заводе «Уралмаш». Тесть говорил о преступной системе, но ни слова не произнес о вине русских.

В прошлом году, во время визита в Польшу президента Путина, бывшие «сибиряки» (так называют поляков, депортированных после 1939 г. в Сибирь и Казахстан) направили президенту России петицию с призывом выплатить компенсации за понесенные ими страдания. Пресса и сами бывшие зэки и ссыльные говорят: «Прежде чем СССР стал жертвой нападения Германии, он сам был агрессором».

Многие поляки считают, что ИНП не делает всего возможного в этой области. Их беспокоит также ведущееся в России следствие по катынскому делу. Они требуют от директора ИНП начать по этому делу собственное следствие и упрекают его в бездеятельности. Он сам объясняет это отсутствием известий о состоянии следствия, ведущегося российской стороной.

КТО БОИТСЯ ИНП?

Первые полтора года деятельности ИНП были сосредоточены в основном на расследовании преступления в Едвабне, а в прошлом и текущем году причинами новых нападок стали главным образом расследования, касающиеся преступлений, совершенных во время «военного положения», введенного в 1981 году. В особенности два из них: одно касается тянущегося уже много лет процесса о расстреле бастующих горняков на шахте «Вуек» в декабре 1981 г., второе — убийства «капеллана „Солидарности»» свящ. Ежи Попелушко в октябре 1984-го. В обоих преступлениях замешаны высшие государственные деятели ПНР, в том числе бывший министр внутренних дел генерал Чеслав Кищак.

Трудно не связать этого факта с попытками ограничить деятельность ИНП, исходящими от политиков, вышедших из рядов ПОРП. Последняя по времени подобная попытка сенатора Рышарда Яжембовского, предложившего ликвидировать следственное подразделение ИНП, была, однако, встречена всеобщим возмущением. Будет ли ИНП ликвидирован? «Хорошо информированные источники» утверждают, что правящие сегодня Польшей экс-коммунисты вернутся к этой идее после проведения референдума по вопросу о вступлении Польши в Евросоюз.

«И в горе, и в радости, пока смерть не разлучит нас»

Хотя многие поляки считают, что деятельность директора ИНП идет вразрез с интересами польского государства, трудно не заметить, что то, что сделал до настоящего времени институт от имени польского государства, оказало положительное влияние на образ Польши в мире. Керес — тип «государственника», столь редко встречающийся в Польше. Последним таким был скончавшийся несколько лет назад Ежи Гедройц. Я спрашиваю профессора Кереса о его отношении к государству. Он отвечает, что относится к нему так же, как и к институту брака. Если я поляк, то это навсегда — «и в горе, и в радости, пока смерть не разлучит нас».

Паулина Новосельская

ГОЛОВАСТАЯ КОМАНДА

Их трое: Томаш Чайка, Анджей Гонсеница-Самек и Кшиштоф Онак, студенты III и IV курсов факультета математики, информатики и механики Варшавского университета. На 27-м международном конкурсе программистов «International Collegiate Programming Contest», организованном международным объединением «Association of Computing Machinery» и фирмой IBM, они опередили почти три тысячи команд 1329 университетов из 68 стран мира.

— У нас получилось, потому что задания требовали нетривиального мышления. А в умении мыслить нетривиально мы непобедимы, — говорит профессор Ян Мадей, тренирующий команду вместе с профессором Кшиштофом Диксом. — Мы наметили задачу-минимум и задачу-максимум. Минимум — победить. А максимум — победить так, чтобы нас надолго запомнили. То есть с перевесом хотя бы в одну задачу. Могло бы выйти еще лучше, потому что последнюю, десятую задачу ребята почти закончили — не хватило буквально нескольких минут.

— Мы рассчитывали на победу, потому что мы действительно сечем, — добавляют Томаш, Анджей и Кшиштоф. На их счету победы на олимпиадах по информатике и пригоршни золотых медалей со всевозможных конкурсов. Они знакомы еще с лицейских времен, когда вместе ездили на летние школы по информатике. Но только в университете они собрались в команду.

— Трое «Малышей» — говорят они о себе (Малыш — фамилия феноменально популярного в Польше спортсмена. — *Пер.*).

У Томаша, Анджея и Кшиштофа теперь очень напряженный распорядок дня. Встречи то с министром по делам науки, то с представителем из Брюсселя, то с президентом страны... Телефон обрывается.

— Сегодня встречались с ректором университета. Поэтому в костюмах. Кроме этого ничего не изменилось, — коротко говорят они, а их ближайшее окружение не сомневается: этот успех достался им по праву.

Студенты Варшавского университета стали победителями крупного конкурса по информатике, не оставив шансов студентам лучших вузов мира

Тем временем от одного безупречного пиджака оторвалась пуговица. На помощь приходит женщина с иголкой в руках.

— Ну а если пришить не удастся, пуговицу на фотографии всегда можно будет дорисовать с помощью компьютера, — говорит один из них, и все трое разражаются смехом.

Один компьютер на три головы

На решение десяти задач им дали пять часов. Надо было составить правильный и эффективный алгоритм (то есть описание действий, которые можно полностью автоматизировать), запрограммировать его на выбранном языке программирования (C, C++, «Ява» или «Паскаль») и запустить на заданных организаторами тестовых данных. И все это на одном-единственном компьютере. Томаш, Анджей и Кшиштоф решили девять задач. Команда, занявшая второе место, — восемь, а третье — семь. Есть чем похвалиться! Тем более что в течение последних девяти лет только три вуза каждый раз выходят в финал. Это Варшавский университет, канадский университет Ватерлоо и Виргинский технологический из США.

— Втроем мы не могли работать на одной клавиатуре, поэтому две трети конкурсного времени каждый решал на бумаге, — говорит Томаш Чайка. — К конкурсу мы готовились долго, не меньше нескольких часов в неделю. Теперь мы уже умеем работать без особого напряжения. А в начале подготовки бывали неполадки! Мелкие проблемы с координацией труда.

— Зато мы хорошо узнали друг друга. Как только возникает та или иная проблема, мы знаем, кто из нас лучше с ней справится. Доверяем друг другу полностью. Если бы не это, на конкурсе мы проиграли бы в борьбе со временем, — добавляет Анджей Гонсеница-Самек.

Перед большим финалом надо было еще пройти европейский отбор.

— Соревновались мы с другой командой нашего университета. Это нас неплохо мобилизовало, так как накануне, на всепольском конкурсе, они нас обошли. И мы так собрались, что из восьми предложенных задач решили семь, а они — только пять. Третья команда, из Братиславы, решила три, — говорит Анджей. Однако правила конкурса не позволяют участвовать в финале двум командам из одного вуза. — Если бы не это, наш университет занял бы два первых места.

В комнате на Жвирках

Анджей женился на первом курсе, его дочке скоро исполнится два года. Томаш постоянно говорит о путешествиях, играет в волейбол и теннис. Кшиштоф носит длинные волосы и огромный нательный крест, а музыку мог бы слушать не переставая. В университет ребята поступили без экзаменов, так как все трое уже были лауреатами всепольских конкурсов. Томаш из Сталёвой-Воли и Кшиштоф из Тарнува теперь живут в одной комнате студенческого общежития на Жвирках. Анджей приходит к ним в гости очень часто. Это прочная дружеская компания. Болтают о девушках и путешествиях. Время от времени ходят вместе в бассейн.

— Неправда, что мы еще в детском саду целыми днями просиживали за компьютером, пока наши одноклассники гоняли за окном мяч, — протестуют ребята: они не любят, когда из них делают роботов.

Кшиштоф свой первый компьютер получил от отца — списанный на работе старый, надежный «Спектр».

— Это было в начале неполной средней школы. С тех пор я втянулся, — рассказывает Кшиштоф, который потом, с первого класса лицея, всегда выходил в финал олимпиад по информатике.

Точно так же и Томаш, лауреат олимпиад по математике и информатике. Он всегда хотел изучать и то и другое одновременно.

— В неполной средней школе, — говорит он, — у меня было несколько хороших результатов, и я стал стипендиатом Польского фонда помощи детям. В лагере, организованном фондом, я пошел в кружок информатики — тогда я еще мало что умел. Только отец с пятого класса немного учил меня программированию.

Всерьез он начал заниматься в лицее. Во втором классе лицея занял на олимпиаде второе место, в четвертом — первое.

— А в третьем классе ездил в Англию и впервые принял участие в британской олимпиаде по информатике, — говорит он.

— Томек попросту был там лучше всех, потому и получил медаль для королевы. Жаль, что не для нас, — шутит Анджей, на счету которого не меньше конкурсов.

Лучшие в мире программисты не хотят на каждом шагу доказывать, что они — как все.

— Мы делаем множество обычных вещей, — говорит Анджей. — Например, проводим занятия для талантливых ребят, организованные Польским фондом помощи детям. Кшиштофа сильно втянула студенческая жизнь, и много времени он проводит со знакомыми. А на конкурсе в США были четыре девушки, и все они ходили за Томеком. Потому что он замечательный товарищ. Вроде хватит этой нормальности?

— Разве он нормальный? Наверняка исключительный, — шутит Эва Гонсеница-Самек, жена Анджея.

Да и сам он убежден, что избран для какой-то миссии. Поставил себе задачу: до окончания университета создать что-нибудь крупное. И любит повторять, что через несколько лет на его счету в банке будет несколько миллионов долларов.

На конкурсах по информатике часто случается, что победитель, став на подиум, не замечает, что ему вручают кубок.

— Мы не были похожи на победителей. Шутили, смеялись. У типичного, вернее стереотипного победителя мутный взгляд от долгого контакта с монитором, — смеются ребята.

Надо признать, что их тренировка к конкурсу тоже была нетипичной.

— Несколько первых дней после приезда в США мы вообще о конкурсе не разговаривали, — рассказывает профессор Мадей. — Я взял напрокат автомобиль, сел за руль и заботился, чтобы ребятам всего хватало. Ходили в таиландский и японский рестораны, посещали парки развлечений. 50 миль я вез ребят до этого парка, а потом 50 миль обратно.

— Мы не боялись забираться на американские горы, — смеются ребята. Только теперь до них начинает доходить, что они выиграли. Завоеванный трофей стоит перед ними на столе. Они могут расслабиться.

Ноутбук, доллары и основательная автобиография

Конкурс выигран, и что же дальше? Для начала по ноутбуку для каждого и 10 тысяч долларов на всех. Плюс, конечно, блестящие трофеи.

— Кубка они в руки не получат. На факультете будет специальный шкафчик, чтобы каждый мог его увидеть, — шутит профессор Мадей.— К кубку прикрепим табличку с фамилиями. И еще диплом в рамке.

Первое место на международном конкурсе — это для них серьезный козырь в поисках будущей работы. Впрочем, это их не волнует. Как они говорят, рынок насыщен программистами, выполняющими стандартную работу, то есть сетевыми администраторами и проектировщиками интернет-сервисов.

— А мы мыслим творчески. Имеем шанс двигать информатику вперед, а на таких специалистов спрос будет всегда, — говорит Анджей.

Иногда они думают, что могли бы что-то сделать сообща. Но пока хотят как можно скорее окончить университет. Томаш хочет защитить диссертацию — или в родном университете, или в США. На каникулы он попробует поехать на практику в какую-нибудь серьезную компьютерную фирму. А потом... может, работа в каком-либо научно-исследовательском центре. Кто знает?

— Я бы хотела, чтобы Анджей делал карьеру в Польше. Хотя понимаю, что США притягивают исключительных людей, — добавляет Эва Гонсеница-Самек.

В прошлом году на информатику в Варшавский университет конкурс был 40 человек на место.

— В этом немалая заслуга конкурса. Лучшие притягивают лучших, — говорит профессор Мадей. — Я уже говорил, что это замечательная команда? Наверное, лучшей у меня уже не будет. Могут быть только похожие.

Валерий Мастеров

КАКИМ ВАРЕНЬЕМ БУДЕМ ЛАКОМИТЬСЯ?

Варшава и Москва начали диалог нового типа

О российско-польских отношениях сейчас принято говорить, что они претерпевают заметное потепление, позволившее растопить ледник застоя. Это действительно так. Сдержанные контакты в последнее десятилетие прошедшего века обернулись небывалой политической активностью. Чаще встречаются министры, премьеры, президенты. Недавний приезд на берега Вислы российских чиновников, отвечающих за реформу коммунального хозяйства, свидетельствует о том, что возрос интерес и к повседневному взаимному опыту.

СТАРЫЕ ПЕСНИ О ГЛАВНОМ

Оживление на официальном уровне — безусловно, только радующее — повлекло за собой, казалось бы, уже забытые культурные контакты, отправной точкой которых, по большому счету, стало возобновление после почти двадцатилетнего перерыва гастролей Большого театра в Варшаве и Большого театра — Национальной оперы в Москве.

Посмотрите, что произошло уже в этом году. В Москве и Подмосковье прошли «Дни памяти Анны Герман». Кшиштоф Занусси возглавил жюри первого международного кинофестиваля «Дух огня» в Ханты-Мансийске. Роман Полянский предпочел показ польских фильмов и премьеру «Пианиста» в Санкт-Петербурге вручению «Орлов» за этот фильм и награде «За достижения жизни» в Варшаве. Марыля Родович и «Червоны гитары» дали концерт в Кремлевском дворце. Анджей Вайда участвовал в ретроспективе своего творчества в Москве, где встречался с деятелями российского театра и кино. В варшавском Королевском замке в долго не отпускали пленивший слушателей камерный оркестр Большого театра. Знаменитый и популярный в Польше хореограф Борис Эйфман приступает с польскими коллегами к работе над балетом «Чайковский: мистерия жизни и смерти».

Казалось бы, чего еще надо? Но вы, наверное, и без меня обратили внимание, что все упомянутые заслуженные и почитаемые имена, как и творческие коллективы, словно вернулись к нам из времен «поездов дружбы» из Варшавы в Москву и встречающих их духовых оркестров на Белорусском вокзале. Чего, впрочем, не отнесешь к мрачным моментам в наших связях. Но ведь пришло уже новое поколение. А что оно знает о нас, сегодняшних? Насколько мы отдалились друг от друга? Как преодолеть отягчающие стереотипы для создания будущих бескомплексных отношений? И что могут внести в это СМИ и интеллектуальные элиты наших обществ?

Вот над этими актуальными вопросами и призван был задуматься российско-польский «Форум диалога», идею которого, родившуюся еще во время политических заморозков, осуществили «Газета выборча» и «Московские новости».

ДУХ ГЕРЦЕНА

Принимающей стороной была редакция крупнейшей польской газеты. Составам хозяев и гостей могла позавидовать любая международная конференция: главные редакторы ведущих газет и журналов, издатели, писатели, кинематографисты. Деятелей культуры представляли оба министра — Михаил Швыдкой и Вальдемар Домбровский, а соорганизаторов из внешнеполитических ведомств — посол России в Польше Николай Афанасьевский и заместитель министра иностранных дел Республики Польша Анджей Залуцкий.

Открывая дискуссию, главный редактор «Газеты выборчей» Адам Михник, представивший себя «настоящим антисоветским русофилом», напомнил, о герценовских демократических традициях искреннего и честного обмена мнениями. (Сразу замечу, что участники восприняли это как «руководство

к действию», и разговор в самом деле получился открытым и доверительным). Михник восторженно напомнил, как в первые годы перестройки российские газеты читали в Польше как крамолу, которая по своей неожиданной тогда остроте оказалась притягательней самиздата. Сопредседатель форума главный редактор газеты «Московские новости» Виктор Лошак припомнив, в свою очередь, о популярности в тот период в России польской периодики, регулярных национальных выставках Польши и активном культурном обмене, пришел к выводу, что «при коммунистах мы знали друг о друге больше, чем сейчас».

ЧЕЙ БАРАК БЫЛ ВЕСЕЛЕЕ

Десятилетие постсоциалистической эры кардинально изменило смысл наших отношений. Польша, взяв курс на Запад, стала уповать на свою самостоятельность, а преображающаяся Россия, уже не нуждаясь в посредниках, сама устремилась в Европу. «Вы гордились самым веселым бараком, а мы — самым большим, но подобные воспоминания отягчают жизнь», — заметил Михаил Швыдкой. При этом российский министр добавил, что взаимный интерес появляется сразу, когда речь заходит о культуре. Это подтвердили многочисленные публикации в центральной российской прессе о Польше, поляках и польской культуре во время гастролей польской оперы в Москве. Повод один, а реакцией был не только аншлаг. Культура была и остается мостиком взаимоотношения народов. Ведь если кто-то, к примеру, хочет все знать о Пушкине, то поневоле столкнется и с творчеством Мицкевича, а значит, прикоснется к традициям обоих народов, заключил Швыдкой.

Его польский коллега Вальдемар Домбровский подчеркнул, что в истории и судьбах польского и российского народов культура всегда имела большое значение, потому что выражала их волю в самые драматические времена. «Но мы и сейчас можем быть интересны друг другу, потому что обладаем имманентной склонностью к этому», — уверен Домбровский.

Этому может способствовать совершенно новый уровень отношений — деловой и искренний, чего так не хватало в течение многих лет мнимой пэнэровско-советской дружбе. Так полагает известный переводчик и публицист, главный редактор журнала «Новая Польша» Ежи Помяновский, предостерегший, что самым большим препятствием на пути сближения двух наших народов может быть незнание и неведение. «Польша по-прежнему может быть для россиян пробным камнем Запада, который всегда под рукой, — утверждает профессор Помяновский. — А взгляд России на Польшу является важным показателем ее отношения к западному миру, по которому можно судить о настоящих намерениях внешней политики Москвы и общественном мнении россиян». Помяновский считает знаменательным, что катализатором в развитии отношений польского и российского народов вновь становится культура. Именно в Польше и России, где обычные граждане не имели никакого влияния на политическую жизнь и власть, культура играла столь важную роль в обществе. И только в Польше и России появилась такая общественная прослойка, как интеллигенция, ставшая залогом лучшего будущего.

РАДЗИНСКИЙ С АНГЛИЙСКОГО

К счастью, охлаждение российско-польских отношений на политическом уровне не смогло уничтожить многовековых культурных связей наших народов. Но не помешают ли им новые экономические условия, которые диктуют современные правила рынка? В ответ напрашиваются идеи совместных проектов, которые стали бы выражением нового качества сотрудничества.

Правда, оказалось, что тут издержки двусторонних отношений частенько с выгодой для себя использует третий. Пишущий эти строки помнит, как в мае 1994 года в Варшаву приезжал Эдвард Радзинский — для участия в международной книжной ярмарке и презентации своей изданной на польском языке книги о Николае II. Был успех, были планы продолжения сотрудничества. И что же? Заместитель министра печати России Владимир Григорьев сообщил парадоксальную на первый взгляд новость: Радзинского и Улицкую издают в Польше в переводе с... английского. Это означает, что американские агенты оказались более расторопными и пробивными. На недооценку рынка СМИ в восточноевропейских странах сослался и главный редактор газеты «Известия» Михаил Кожокин, который предрек, что в случае его инертности года через три активы российских медиа начнут размещаться на западе, например, в Германии.

ПОЛЦАРСТВА ЗА ОБЪЯВЛЕНИЕ

Будучи до недавнего времени послом Польши в России, Анджей Залуцкий пережил там пять премьеров, нетипичную смену президента, две чеченские войны, изменение отношений регионов с центром. В это же время Польша вступила в НАТО. Но застой в политической сфере не прервал научного и культурного сотрудничества с российскими регионами.

— Мои контакты с удаленными от Москвы городами и областями приобрели важное значение и принесли мне огромный опыт, — рассказывал Залуцкий. — В Иркутске, Абакане, Новосибирске, Томске я увидел большой интерес к Польше среди студентов и молодежи. Теперь я вижу, что и в Польше растет интерес к российской культуре и русскому языку. В этом проявляется прагматизм молодых людей, уверенных в развитии отношений с Россией. Взаимная заинтересованность налицо. И при этом — отсутствие с обеих сторон материалов о привлекательности различных уголков наших стран. Полцарства тому, кто найдет в Москве объявление, приглашающее на отдых в Польшу, например, на Мазуры. Но вместе с тем мы должны знать, что россиян теперь трудно чем-либо удивить.

Участников форума принял премьер Польши Лешек Миллер, который сразу подчеркнул, что польское правительство не намерено придавать отношениям с Россией конъюнктурный характер из-за вступления в Европейский союз.

— Наши страны вновь начали интересоваться друг другом на уровне духовных отношений, а это дает надежду на то, что о России и Польше газеты будут писать не только во время встреч Квасневский — Путин или Миллер — Касьянов. Перенести контакты с государственного уровня на общение граждан должны помочь деятели культуры и творческие силы. Этому мы будем благоприятствовать, — представил свой взгляд польский премьер.

•••

«Форум диалога» решено продолжить. Но чтобы не получилось переливания из пустого в порожнее, будут нужны конкретные результаты. «Что для этого надо сделать?» — выпалил кто-то по инерции. Михаил Швыдкой шутя напомнил, как отвечал на такой вопрос русский философ Василий Розанов: «Летом варить варенье, а зимой его есть».

Рецепты «варенья» были одобрены сообща: публикации современной прозы, обмен контактными информационными материалами между СМИ, сотрудничество вузов, активное участие в международных книжных ярмарках в Москве и Варшаве, установление литературных премий, показ наиболее заметных российских и польских кинофильмов. В зависимости от выносимых на обсуждение проблем будет меняться состав участников диалога. Главное, сошлись участники, чтобы форум стал действенным инструментом контактов между Россией и Польшей, исключающим фобии, страх и взаимную предвзятость.

Следующая встреча — в Москве.

***Валерий МАСТЕРОВ** - собственный корреспондент*
газеты «Московские новости» в Варшаве
— специально для «Новой Польши»

Виктор Шелыгин

ГРАНИЦА НЕ ПРЕГРАДА

ГРАНИЦА — НЕ ПРЕГРАДА

Микроавтобус с дипломатическими номерами практически без остановок пролетел пограничный переход «Мамоново—Безледы». В салоне — фронтовики, участники боев за освобождение Польши. Их путь из Калининграда в небольшой городок Бранево на востоке страны занял чуть более часа. Вроде рукой подать, а для убеленных сединами фронтовиков — далеко. Да и хлопотно: граница, визы, очереди... На консульском автотранспорте, конечно, проще. Но это, скорее, исключение. Основная группа ветеранов все-таки добиралась на встречу фронтовых друзей самостоятельно. Такова уж традиция, насчитывающая почти шесть десятилетий.

В майские дни участники II Мировой войны из соседней России — частые гости в Польше. В последние годы встречи ветеранов дружественных армий и любителей истории проходят по обе стороны границы

Под Бранево находится самое большое в Европе мемориальное кладбище. Покоятся там останки 32 тысяч советских солдат и офицеров, погибших в боях за освобождение Польши. Тела воинов свозили со всей страны. Хоронили в братских могилах, обработав предварительно почву известью. Очевидцы утверждают, что на мемориале долгие годы даже трава не росла. Но оказалось, что это не единственная беда последнего приюта советских воинов, погибших в боях II Мировой.

Забвение и безразличие людей уничтожают память о героях сильнее едкого химического соединения. Неубранные листья, мусор, покосившиеся надгробные плиты грозили превратить воинское кладбище под Бранево в свалку истории. Памятное место спасли ветераны обеих стран и... здравый смысл. Усилиями местной администрации, военнослужащих близлежащей артиллерийской бригады, активистов ветеранских и молодежных организаций мемориал вновь превращен в достойное место упокоения павших воинов.

Польская молодежь на военном мемориале под Бранево

В канун Дня Победы сюда обязательно приезжают калининградские ветераны. В прошлом году вместе с фронтовиками к подножию монумента цветы возложил генеральный консул Польши в Калининградской области Ярослав Чубинский. Он высоко оценил работу местных властей по охране исторического памятника, сказав в беседе с ветеранами, что сохранение военного мемориала — не столько вопрос этики и культуры, сколько прекрасный способ объединять людей соседних государств, в истории которых существует много общего.

Слова Ярослава Чубинского всецело разделяет давний друг польских ветеранов Рено Комаровский. В 1945 г. военный летчик воевал в составе эскадрильи Войска Польского. Ветеран гордится, что в его личном деле отставного полковника советской армии значится первоначальное офицерское звание — подпоручик. На встречах с однополчанами Рено Константинович вспоминает военное лихолетье, боевые товарищи обмениваются семейными новостями. Кстати, общаются «комбатанты» (так в Польше называют ветеранов войны) одновременно на двух языках. Со стороны кажется, разобраться в лингвистической смеси невозможно, а фронтовики только смеются:

— В бою же мы понимали друг друга! Иначе б немцев не разбили.

В январе 45-го Рено Комаровский сражался в небе над Варшавой и помнит, что сверху город напоминал одно большое пожарище.

— Сквозь разрывы черного дыма, — рассказывает летчик, — мелькали руины домов, искореженная бронетехника и трупы людей и животных. Картина страшная. Мы не любим говорить об этом. С друзьями чаще вспоминаем забавные случаи, про которые потом в песнях поют: «На честном слове и на одном крыле...»

Один из эпизодов особенно памятен авиатору. В бою самолет подпоручика Комаровского был поврежден. Двигатель зачихал и грозил замолчать навек. Летчикам оставалось только воспользоваться парашютами, сказав последнее «прости» верной боевой машине. Но Рено с командиром все-таки решили сажать самолет. До аэродрома им было не дотянуть, поэтому приземлялись на боло-

то. Опасность заключалась в том, что вязкий грунт мог схватить шасси крылатой машины. Случись это, и по кочкам закувыркался бы огненный шар.

Рено Комаровский в той ситуации принял нестандартное решение. Он выбрался из кабины и по фюзеляжу соскользнул к хвостовому оперению. Таким образом летчик пытался сместить центр тяжести самолета назад во избежание опасного кульбита. Рисковал, конечно, но на войне люди к этому привыкали.

Когда дрожь машины на вязкой земле затихла, штурман Комаровский с трудом разжал руки — так крепко он вцепился в обшивку самолета, который после ремонта еще долго вылетал на боевые задания.

ВСТРЕЧА В КАЛИНИНГРАДЕ

Ответный официальный визит польских ветеранов II Мировой войны состоялся в Калининграде. В генеральном консульстве Польши впервые собрались участники боев за Варшаву в январе 45-го. В беседах ветеранов двух соседних государств обсуждались главным образом социальные вопросы. Острых углов в диалогах не обходили. Выяснилось, что и в Польше, и в России фронтовикам приходится отстаивать свои права.

Легендарный летчик Рено Комаровский (слева) и его давний приятель Франтишек Сахно

Франтишек Сахно, руководитель ветеранской организации Варшавы, рассказал своим российским друзьям, как польским ветеранам удается решать многие социальные проблемы. Важнейшая из них — финансовая поддержка военных пенсионеров.

— Для этого, — объяснил фронтовик, — нам приходится вести конструктивный диалог с руководителями государственных органов. Возможно, мои слова не всегда нравятся чиновникам, но я и на самом высоком уровне готов повторять: формировать бюджет, экономя на ветеранах, нельзя.

Эта фраза пришлась по душе большинству российских участников вечера. По сравнению с их польскими товарищами, содержимое кошельков российских военных пенсионеров можно назвать удручающим.

Впрочем, в диалогах фронтовиков двух стран эта грустная тема не заслонила главного — самой встречи боевых друзей. К слову сказать, организована она была при участии общественной организации «Польша—Восток» Варминско-Мазурского воеводства. Ее председателя Анку Щепоньку хорошо знают российские ветераны, которые по-рыцарски преподнесли гостье из Польской Республики букет цветов и сувенир из янтаря. Заслуги А.Щепоньки высоко оценивают и на родине. Это подтвердил Ярослав Чубинский, вручая своей соотечественнице медаль «За заслуги Союза ветеранов».

СВИДЕТЕЛЬСТВА ИСТОРИИ НАРОДОВ

После двенадцатилетнего перерыва в Калининграде прошла совместная российско-польская филателистическая выставка «Почтовые марки — свидетельство истории народов».

Единую экспозицию, представившую уникальное собрание марок, составили две коллекции. Первая — результат 42-летней переписки и обмена марками по почте жителя Ольштына экономиста-бухгалтера Влодзимежа Пеполя и калининградского инженера-электрика Георгия Муравьева.

Интересоваться филателисткой Влодзимеж Пеполь начал еще до войны, во время учебы в школе. Общий интерес стал причиной того, что в 1960 г. завязалась его переписка с Георгием Муравьевым. Но их личное знакомство состоялось лишь... в 1978 году в Ольштыне. Еще через 12 лет Влодзимеж Пеполь благодаря стараниям администрации Ольштына смог посетить Калининград и своего русского друга. К сожалению, состояние здоровья Георгия Михайловича не позволило ему присутствовать на открытии выставки, но все присутствовавшие на вечере смогли увидеть часть неповторимой коллекции марок и открыток с изображениями российских космонавтов и с их автографами.

Вторым героем встречи стал польский отставной офицер, тоже житель Ольштына Мечислав Китайчук. 12-летним мальчиком он начал коллекционировать марки. В 1957 г. стал членом Польского союза филателистов, с 1965-го активно участвовал в многочисленных выставках в Польше и за рубежом, в частности в 1967 г. в Ленинграде. За свои экспонаты Мечислав Китайчук получил более тридцати наград и дипломов, в том числе «Золотую марку» — высшую премию Польского союза филателистов.

Авторская коллекция М.Китайчука «Героизм и драма» — это рассказ о трагической судьбе поляков во время II Мировой войны на языке марок, открыток и писем. Одно из них — фрагмент переписки польского военнопленного, находившегося в лагере в Кенигсберге, — можно смело назвать музейным экспонатом.

Как сказал Мечислав Китайчук, его работу-увлечение всегда пронизывала одна мечта — надежда, что «никогда ни наши братские славянские, ни другие народы не испытают того, что пережили поляки во время II Мировой войны».

Владислав Андерс

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Из книги «Без последней главы»

18 мая 1944 г. 2-й польский корпус под командованием генерала Владислава Андерса, входивший в состав 8-й британской армии, после долгих боев последним решающим штурмом взял высоту с монастырем Монте-Кассино, превращенным в неприступную немецкую крепость. Тем самым была прорвана линия обороны немцев, а силам союзников открыта дорога на Рим. В этой неслыханно тяжелой битве погибло свыше 700 поляков.

К сожалению, еще и сегодня в некоторых органах российской печати появляются публикации, которые в полном согласии со сталинской пропагандой пренебрежительно относятся к боевым подвигам польских воинов, эвакуированных из СССР в 1942 г. вовсе не затем, чтобы уклониться от борьбы с врагом, но чтобы через Иран и Ирак направиться на итальянский фронт. Напоминаем об этой решающей битве, публикуя главу из книги мемуаров генерала Владислава Андерса и отрывок из воспоминаний .

Редакция

Бузулук, 1941 г. Смотр Ген. Андерсом призванных в его армию поляков, освобожденных из лагерей и мест ссылки

18 мая [1944 г.] в рапорте главнокомандующему генералу Соснковскому я писал:

«Победа благодаря героизму воина. Командование показывает пример (...) Чрезвычайное товарищество с британскими корпусами».

В приказе, отданном в тот же день, я говорил, обращаясь к солдатам и офицерам:

«Наша победа достигнута замечательным трудом и взаимодействием обеих пехотных дивизий, танковых подразделений, всей нашей артиллерии, саперов, связи и всех остальных видов оружия и служб, принимавших участие в битве.

Мы всем сердцем благодарны нашим союзникам — англичанам и американцам. (...)

Приношу посмертные почести нашим героям, души которых стоят ныне пред Высшим Судией, а тела в вечную память об этом деянии упокоятся на польском кладбище под монастырем Монте-Кассино.

Выражаю свою высочайшую признательность воинам всех званий за их героизм и неутомимые усилия в этом бою во славу отечества».

Первым выразил нам признательность генерал Лиз. Он заявил иностранным корреспондентам:

— Я рад сегодня встретиться с вами здесь. Хочу сказать, что взятие Монте-Кассино — исключительное дело поляков. Я рад, что вы здесь в такой великий для Польши, исторический день взятия монастыря Монте-Кассино воинами 2-го польского корпуса.

Несколько часов спустя командир 8-й армии на мой телефонный запрос, согласен ли он создать польское военное кладбище на монастырской горе, ответил:

— Конечно.

Президент, главнокомандующий и премьер-министр польского правительства в Лондоне выразили признательность 2-му корпусу. В трех телеграммах я просил главнокомандующего прибыть в корпус.

22 мая 1944 г. генерал Александер сообщил мне:

«Я получил телеграмму от его королевского величества, в которой король поручает мне передать Вам, генерал, самые искренние поздравления за решающее участие в достигнутой ныне победе. Сообщаю Вам, что его королевскому величеству доставило большое удовольствие наградить Вас орденом Бани. К моим личным поздравлениям присоединяю поздравления моего штаба в момент этой заслуженной награды».

Я отвечал:

«Я глубоко тронут Вашей телеграммой от 22 мая и содержащимися в ней поздравлениями. Буду Вам весьма благодарен, прося Вас передать его королевскому величеству Георгу VI мое почтение и благодарность за высокую награду, которую я получил. Я желал бы также выразить благодарность его королевскому величеству за милостивую поздравительную телеграмму польскому корпусу под моим командованием: она была встречена с величайшей нашей гордостью. Прошу заверить его королевское величество в нашей преданности общему делу».

Ордер Бани от имени короля генерал Александер вручил мне в оливковой роще близ Монте-Кассино, на месте стоянки корпуса. На небольшой поляне — знаменосцы 5-й Кресовой [т.е. восточнопольской] пехотной дивизии и 3-й Карпатской горнострелковой дивизии, почетный караул из представителей всех батальонов обеих дивизий, бронетанковый дивизион 8-й армии.

Прикалывая мне орденскую ленточку, генерал Александер сказал:

— От имени его королевского величества, короля Великобритании Георга VI награждаю вас, генерал, орденом Бани.

Затем он произнес следующую речь:

«Британский король, награждая орденом Бани генерала Андерса, дает его командующему 2-м корпусом за его замечательное командование и в знак признания великого мужества, самопожертвования и самоотречения польского воина в битве за Монте-Кассино.

Днем великой славы для Польши стал день, когда вы взяли эту укрепленную крепость, которую сами немцы считали неприступной.

Это было первое великое боевое испытание, которое вы прошли в боях за европейскую твердыню. И это не только отличное начало — это знак, указывающий путь в будущее. Я могу сказать вам это искренне и откровенно.

Воины 2-го польского корпуса! Если бы мне дано было выбирать, каких солдат и офицеров я хотел бы иметь под своим командованием, я выбрал бы вас, поляков.

Честь вам».

Я отдал приказ всем солдатам и офицерам корпуса:

«Признание его королевского величества, короля Великобритании Георга VI мы ценим безмерно высоко.

Награда, полученная мною как вашим командующим, выражает признание замечательных боевых трудов, признательность Польше.

Орден — собственность всех воинов 2-го корпуса».

Приехал принц Пьемонтский Умберто. От имени короля Виктора Эммануила и своего собственного он принес 2-му корпусу поздравления и выразил восхищение победой под Монте-Кассино, одновременно уведомив, что король согласен на создание польского военного кладбища на Монте-Кассино.

Генерал Лиз в письме от 27 мая писал:

«Господин генерал, прежде чем вы уедете, мне было бы очень важно передать Вам и всему польскому корпусу слова личного поздравления с отличными достижениями в нынешней битве, а особенно со взятием Монте-Кассино. Я уверен, что это замечательное деяние войдет в историю как могучий подвиг польского оружия, а в нашу собственную историю — как одна из с=амых выдающихся побед Великобритании. (...)

Однако, господин генерал, Вы — точно так же, как и я, — чувствуете, что почести следовало бы воздать не только генералам, но прежде всего воюющим солдатам и офицерам. Для меня стойкость польских воинов в этих ужасных сражениях, то, как отлично они выдержали огонь орудий и минометов и ярость контратак, — все это было поразительно. Боевой дух в наступлении также был отличным.

Как особое доказательство почетного места, которое занял польский корпус в 8-й армии, офицеры и солдаты польского корпуса отныне будут носить на плече значок 8-й армии, щит крестоносцев. Как только Вы, господин генерал, выразите на это согласие, я дам соответствующие распоряжения»

Генерал Марк Кларк, командующий 5-й армией, поздравляет со взятием Монте-Кассино польским корпусом:

«Потеря Монте-Кассино была для неприятеля мощным ударом и символизирует прорыв оборонительных позиций, которые он держал на протяжении всех зимних месяцев».

Это были великие дни 2-го корпуса. Дни, полные славы и гордости. Минуты, в которые армия жила с чувством хорошо исполненного воинского долга. В эти минуты нам не хватало Польши. Мы сражались в чужих краях. Победа была нашим уделом, но мы не могли радоваться ей во всей полноте. Мы ждали откликов с родины. И вот наконец, только 2 июня, через Лондон до нас дошла депеша:

«Воины Армии Крайовой воздают почести погибшим и живым участникам победоносных боев за Монте-Кассино. Ваши сражения, полные славы, придают нам сил в нашей упорной борьбе. Командующий Армией Крайовой. 24 мая 1944».

Это была наша высшая награда за понесенные труды.

5 июня генерал Лиз отдал приказ по 8-й армии:

«Первая фаза нашей операции завершена. На левом фланге 5-я армия после ожесточенных боев на взгорьях Альбано входит в Рим. На правом фланге 8-я армия совершила исторический прорыв «линии Густава», взяла Кассино и Монте-Кассино. Затем она форсировала «линию Гитлера» и, преследуя отступающего противника, разбила несколько немецких дивизий, лишив неприятеля возможности их переформирования. Обе армии совместно одержали большую победу. Вы совершили великое дело.

В настоящее время перед нами дезорганизованный отступающий противник. Ему необходимо выиграть время, и он старается задерживать наше продвижение упорными актами подрыва и минирования, осуществляемыми арьергардом. Мы должны преследовать его, не давая ему покоя ни днем, ни ночью. Каждый час, каждый убитый или взятый в плен немец приближает нас к моменту разгрома немецкой армии в Италии.

Это наша цель, и этой цели мы достигнем. Это вклад 8-й армии в дело второго фронта. Благодарю вас и желаю счастья каждому из вас».

Таково было значение этих боев. Дорога на Рим была открыта. 4 июня 1944 г. части союзников вступили в старейшую столицу Европы и освободили резиденцию Папы Римского.

Эдвард Щепаник

АРТИЛЛЕРИЯ — ОГОНЬ!

...Вспомнились времена боевой учебы в Палестине. Работа была привычной, только на большем подъеме.

Переход от учебы к практике был совсем коротким. Рядовой артиллерист сказал бы, что, собственно, ничто не было для нас в новинку. Все шло по распорядку: задание — план действий — разведка — занятие позиций и наблюдательных пунктов — пристрелка — организация системы огня — корректировка — и исполнение. Ну и сами орудия. Вот, пожалуй, и всё. Вам хочется узнать побольше? Что ж, тогда посмотрите на изрытый снарядами Сан-Анджело, на вывороченные внутренности монастыря. Или взгляните на продырявленную кнопками и твердым карандашом Н4 бумагу на топографическом столе в штабе артиллерийского дивизиона.

Командующий армией постановил, что в битве за проклятый монастырь будет играть самый мощный орга́н. Наш генерал (у которого на лице всегда сияет хорошее настроение) стал главным органистом. Были у него пищалки, были и басы. Такие, что огнем в небо пыхали, и такие, что дробили стены в порошок. Сотни стволов любого калибра. Планирование состояло как раз в том, чтобы организовать эти стволы, расположить их в нужных местах, создать группы. Младших органистов в каждую группу надо было назначить, и каждому из них следовало согласовать свою партию с пехотинцами. Два главных двигателя: командир корпуса и командир корпусной артиллерии — раскручивали шестеренки командования дивизий, а оттуда движение передавалось командирам бригад и полков. Начали действовать на полных оборотах дивизионы и батальоны, батареи и роты, и все время артиллеристы и пехота рядом, в координированных усилиях. И эта машина была пущена в ход задолго до того, как первый фиговый листок, ласково убаюкивая, коснулся неоперенных вершин гор-близнецов Троккио и Поркио. По проводной связи и через эфир, как по ленте конвейера сверху вниз, шли планы и приказы, доходя до жужжащих нижних шестеренок, которые делали свое дело, а потом отправляли всю эту гору снова вверх — на согласование. И еще раз тот же самый процесс. Второй, третий, четвертый раз — бесчисленное множество координированных движений всей машины, вплоть до окончательной шлифовки всех деталей. Чтобы сыграть полную симфонию артиллерии.

Машина дышала все полнее и брала в оборот всех. Солдат-дальномерщик снова пошел в горы с охапкой топографических знаков и измерительных приборов подмышкой. Разметил сеть координат, разнес ее по местности, отметив наблюдательные пункты, огневые точки, которые не раз огрызались огнем, когда луч, отразившийся от линзы бинокля, слишком их допекал. Опытный дальномерщик отметил место и отомстил, передав вычислителям группу цифр, полученных на белой полоске счетной линейки. Потом он устроился на наблюдательном пункте оптической и акустической разведки, а пеший разведчик принялся обходить передний край. Установил углы и просчитал шаг угломера. Нашел места для огневых точек. Устал — сел, поглядел на курящуюся песком и снарядами дорогу в Inferno. Прикрыл глаза. Уснул. Пробудил его тихий шорох шин грузовиков, тянущих двадцатипятифунтовые орудия. Ничего не было видно кроме слабо тлеющей сигареты командира дивизиона. Командиры расчетов у него прикуривали, и так весь переезд прошел при свете от сигарет. Утречком канониры с красными, черными, желтыми и оранжевыми кантами уже заботливо окапывали свои любимицы-пушки — пошел разведчик туда, чтобы в яме устроить командный пункт. Оттуда пришел утренний рапорт: «Ночью сгорел грузовик с боеприпасами. Убит поручик М. и два канонира. Трое ранены». Где-то в штабе корпуса его догнал второй — об орудии, упавшем в пропасть.

За несколько ночей сотни пушек заняли огневые позиции. Наблюдатели залегли на наблюдательных пунктах. Было раскручено полтысячи миль кабеля. Завезены десятки тысяч снарядов. Машина приобретала все более монументальные очертания. Будто до самого неба. Но месяц еще не стал полной луной. Надо ждать.

Ждать — самое трудное для поляка. Немцы, чувствуя, что что-то готовится, принимаются прощупывать. Высылают патрули, пытаются отведать крови польского пехотинца. Артиллерист Стефан кладет прямо перед ними точно пристрелянный залп заградительного огня. Их рассеянный огонь пробует нащупать наши командные пункты или огневые точки. Бдительный артиллерийский дальномерщик уже обнаружил врага, вычислил координаты. На черной доске в командном пункте огня на подавление немолодой подхорунжий написал «Н7825». Противник получит свое! Пока же надо стрелять как можно меньше: нельзя выдавать огневые позиции. Иногда все-таки невозможно выдержать. Пехота требует оборонительного или заградительного огня. Немцы ведь тоже

наблюдают — и, как мы заметили, открывают ответный огонь. Сыплется град снарядов на Львовский противотанковый дивизион. Все труднее усидеть на месте. Виленский противотанковый жалуется, что противник видит их как на ладони. Огорчается седой генерал. Мечтает о боеприпасах без вспышки. Надо выдержать. Уже недолго осталось. Еще нужно пристрелять опорные узлы, парочку дотов, полтора десятка позиций для самоходок. Еще подкопать несколько огневых, чтобы фланкирующим огнем бить по немецким минометам и реактивным установкам. Ждать. Ждали же мы этого пять лет без малого — что значат несколько ночей?

Запущенная много месяцев назад машина работает на всех парах. На двух языках отдаются приказы — оперативные, боевые. Шелестят старательно свернутые восковки, наполняются все новыми цифрами карточки огня. По штабам в величайшей тайне расходится предупреждение: день «Д» — 11 мая, час «Ч» — 23.00. Это значит, что командование уже полностью подготовилось. Сверху вниз постепенно спускается ощущение удивительного спокойствия, передышки, которую можно сравнить лишь с пресловутой тишиной перед бурей.

На командных пунктах дивизионов тогда разрабатывались последние указания командирам орудий. Вычислители еще двигали командирскую линейку вокруг кнопки, по шляпку вбитой в доску. Командиры орудий еще изучали полученные листы команд, чтобы заучить их наизусть. И на них, должно быть, влияло блаженное спокойствие, веявшее откуда-то свыше, с верхов армии.

В тот вечер было так тихо, что многим это казалось даже подозрительным. А вдруг немцы разнюхали, что́ готовится, и смылись? Забеспокоился главный органист-генерал и устроил репетицию мехам своего органа. «Нука, постреляйте чуточку», — отдал он короткий приказ своим. «It seems to me — можно слегка попугать бошей», — сказал он по телефону английским артиллеристам. Те начинают стрелять. Ведут беспокоящий огонь, чтобы отвлечь внимание противника. Все готово. Как перед увертюрой, начинается настройка. Это радиостанции посылают друг другу частоты. Бдительно ждут телефоны с настроенными зуммерами. Один пронзительно зазвонил. Беру трубку: «Разбился наблюдательный самолет артиллерии. Пилот и наблюдатель ранены». Bad luck... Горько — но что поделать: это только эпизод. Диссонанс перед началом концерта. Гляжу на карту: вся дугообразная горная цепь от Терелле до Кассино испещрена фиолетовыми черточками. Каждая черточка — по крайней мере 72 снаряда. Таких черточек несколько сот, и каждая может быть повторена бесконечно число раз. Достаточно лишь произнести три цифры, и откроется ураганный огонь. Ниже на карте, вдоль реки Рапидо, — ровные, в линейку схемы продвижения огневого вала англичан. Оба плана огня резко контрастируют друг с другом. Невольно приходит в голову: как эти планы подчеркивают разницу характеров и путей, которыми идут наши народы. У англичан дорога ровная, по ней идет флегматичный англичанин — и будет продвигаться систематическим накатом разрушительного огня. Наша дорога — скалистая и геройская.

Загремел колоссальный орга́н. В течение сорока минут сотни орудий подавляли немецкую артиллерию. Сила огневого вала превзошла знаменитое артиллерийское наступление битвы под Аламейном. Горизонт дрожал одним непрерывным заревом огня, достигавшего выпуклой стороны месяца, а тот подмигивающим дрожанием слал фонограмму: «Вот вам полная луна. Полная луна огня»...

Неприятельская артиллерия была подавлена benissimo. Если б можно было чудом перенестись к деморализованным этим огнем немцам, победа была бы молниеносной. Увы, чтобы дойти туда, надо было прорвать железную линию немецкой обороны, которую держали бункеры на перевале Сан-Анджело, на высотах 593, 575 и 569. Надо было выкурить немцев из подвалов дьявольского монастыря. Пехота шла вперед. Медленно, но упорно. Наступая и отражая контратаки. Рядом, не отставая ни на шаг, шел артиллерийский наблюдатель, вызывая огонь на цели, не подавленные артподготовкой. Под убийственным огнем артиллерии вповалку ложились немцы. Умолкали знаменитые 170-миллиметровки, пораженные по приказу командного пункта огня на подавление. Под огнем противотанковых орудий, стрелявших прямо по крепости Монте-Кассино, крушились доты. По монастырским стенам били прямой наводкой 8-дюймовые «Concassion», гигантские 240-миллиметровки и другие. Час «Ч», час мести немцам, не кончался.

Тяжелые потери были нанесены немецкой дивизии горных стрелков, но одолеть ее в первом наступлении не удалось. Еще одно, не меньшее усилие нужно было сделать через несколько дней. Снова планы, приказы, восковки. Наши и их орудия. Снова потери на огневых, которые немецкая артиллерия обстреливала, оправившись от первого ошеломления. Снова бессонные ночи на наблюдательных пунктах среди обломков блиндажей, среди жуткого трупного запаха. Раненых и убитых сменяют новые — лишь бы артиллерийская машина действовала как можно успешней. На измученных спинах снова перетаскиваются горы боеприпасов для последнего концерта.

На рассвете 17 мая чудовищный орга́н заиграл заново. На этот раз он играл реквием немецкому солдату, ужасающий похоронный марш отборным десантникам. На огневых позициях трескаются стволы, убивая и раня рядовых. Погибают наблюдатели и связисты, работающие под немецким огнем. Другие идут вперед. Они — повсюду. Бьют по немецким бункерам, по пушкам, по минометам, по дорогам,

которые немцы выбрали для отступления. Молодой офицер-артиллерист Б. на другом участке сам рвется возглавить роту «Зубров». Косит из автомата немцев и падает раненым. Это примеры индивидуального героизма артиллеристов. Не в них, однако, дело — дело в том гигантском координированном коллективном труде всей артиллерии корпуса; этот труд стал решающим для победы.

Однако безумно высокой цены потребовали от обеих сторон скалистые горы Кассино за возможность топтать их твердые вершины. Крутой перевал 593 говорил: «Не возьмете меня!» Из оврага злобно лаяли минометы: «Не пропустим!» Польская артиллерия спустила на них камнепад, потревожив вечный покой камней. В мелкий гравий были раздроблены камни безлесного горного вала, окружавшего монастырь, — за то, что дал убежище прусским десантникам. В монастырской роще укрылись «Зеленые дьяволы». Но и там настиг их безжалостный огонь артиллерии. Срезал листья. Срубил стволы. Вывернул пни — и остались они торчать, как гниющие зубы трупов, страшные и мерзкие в своей наготе.

Артиллерист поднял к глазам бинокль и охрипшим голосом бросил как заклинание три цифры. Посчитал секунды, поглядел: огневой вал обрушился на некогда бенедиктинские стены. В нескольких десятках метров дальше другие голоса шептали в трубку другие магические цифры. Снаряды искрошили цель 577. За ней вторую, третью, четвертую, пятую. Бесконечная цепочка команд. И бесконечные огневые валы, молниеносно перекатывающиеся с передовой линии противника вглубь и обратно, вдоль всего горного массива. Каждый огневой вал — геркулесов удар не знающих устали гигантских ломов и кирок, дробящих камни и черепа, мозжащих стены и кости. И те и другие не могли не уступить. Поддался и ненавистный камень, и остервенелый немец.

Хлестнул артиллерист еще раз огнем по рычащим батареям в Атино и Бельмонте. Сыпанул градом снарядов на запад, к Рокасекке и Кастрочелло. Надо быть бдительным. Лежавший рядом телефонист дернул его за рукав: «Гляди — флаг на монастыре!»

И правда! Уже нету немцев на подступах к монастырю. Флаг развевается — значит, победа. Видно, уж фрицы не выдержали. Не могли. Выходит, задача выполнена. Замкнулось последнее звено операции «Турман»: план действий — разведка и дальнейшая разработка — план огня — обстрел. Только этот «турман» был ужасный...

На следующий день командир корпуса кратко констатировал: «Бог войны, как принято называть артиллерию, был на таком уровне, на каком мы все ее хотели бы видеть».

Однако бог войны не почил на лаврах. Почти сразу после завершения решающей битвы он перебросил один из полков легкой артиллерии, чтобы поддержать группу, сражавшуюся за Пьедимонте. С открытых позиций надо было под градом немецких снарядов поддерживать героически сражавшихся танкистов.

Оказалось, что немцы превратили Пьедимонте в замóк системы обороны Гитлера. Поставили стальные бронеколпаки. Установили орудия на железных плитах и танки, закопанные в землю. Но и с этим мы нашли как справиться. Взялись за работу бронебойщики, используя отличные трехдюймовки, которые пробивали немецкую броню, стальные плиты и — уничтожили упрямые немецкие пушки. В огне пылающих «Пантер», смертельно раненных польскими снарядами, таяли остатки немецкой обороны в крепости Пьедимонте, которая была одной из ключевых позиций «линии Гитлера».

Картина эпопеи не будет полной, если не добавить гармоничный аккорд польско-канадского сотрудничества. После прорыва немецкой обороны на комплексе Монте-Кассино главное усилие 8-й армии легло на плечи канадского корпуса. Нам выпала артиллерийская поддержка канадцев. Снова надо было быстро выстроить систему огня, завезти боеприпасы, заполнить цифрами длинные листы артиллерийских расчетов. Снова канониры как черти бегали у затворов, и туча огня накрывала немецкие позиции, на которые шла канадская пехота и танки.

Огонь нашей артиллерии весьма способствовал подавлению немецких огневых средств на правом фланге наступавшего союзника. Но таких эмоций, как в памятные дни битвы за Монте-Кассино, это не давало. Там, под Монте-Кассино, ты чувствовал, что каждый залп, каждый подсчет и каждый телефонный звонок спасают жизнь брата-пехотинца. Артиллеристы старались выложиться полностью. Когда пришла необходимость последнего усилия в наступлении на Анджело, они пошли вместе с пехотой: водители, артиллеристы из бронетанковых полков, канониры из ПВО. Усилие было предельно согласованным. Это была воистину артиллерийская «полная луна». Полная крови, но и полная радости. Такого не забыть. Не забудет, пожалуй, этих дней и скалистая Италия. Старые фиговые деревья будут рассказывать о них вечно молодым близнецам-карликам Троккио и Поркио.

Автор, знаменитый ученый, экономист, бывший член дирекции ФАО, бывший (последний) премьер-министр эмиграционного польского правительства, командовал польской артиллерией под Монте-Кассино (см. НП № 4/2001)

НАДО БЫТЬ БЕЗЖАЛОСТНЫМ, ЧТОБЫ ЗАЩИЩАТЬ ЧЕЛОВЕКА

Беседа с Мареком Эдельманом

— Вас не утомляют эти постоянные годовщины?

— Вы меня утомляете, потому что вы такие канительные. Что ни день, приходит несколько таких, как вы, спрашивают об одном и том же.

— Это нарастает к апрелю?

— Да, это пик сезона. Каждый год одно и то же.

— Однажды вы сказали, что по ту сторону стен все были врагами.

— Когда ты переходил на арийскую сторону, врагом был каждый, потому что неизвестно было, кто из них тебя выдаст. Речь не о том, что за стеной я видел человека и он казался мне врагом. Врагов среди них было двое-трое, готовых меня выдать, но я не знал, кто именно.

— Испытывали ли вы зависть к тому, что за стеной живут лучше?

— Зависть? Нет. Это неподходящее слово. Конечно, мы голодали, а там ели. Не могу определить. Такова была действительность. «Зависть» к этому случаю не подходит.

— Ненависть?

— Нет, тут не надо искать душу. Это факты. То, что существовало. Не то было нужно, чтобы там не ели, а чтобы мне было что есть. Живших в гетто низвели до людей второй категории — таких, кому нечего есть, нечего надеть, у кого нет работы. Пропаганда действовала всесторонне. Геббельс делал это очень умело: «Евреи — это народ, который вызвал войну, они богатые, а кроме того — они как вши». И это действовало. Ты шел по улице, и на тебя смотрели как на монстра. И трудно ходить с высоко поднятой головой.

— Немцы выкроили часть города...

— Бедную часть города. На этой территории в обычные времена жило около 150 тысяч человек. В гетто оказалось 300-350 тысяч. Можно себе представить, каковы были условия: человек опухает с голоду, у него умирает отец, а у него нет денег на похороны, он выносит тело на улицу, чтобы утром его вывезли в массовое захоронение. Те, кто работает в немецких магазинах, получают суп. Гетто живет мелкой спекуляцией. Десятки маленьких детей погибают, переходя стену за килограммом картошки.

— Все делалось постепенно, методически.

— Невозможно было убить сотни тысяч людей в один день. Это нужно подготовить. Сначала довести до нравственного и физического ничтожества. Ослабить, заморить голодом: у голодного нет сил сопротивляться. Потом дать надежду на жизнь: получишь буханку хлеба, если пойдешь в вагон. И человек идет на смерть.

— Вы знали, что цель гетто — массовое уничтожение евреев?

— Я знал это с 1941 г., когда приехали первые беглецы из Белжеца. Но люди в это не верили, хотя мы писали в подпольных бюллетенях об уничтожении целых общин. Они говорили: «Ах, это было маленькое местечко, немцы могли себе это позволить, а здесь почти полмиллиона человек...» Никто не хочет верить в самое худшее. Если человек болен, то думает, что выздоровеет. Трудно осознать, что болезнь неизлечима.

— Прошло немало времени, пока вы организовались в гетто...

— Это было нелегко. Впрочем, если говорить в целом, организовались мы довольно быстро, но возможности были очень маленькие.

— У «Бунда» был такой замысел, когда в 1942 г. начали вывозить в Треблинку: воспротивиться, распустить еврейские институты в гетто, в том числе еврейскую полицию.

— Был и такой замысел, но не было оружия, вооруженной силы. Не было шансов. Осуществить это стало можно только в октябре 1942 г., когда пришли четыре первых пистолета.

— Когда вы связывались с польским подпольем, то просили оружия, но оружия не было. Вы как-то писали, что вам не верили.

— И это было. Мы же не были обученной армией, у нас не было офицеров, генералов, военных планов. Так обстояли дела. У нас были другие условия.

— Однажды вы рассказывали про немца из гетто, который посадил на стенку в рядок трех девочек, чтобы проверить, удастся ли их убить одной пулей. Как вы объясняете такой случай с медицинской точки зрения?

— Почему с медицинской? Это убийцы, презирающие жизнь. Они безнаказанны. Он считал себя героем. Помогал Гитлеру, убил трех детей — и был экономен, так как сделал это одним выстрелом. В военное время за убийство получаешь медаль, в мирное — идешь в тюрьму. Другая нравственность.

— Вы сказали, что надо бы снять кинофильм о любви в гетто.

— Это великий вопрос: без любви трудно было выжить. Надо было иметь кого-то близкого, чтобы прислониться.

— Трудно было любить в гетто?

— Нет, не трудно. Многие мои друзья были арестованы, но никто никого не выдал. Это вопрос дружбы или любви. Не все же они был сильными и твердыми — просто были друзьями по школьной скамье, по организации. Это тоже любовь к другому человеку. Не только к красивой девушке, хотя при случае это может быть и красивая девушка.

— Когда люди прислонялись друг к другу, можно было забыть о гетто?

— Когда тебе 19 лет, ты хочешь к кому-то прильнуть. Плохо тебе, прильнешь, и станет лучше. Молодая девушка, если она голодная, тем более положит голову на чьи-то колен. Иногда думаешь о голоде, а иногда о любви.

— Началось восстание. Была у вас надежда на чудо, на помощь с «арийской стороны»?

— Никакой надежды не было. Не было надежды выжить. Надо понять, что это был бой за солидарность с людьми, которые умирают, у которых нет сил. В каком-то смысле это был бой за свободу. За подрыв великой немецкой мощи. Ибо трем тысячам тяжело вооруженных солдат пришлось воевать с двумя сотнями мальчишек. Это не то что повернешь выключатель, и зажжется свет — это был долгий процесс.

Уже в октябре 1939 г. было сопротивление — взаимопомощь, опека над детьми, нелегальная печать. И, раз уж война, сопротивление привело нас к тому, что мы стали стрелять. Не стреляешь — и ты не человек. Стреляешь — и ты наравне с тем, кто тебя гнетет. Кстати, наше сопротивление, например малое восстание в гетто в январе 1943 г., вдохновило на дальнейшее сопротивление. Это был пример, что такое возможно. С этого момента началась городская партизанская война. Это был кирпичик, вынутый из стены тьмы.

— У вас нет впечатления, что гетто, Умшлагплац [место отправки эшелонов с варшавскими евреями в лагеря массового уничтожения] навсегда останутся вне истории Польши?

— Не думаю. В некотором смысле это в природе человека. Когда происходит автомобильное крушение и раненый человек лежит на шоссе, из ста проезжающих машин остановятся, может быть, десять. Остальные водители отворачиваются. Так и общество в массе своей отвернулось, не помогло, осталось с угрызениями совести, не любит об этом говорить. Потому что о неприятных вещах говорить не принято.

— Варшавское восстание заняло иное место в истории.

— Потому что оно было массовым, каждый в нем принимал участие: «Если не я сам, то мой сын или брат». Впрочем, настроение гражданского населения было не слишком хорошим, кроме первых дней. Вначале: свобода, флаги, «Еще Польска не згинела...» Это переменилось, когда начались бомбардировки и расстрелы. Сразу после восстания был начат спор: нужно ли оно было.

— Борьба и трагедия евреев рассматриваются иначе?

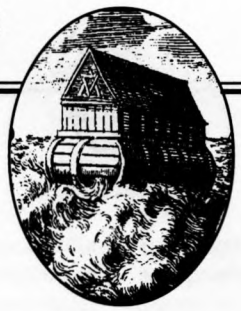
— Всяко бывает. Когда-то об этом вообще не говорили. В литературу, в общественные дискуссии эту тему ввела оппозиция в ПНР. С тех пор разговор ведется. Кстати, я считаю, что уничтожение шести миллионов ни в чем не повинных людей оказало колоссальное влияние на всю культуру. Насколько иной стала живопись после войны: бывает, что она сводится к написанному на холсте белому пятну. Музыка, которая «смягчала нравы», стала крикливой, полной диссонансов. В литературе, даже ведущей американской, теоретически далекой от этого, все кончается, как когда-то в гетто: трагедией, самоубийством. Видно и влияние на политику: интервенция в Югославии, Восточном Тиморе, Афганистане, теперь в Ираке. Появилось сознание, что всякая диктатура, не обязательно немецкая, уничтожает людей. Это какой-то прогресс, и надеюсь, что все будет идти в верном направлении.

— Вы считаете, что это урок, извлеченный из того, что произошло 60 лет назад: надо быть сильным, а иногда безжалостным, чтобы не дать убивать?

— Да. Надо быть сильным, надо быть безжалостным, чтобы защищать человека.

RZECZPOSPOLITA *Беседу вели* ***Беата Копыт и Павел Решка***

Марек Эдельман *(1921 г.р.), в прошлом активист «Бунда», один из создателей Еврейской боевой организации. Последний, кто ныне жив, из состава командования восстанием в варшавском гетто. Был сотрудником КОРа (Комитета защиты рабочих) и активистом лодзинской «Солидарности». Участвовал в переговорах «круглого стола» (1989). Видный врач-кардиолог. Кавалер ордена Белого Орла.*



Ханна Краль

Перевод
Александра Бондарева

ТАК ЭТО ТЫ — ДАНИИЛ

фрагменты

МАЙ 2000 г., ГЕРЦЛИЯ БЛИЗ ТЕЛЬ-АВИВА

В посольском парке идет прием.

Посол с бокалом в руке произносит здравицу в честь Конституции, которой исполнилось двести лет.

Меж деревьев сгущается темнота.

Веселые, вспотевшие девушки ждут, когда начнутся танцы.

На ветвях кедров и миндальных деревьев примостились немногочисленные духи. Они совершенно справедливо полагают, что до польской конституции тут никому нет дела. Кроме них самих — цадика из галицийского местечка Городенка и ребе из Корца, что на Волыни. Это они молились за Польшу. Сперва молился Нахман из Городенки, но потом он, увы, отправился в Святую Землю. И не успел уехать — наступил первый раздел Польши. После него молился Пинхас из Корца. Но потом Пинхас, увы, умер — и едва он умер, как наступили следующие разделы.

Оба они — потомки и предки знаменитых мудрецов.

Дед Пинхаса опубликовал в Кракове двести пятьдесят две интерпретации молитвы Моисея. В самой молитве было две фразы.

Внук Нахмана, названный в честь деда, стал цадиком в Брацлаве. («*Мое сердце тоскует, равви, и на душе неспокойно*» — пожалуется ему польский поэт сто пятьдесят лет спустя).

Нахману приснился сон. Во сне он увидел собственный дом, пустой и безлюдный. Он пошел в синагогу. Там были люди, но они отворачивались от Нахмана и возмущенно шептали: «Как ты мог? Как это может быть, чтобы ты совершил столь тяжкий грех?» Нахман отправился в путешествие, но все, кого он встречал на своем пути, во всех странах, смотрели на него с ужасом: «Как ты мог?» Он стал отшельником, жил в лесу. Старик из соседней деревни приносил ему еду и спрашивал: «Как ты мог?»

До самого конца сна он так и не узнал, какой грех он совершил, но, проснувшись, попросил своих учеников, чтобы они уничтожили его последнюю рукопись. Ученики сожгли ее, даже не прочитав.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ В ПАРКЕ ПОЛЬСКОГО ПОСЛА

Внимание гостей привлекает статный, видный мужчина. Смуглый, седой, с глубоким взглядом серьезных глаз цвета меда. Так мог бы выглядеть стареющий царь Давид.

Он подходит ко мне и говорит, что мы уже однажды виделись. В Польше, в Лодзи. «Это было в апреле: вы тогда были в доме Доктора, а мы стояли перед домом. За Доктором следила тайная полиция».

Что ж, вполне возможно. Столько воды утекло... Наружка перед входом в дом. Приезжие из Израиля, покорно садящиеся в машину.

«Мы не хотели, чтобы у нас были неприятности с вашей полицией», — говорит мужчина. (Нет, он не царь Давид, он профессор новейшей истории). «И вот когда мы пошли обратно, Доктор...

Вы знаете, что он сделал?

Он выбежал вслед за нами и начал кричать.

И вы знаете, что́ кричал?

Вы уцелели, потому что вы трусы!

Вы уцелели, потому что вы трусы!

Вы уцелели, потому что вы...

Вот эту историю я вам и хотел рассказать. А я ведь даже родился после войны, здесь, в Израиле... А он кричал: «Вы уцелели, потому что вы...»

(Доктор накрыл на стол, расставил тарелки на праздничной белой скатерти. Кто-нибудь обязательно приедет, повторял он. Не может быть, чтобы все боялись...

Раздались звуки барабанной дроби. Голос из радиоприемника сообщил о том, что сегодня годовщина восстания в Варшавском гетто и что в столице по этому случаю были возложены венки.

И тогда он, тот, что когда-то вместе с группой своих друзей принял решение о начале этого восстания, сказал что-то про солнце. Что тогда тоже светило солнце, хотя было холоднее, чем сегодня.

Гости не приезжали. Доктор отправился на прогулку. Вслед за ним двинулись топтуны. Они следили, чтобы он не сумел пробраться в гетто. Он не был нужен там, где были барабаны и венки. Он старался не видеть их глаз, веселых и презрительных.

На обратном пути он думал, как можно убить человека голыми руками. Нужно ударить его в glomus caroticum, клубок возле сонной артерии, величиной с пшеничное зерно, за щитовидным хрящом. Да, у него слабые руки, но он знает, что с левой стороны расположен блуждающий нерв, тормозящий сердце...

Он уселся за стол.

Рюмка водки и крепкий бульон сделали свое дело: настроение за столом стало более приподнятым.

Вокруг стояли пустые стулья и пустые тарелки.

За окном послышались шум мотора, сигнал клаксона и голоса топтунов.

Он выбежал во двор.

«Вы уцелели, потому что вы трусы!» — кричал он вслед гостям, торопливо возвращавшимся в свою машину.

Из всех слов, что пришли ему в голову, эти сильнее всего выражали презрение).

Нахман из Городенки спрашивает Пинхаса из Корца: профессор новейшей истории все еще кажется ему похожим на царя Давида? В ответ Пинхас из Корца говорит, что человека учит его собственная душа. Нет такого человека, которого душа не учила бы без устали.

Так почему же человек ее не слушает? — задумывается Нахман из Городенки.

Потому что душа непрестанно учит и учит, но всё говорит только один раз и никогда ничего не повторяет.

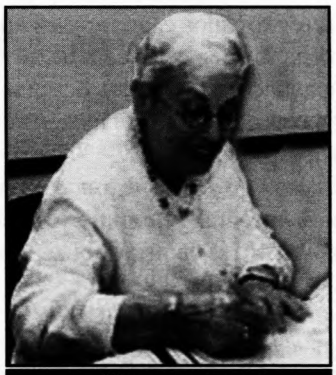
2001

P.S. Доктор Марек Эдельман запомнил эту историю иначе. Он ничего не кричал про трусов. Не мог он этого кричать, это исключено. Он еще мог бы говорить о случайности: что они уцелели случайно, что-нибудь в этом роде. Мужчина в посольском парке запомнил слова о трусости. Можно сомневаться, если не помнишь наверняка, но с памятью не поспоришь.

Лешек Шаруга

ГОВОРИТЬ ОБОЖЖЕННЫМ ГОЛОСОМ

Гибель ассоциируется у нас с пеплом, гарью, дымом — это вещь очевидная. Таковы стихи Ежи Фицовского из цикла «Чтение по пеплу», такова же и поэзия Ирит Амиэль. В заглавном стихотворении ее последней, недавно изданной книги — «Вдохнуть поглубже» — перед нами ситуация ее детства, когда мать героини велит ей глубже дышать морским и горным воздухом. В ситуацию вписан намек на смертельную угрозу: «теперь мне кажется / что если б я пошла до конца вместе с мамой / наверно я повторяла бы — вдохни / вдохни поглубже». Мы знаем, куда она последовала бы за матерью. А сегодня мы читаем у Амиэль:



Ирит Амиэль

иногда я еще хожу с внуками к морю
и говорю им своим обожженным голосом
— Вдыхайте поглубже это озон это полезно
а они смеются и говорят
— Никакой это не озон бабушка
это отравленный выхлопом воздух

В этих стихах трагедия Катастрофы вписана в очевидную нынешнюю повседневность. Притом, следует подчеркнуть, вписана тонко — нередко лишь намеком, прерванной фразой, недоговоркой.

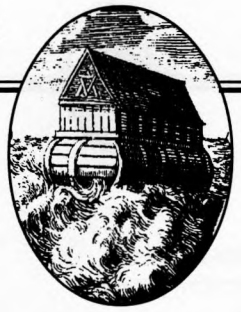
«Вдохнуть поглубже» — третья книга стихов Амиэль на польском языке. Ранее вышли: «Экзамен по Катастрофе» (два издания) и «Я не успела». Поэтесса пишет и прозу — в 2000 г. сборник ее рассказов «Опаленные» был выдвинут на главную польскую книжную премию «Нике». Наряду с произведениями на польском языке в числе книг Амиэль — сборник стихов на иврите; она также является автором многочисленных переводов польской литературы на иврит.

Писательница родилась в 1931 г. в Ченстохове. Здесь она пережила войну — сначала в гетто, потом на подложных «арийских документах». С 1947 г. живет в Израиле. Амиэль входит в группу «израильских писателей, пишущих по-польски», объединившихся вокруг тель-авивского ежегодника «Контуры».

Несомненно, ее поэзия — лирика свидетельства. Как и большинство подобных литературных свидетельств, это попытка сберечь память о тех, кого унесла Катастрофа: «Пока я здесь, вы еще не так мертвы, / Но скоро погибнете второй и последний раз». Драматично сознание свидетеля, который знает, что вместе с его уходом исчезнет память об убиенных. Те, кто уцелел и воспринимает свое спасение как тяжкую вину и долг перед памятью погибших, относятся к своей жизни как к дару, а к своему писательскому труду — как к выполнению неписаного соглашения с теми, кто ушел: «Люблю самолеты, взлеты, полеты (...) / Тогда я ближе к вам — / сожженные мои». Словно аллюзия к «Фуге смерти» Пауля Целана, где речь о тех, кто «роет могилу в воздухе», — мы-то знаем, что это отсылка к дымам крематория.

Спасение — одно из ключевых слов современной польской поэзии. Ибо трагедия «народа польских евреев» — со временем это видно все яснее — стала одной из болевых точек национальной культуры. Запись этой трагедии мы обнаруживаем и в поэзии Тадеуша Ружевича и Генрика Гринберга, и в произведениях писателей гораздо более молодых, зачастую родившихся через много лет после окончания войны. Драматизм темы ощущается все острее, что видно хотя бы из рассказов Михала Гловинского, написанных через полвека после Освенцима.

То же — в поэзии Ирит Амиэль. Быть может, нужна была именно такая временная дистанция, чтоб те события оказались вписаны в современность. Тем более стоит вслушаться в драматическую интонацию «обожженного голоса».



Ирит Амиэль

**Перевод
Андрея Базилевского**

СТИХОТВОРЕНИЯ

Мой отец

Готовясь в последний путь,
отец обулся в лыжные ботинки.
Он думал, что в лыжных ботинках
ему будет легче приспособиться к жизни.
Отец жестоко ошибся.
Чтоб одолеть ту гору, на которую он взошел,
не требуются лыжные ботинки.

На эту гору восходят
босиком, сгорая в огне.

Моя набожная бабушка

Удл — звали мою набожную бабушку
мать моего отца. Она была вдовая.
Всегда носила парик
ела только кошерную пищу
а в субботней молитве благословляла свечи.

Помню как я стояла смотрела на бабушку
а ее голова склонялась над свечами горевшими
в серебряных подсвечниках.
Я слушала тихий шелест чужих
волшебных пахнущих далью слов.

Она стояла прямая как свечка
закрыв лицо руками а слезы как капли дождя
сквозь ее пальцы капали на белую скатерть.

О чем она плакала когда молилась по субботам
моя набожная бабушка Удл?
Не о своем ли Тернистом Пути?

Сонет о помешанной Ривеле

По аллеям святого города в зной и в дождь
поражая прохожих большой головой на тщедушном теле
целыми днями бродила помешанная Ривеле
то ли девочка то ли женщина не поймешь.

На своих опухших ногах переваливаясь как утка
по ночам ко мне в спальню тайком она пробиралась
я обо всем молчала хотя ужасно боялась
а она подтыкала как прачка свою драную юбку.

Корчила рожи чмокала и плевалась убогая
и ладошкой прохожих за рукав теребила
по-собачьи скулила хихикала подаянья просила
рот набивала газетами проклиная судьбу и Бога.

Верно только она одна знала что будет с нами —
ведь ворохом старых газет она питалась годами.

Молитва

Она делала все что могла
Днем часами стояла на коленях на горохе
перед фигурой Распятого
Губами шептала Отче Наш
кровоточащим сердцем взывая
к его сердцу каменному
Не они сделали это с тобой Ты же знаешь
я просто голодная девочка мне так плохо

Но все напрасно

Ночью она воровала гнилые картофельные очистки
из-под рыл жирных розовых польских боровов
и повторяла очень серьезно
— Шма Исраэль Адонаи Элохену Мелех Хаолам
Выслушай о Израиль Господь наш Властитель Мира
Умоляю Тебя пусть они вернутся
пусть склонятся они надо мной
я всегда буду хорошей —

Но все напрасно

•••

Его зовут Симха — Веселый
но он угрюм и печален
Когда-то давно
ему даже не сказали
что все уже позади

И он все так же на рассвете
гонял волов на буковину
а ночью сосал теплое вымя
у милосердного коровьего брюха
отогревая свое
обрезанное сиротское тело

Теперь он только по ночам
гоняет волов на буковину
от восхода до заката
он сидит у компьютера ломая голову
как перевести в слова
и прежние и свежие слезы

Его зовут Симха — веселый
но он стар печален
и очень одинок

Монолог мальчика в фуражке

Мне шесть лет я стою подняв руки вверх
я хочу стать прозрачным чтоб они меня не увидели
Вот бы вместо фуражки шапку-невидимку
Стать бы муравьем... нет-нет муравья
раздавит черный блестящий сапог Тогда может птицей...
Нет-нет птицу легко подстрелить из ружья
Наверно лучше всего мухой
муха пролетит у них под ухом и вот ее уже нет
Ищи муху в поле
Я бы напился росой с листка
был бы сыт кусочком гнилой ботвы
Если б тогда я на миг превратился в муху сегодня я мог бы
быть стариком может и у меня был бы шестилетний внук
Я мог стать летчиком
ведь я уже мухой научился летать
Мог стать учителем
учить детей любить людей муравьев и мух
Мог стать врачом лечить больных детей
чтоб они ничего не боялись были здоровы бегали пели
А так что? Какой-то миг я был мальчишкой этаким мотыльком.
Уже десятки лет меня нет Хоть я стою во всех музеях мира
У меня онемели руки болят ноги
голова зудит под завшивленным картузом
Добрый Боженька сделай так чтоб я на миг стал прозрачным
или мухой чтоб меня не заметил немец
Ведь я каждый день на рассвете повторял вместе с дедушкой
утреннюю молитву «Мойде ани лефонеху»...
Но видно Ты был занят или слух Твой ослаб и Ты не услышал
И вот теперь этот немец стал стариком а меня уже много лет нет на свете

Исход из Египта

Из своего Египта он вышел в осенний дождь,
увязая ботинками в черной, липкой грязи
у подножья заснеженных Альп, чьи вершины смотрели в небо.
Пять кило в рюкзаке и пятнадцатилетнее сердце,
сжавшееся в теннисный мячик.
Он соскочил с грузовика УНРРА и, цепляясь ногтями
за обледенелые кусты, контрабандой перекинул
через границу свое хилое, чудом уцелевшее тело.
Повиснув на хлипкой веревочной лестнице
между синей волной Средиземного моря
и весенним, набрякшим звездами итальянским небом,
он поднялся с утлой лодчонки на высокий
пьяный корабль, который должен был отвезти его к берегам
Земли Обетованной. Но воды не расступились,
и он вновь приземлился в лагере, окруженный колючей
проволокой, на рыжей, выжженной кипрским
солнцем земле. И там, в шалаше,
задыхаясь от зноя, пребывал он двести дней и двести ночей,
поливая сухой песок своей тоской и слезами.

Современный миф

И увидел Энох Еву у врат Содома где властвовал
лозунг: «Arbeit macht frei»
И был Эноху сорок один год и весил он в точности столько же
а тридцатилетняя Ева весила тридцать два килограмма и сидела
на придорожном камне поджидая двух своих малых детей
давно развеянных ветром в серой пучине туч
И протянул Энох руку Еве и сказал — встань женщина и иди
Никто и ниоткуда не вернется Каин уже убил Авеля
не оглядывайся
не то превратишься в соляной столп
И пошли они сквозь пожарища дым и пепел к Эрец Ханаану
и родили других сыновей и других дочерей дав им новые имена
чтобы обмануть Господа своего
И сказал Господь — воистину я позволил вам живыми покинуть Содом
но больше ни для кого скидок не будет

Агата Калинская

ТЯГОТЫ СВИДЕТЕЛЬСТВА

7 апреля в варшавском Доме литературы состоялась важная и интересная встреча деятелей культуры — писателей, историков, литературоведов. Конференция, организованная польским ПЕН-Клубом, называлась «Попытки свидетельствовать через 60 лет после борьбы и уничтожения варшавского гетто». Немаловажным был и подзаголовок: «Об осмыслении польской культурой и литературой страшной правды уничтожения, печати пустоты и зла забвения».

Многие из пришедших были не только слушателями, но и свидетелями истории — людьми, которые лучше всех могли объяснить и описать обсуждаемую действительность, но в то же время часто замолкали: им не хватало слов, ибо для описания таких вещей нет подходящего языка и выразительных средств.

Несомненно, одним из таких свидетелей прошлого можно назвать проф. Владислава Бартошевского, который в качестве председателя ПЕН-Клуба первым взял слово и тем самым открыл конференцию. Профессор начал с приветственных слов, обращенных к приглашенным гостям — в частности, к послу Израиля в Польше Шеваху Вейсу и вдове композитора и пианиста Владислава Шпильмана. Владислав Бартошевский представил собравшимся недавно изданный «Польско-еврейский триптих». Книга, вышедшая под редакцией самого Бартошевского, — это сборник поэзии и прозы, посвященный еврейской тематике. Входящие в нее тексты были написаны по-польски по «арийскую» сторону стен гетто и впервые увидели свет еще во время оккупации — в подпольных журналах или отдельными брошюрами. Иначе говоря, мы имеем дело с истинными и зачастую горькими голосами свидетелей.

Напомним, что в 1942 г. жестокие планы гитлеровцев приблизились к осуществлению: начался последний этап Катастрофы (Шоах) — «окончательного решения еврейского вопроса», т.е. массового уничтожения евреев. В 1943 г. вспыхнуло восстание в варшавском гетто — несколько сотен еврейских бойцов против тысяч немецких солдат. В предисловии к «Триптиху» Бартошевский пишет: «При таких обстоятельствах самой неотложной необходимостью казалось сохранить память об этих необыкновенных событиях, почти хронически описать их ход, человеческие нравы и поступки, ужасающие испытания нищетой, голодом, кровавыми „акциями» и потерей близких. Эти факты преобладали как в литературе гетто, писавшейся на идише (...), так и в произведениях, написанных по другую сторону стены по-польски».

«Триптих» включает тексты брошюр «Ликвидация гетто» Антония Шимановского (изд. 1942, речь идет о ликвидации т.н. малого гетто) и «На глазах всего мира» Марии Канн (изд. 1943), а также антологию под редакцией Тадеуша Сарнецкого «Из бездны. Стихи» (изд. 1944).

До 1961 г. имя автора первой брошюры оставалось неизвестным. Лишь после того как Бартошевский перепечатал ее в журнале «Свят» (Варшава, 1961, 27 авг., № 35), Шимановский прислал из Стокгольма письмо с объяснениями: «Автор этой брошюры — я. Инициалы М.Б. связаны с моим тогдашним подпольным псевдонимом. Писать эту брошюру я начал по просьбе Александра Каминского [лидера польского скаутского движения] (...). Мы хотели как можно скорее довести до сознания общества факт свежего гитлеровского преступления, всколыхнуть общественное мнение». Стремление показать правду такой, как она была, Бартошевский видит и в брошюре Марии Канн (известной хотя бы по редактируемой ею после войны детской серии «Почитай мне, мама»). Несомненная важность этого текста заключается прежде всего в том, что он — единственное опубликованное в Польше свидетельство, полностью посвященное борьбе варшавского гетто. Автор, молодая польская харцерская [скаутская] активистка, хотела создать не столько документ, сколько своего рода обращение к совести мира.

Последняя часть «Триптиха» — поэтическая антология «Из бездны». Главным достоинством этого подпольного издания 1944 г. профессор Бартошевский считает публикацию только что напи-

санных стихов — таких, как известное стихотворение Чеслава Милоша «Campo di Fiori» или «Ночь в бараке» Михала Борвича.

Следующим докладчиком был Яцек Леоцяк, адъюнкт Института литературных исследований ПАН, автор книги «Текст перед лицом Катастрофы. О донесениях из варшавского гетто». В своей научной работе Леоцяк любит «разглядывать» небольшие картинки, сценки из будничной жизни гетто, чтобы затем на их канве открывать ранее неизвестное и делать глубокие выводы. Такой метод исследователь применил он и на этот раз, анализируя «сознательное-бессознательное» роли свидетеля. Отправной точкой стала простая ситуация проезда через гетто на трамвае, закончилось же рассуждение меткими метафорами. Ежедневно с одной арийской стороны на другую через огороженную территорию проезжали тысячи «гоев». Они были в полной безопасности: на территории гетто трамвай не останавливался и ехал с максимальной скоростью. От дикой толпы, от бесформенных, сливающихся в одну массу, оборванных людей их отделяли оконные стекла. Лишь некоторые из них (например, Ярослав Ивашкевич, Зофья Налковская) дали выражение своему возмущению столь безнравственным и позорным обращением с человеком, который еще недавно был учителем, соседом или просто прохожим. Другие, в т.ч. и деятели культуры (например, Мария Домбровская), писали об этом очень мало, почти ничего, хотя проезжали через гетто ежедневно.

Леоцяк называет это своего рода «контрабандой картинок», причем картинок бесплатных. Лишь немногие платили за них ценой своих эмоций, когда решались дать этому свидетельство. Остальные оставались не более чем зеваками в трамвае. А мы, не являемся ли и мы подобными зеваками истории? — вызывающе спрашивает в конце Леоцяк. Не смотрим ли и мы взглядом, в котором отражается экзотика, болезненная экзотика гетто? Занимаемся ли мы этой темой по-настоящему или только для того, чтобы попытаться преодолеть свой страх и чувство отличия от другого?

Завершилась конференция докладами молодой полонистки из Варшавского университета Алины Молисак и историка литературы, поэта и преподавателя Лешека Шаруги, хорошо известного читателям «Новой Польши». Я пишу об этих докладах вместе, так как они были семантически схожи. Оба исследователя сосредоточились главным образом на современности: Молисак анализировала романы авторов еврейского происхождения XX и начала XXI вв. (докладчица говорила о необходимости польских переводов выдающихся произведений, в т.ч. удостоенных Нобелевской премии); Шаруга же, напомнив знаменитые слова Теодора Адорно: «Писать стихи после Освенцима — это варварство», — призвал литераторов и исследователей литературы быть отважными. Несмотря на выводы Адорно, он призвал задавать вопросы о прошлом и постоянно стремиться к тому, чтобы «распутывать» и упорядочивать в культурном сознании основополагающие вопросы (например, экзистенциальные).

Под конец слова попросил посол Израиля Шевах Вейс. Это был важный для всех момент, а выступление посла было весьма эмоционально. Шевах Вейс выразил пожелание, чтобы в будущем такие встречи проходили чаще и при более активном участии молодежи. По его мнению, очень важно организовать международную польско-еврейскую конференцию на ту же тему.

Ярослав Абрамов

БЕСПОКОЙНЫЙ ВЕСНУШЧАТЫЙ ПАРЕНЬ

Последний класс семилетки был для меня очень тяжелым по многим причинам. Главной была, пожалуй, внезапная болезнь мамы. После освобождения она время от времени страдала женскими болезнями и лечилась у симпатичной женщины-гинеколога доктора Толочко, прописывавшей ей при различных кровотечениях, кроме лекарств, сок из кислой капусты, за которым я ходил на рынок.

Но на этот раз случилось что-то другое. У мамы начались острые боли в животе, рвота, и было похоже, что дело тут в желудке. Супруги Дембницкие давно дружили со знаменитым гастрологом профессором Плоккером, ординатором у монахинь елизаветинского ордена, которые по-прежнему служили в своей известной больнице на Хожей улице. Эгга Дембницкая позвонила ему, и профессор согласился осмотреть маму на дому: из-за болей она не могла подняться с постели. Я представлял себе знаменитого профессора здоровенным мужиком, а вместо этого в дверь вкатился низенький толстячок с медицинской сумкой в руках; как только он снял шляпу, оказалось, что из-за уха у него торчит прядь волос, как у Леона Шиллера*. И такое ж, как у того, угрюмое выражение лица. Подробно расспросив маму, что, где и когда у нее болит, он попросил нас создать ему условия для тщательного осмотра. Кровать не подходит — лучше стол. Мы с отцом внесли из столовой в спальню наш круглый стол, отец вставил в середине доску, как в праздники, и на этом праздничном столе профессор стал маму осматривать. Кроме стетоскопа он пользовался деревянной трубкой, которой прослушивал легкие. А также прикладывал ухо прямо к спине. Все время нажимал в разных местах на живот, спрашивая, где больше всего болит. Когда он взял ее обеими руками за поясницу и сильно дернул, а потом еще ударил ребром ладони, мама взвыла от боли. Профессор медленно снял наушники и заявил, что, по его мнению, дело тут не в желудке, а в почках. А поскольку он почками не занимается, то может рекомендовать своего коллегу-уролога, доктора Фришмана. Он постарается до него дозвониться и попросит прийти. У мамы были такие боли, что о том, чтоб пойти на прием к Фришману, не могло быть и речи. Раз она при всем своем чувстве долга прервала спектакли и заставила свою подругу Климу ее заменять, значит, дела были очень плохи.

Доктор Фришман, обследовав маму, подтвердил диагноз профессора Плоккера. Он сказал, что у мамы острый приступ почечно-каменной болезни, и раз он все не утихает, то есть основания полагать, что камень закупорил почку. Надо сделать рентгеновский снимок, чтобы увидеть, в чем дело. В крайнем случае придется сделать операцию, удалить камень. Это было для нас как гром среди ясного неба. Маму только раз в жизни оперировали, еще до войны: в больнице Младенца Иисуса ей удалили аппендикс. Операция была серьезной, так как ее сделали буквально в последний момент, вот-вот мог начаться перитонит. Любое вскрытие брюшной полости — дело нешуточное, а тут вдруг

*Знаменитый режиссер, светоч польского театра.

Игорь Неверли с сыном

24 марта 2003 г. исполнилось сто лет со дня рождения Игоря Неверли (см. «Новую Польшу», 2001, №10). Юбилей дал возможность напомнить об этом замечательном писателе и прекрасном человеке. Этот сын получешки и русского офицера стал одним из лучших польских писателей, вдобавок проживший незаурядную жизнь. Молодость его прошла в революционной России, а вскоре после нелегального перехода польской границы он познакомился с Янушем Корчаком и был связан с ним вплоть до самого начала войны — сначала как его личный секретарь, а затем как редактор детского журнала «Малый пшеглёнд». В 1943 г. Неверли арестовало гестапо; он прошел Майданек, Освенцим, Ораниенбург и Берген-Бельзен. После войны вернулся в Польшу и в 1948 г. выпустил свой первый роман «Парень из Сальских степей». «Дневник с «Целлюлозы»» (в русском переводе — «Под фригийской звездой»), эпическая, но психологически углубленная картина возрастания амбициозного деревенско-

го парня, который становится активным рабочим деятелем, до сих пор остается, пожалуй, единственным в Польше примером удачного соцреалистического романа. Будучи много лет опекуном молодежного кружка при Союзе польских писателей, он находил прекрасное взаимопонимание с молодежью, а среди его подопечных оказались самые способные литературные дебютанты, включая Марека Хласко и Влодзимежа Одоевского. С 1964 г. Неверли был председателем Варшавского отделения Союза писателей; в это трудное для литературы время он стремился защищать независимость писателей и выступал против крупных и мелких гонений, которыми власть осыпала непокорных. Как автор «Дневника с «Целлюлозы»» он по-прежнему пользовался довольно терпимым отношением власти. Однако это продолжалось недолго. Он согласился, чтобы на следующих выборах в Союзе писателей его кандидатуру — как доверенного лица оппозиционных кругов — выдвинули на пост председателя. Под конец жизни он отошел от публичной жизни и поселился отшельником в своих любимых окрестностях Мазурских озер, где мог жить в согласии с окружающей природой и писать самую лучшую из своих книг — автобиографическую «Осталось от пира богов» (в русском переводе — «В минуты роковые»). Умер Неверли 19 октября 1987 года. В его юбилей Национальная библиотека открыла выставку «Живая связь. Сто лет со дня рождения Игоря Неверли», иллюстрирующую этапы его жизни, и одновременно — этапы истории.

Янина Куманецкая

операция на почке?! Но доктор Фришман утверждал, что иного выхода нет, и обещал приготовить маме место в своей больнице на Гроховской улице.

Родители посоветовались с нашим другом, доктором Романом Енджеевским, который тут же прибежал из своей больницы на улице Фелинского. Он специализировался в полостной хирургии и тесно сотрудничал со знакомым нам еще со времен оккупации хирургом Трояновским. Енджеевский был врачом по призванию и медицину рассматривал как общественную миссию. Прежде чем пойти на медицинский, он закончил отделение польского языка и литературы филологического факультета. Он обладал обширными медицинскими познаниями и уже начал специализироваться, а со временем стал известным институтским преподавателем и автором учебника по хирургии. Он подтвердил диагноз Фришмана, сказал, что на него можно полагаться. Он врач во втором поколении: его отец, старый Фришман, был до войны известным урологом, и молодой — тоже хороший врач. Блокада почки угрожает отравлением и гангреной всего организма. Папе в детстве из-за гангрены трижды ампутировали ногу, и это страшное слово его убедило.

Выхода не было, и мы отвезли маму в больницу на Прагу [правобережный район Варшавы].

Больница доктора Фришмана была на Гроховской — это та же самая, куда много лет спустя я возил к доктору Беловой свою собаку Губерта: теперь там ветеринарная клиника Медицинской академии, а тогда лечили людей.

Снимок показал, что камень прочно закупорил почку, не движется и убрать его можно только хирургическим путем. Доктор Фришман успокаивал нас, говорил, что операция эта несложная, он такие делает часто и опасаться совершенно нечего. После довольно продолжительной подготовки он приступил к делу.

Мы с отцом ждали в больничном коридоре. Операция затягивалась, и мы постепенно стали волноваться. Доктор говорил, что все продлится не больше часа, но уже прошли целых два, а он все не выходил из операционной. Отец курил сигарету за сигаретой, по обыкновению вышагивал своей шаткой походкой, с одной рукой в кармане, взад и вперед по коридору. После без малого трех часов появился в своем халате доктор Фришман, сильно вспотевший и мрачнее обычного. Он беспомощно развел руками и сообщил, что камень совершенно разрушил почку, та давно уже не действовала и пришлось ее удалить. При этом он клялся, что это вовсе не рак, не злокачественная опухоль, и мама с одной почкой может жить еще долго. Маме он просил пока ничего не рассказывать: он ее сам постепенно подготовит.

Мы с отцом были этой новостью потрясены. Человек с одной почкой казался нам тяжелобольным, полным инвалидом. В моем представлении это был смертный приговор маме, и я с ужасом думал, что она с этой одной почкой скоро умрет, и как тогда мне бедному без нее? Я не мыслил себе жизни без моего Литашека, хотя часто ему досаждал и доставлял неприятности. Нас неразрывно связали общие испытания времен войны, восстания и изгнания. Отношения с отцом были совсем другие. Я его глубоко уважал, но никогда не позволял себе с ним такой искренности и свободы, как с мамой. Без нее я чувствовал себя настоящим сиротой.

Мы с отцом ждали, пока мама проснется после наркоза. И я с облегчением вздохнул, зайдя в палату и увидев ее в постели: хоть очень бледная, но жива и говорит со мной. Она лежала со своими толстыми косами

на белой подушке и то и дело просила воды: у нее потрескались губы и пересохло в горле. А на следующий день, очевидно, догадавшись по выражению моего лица, что с операцией что-то не в порядке, спросила:

— Сынок, скажи честно, врач вырезал мне почку?

— Да ты что! — возразил я. — Только камень, Литашек...

— Я знаю, что ты не умеешь врать, и по глазам вижу, что осталась без почки, — мама настаивала все больше. Я принялся ее утешать, но чем больше утешал, тем ясней становилось, что этой самой почки уже нет. В конце концов я сдался и рассказал правду. Мама разрыдалась, и мне никак не удавалось ее успокоить. Потом пришел задержавшийся в редакции отец и, увидев мамино отчаяние, ужасно разозлился на меня за то, что я так глупо проболтался.

— Какой же ты сын! — ругал он меня, когда мы возвращались из больницы. — Уж больше ты маму напугать не мог. Теперь она сходит с ума и строит самые страшные предположения. Знаешь же, как она любит расстраиваться про запас. А после такой операции это ей не может не повредить. Но теперь уж ничего не поделаешь. Черт возьми, — и он беспомощно почесывал голову.

Я чувствовал себя преступником и страшно злился на свою откровенную физиономию.

— Да, заварил ты кашу. Теперь, чтоб поставить ее на ноги, нам придется потрудиться.

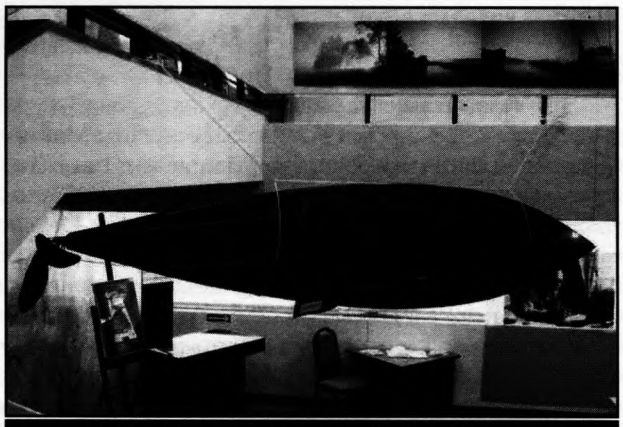
И он трудился. Придя в следующий раз в больницу, крикнул с порога:

— Ну, Басенька! Готовься к байдарочному походу! Я разработал отличный маршрут...

— Ты прекрасно знаешь, что я калека. Доктор запретил байдарку, — ответила мама, нервно подергивая косу...

— Да брось, чепуха это! Ты еще нашему пацану сестренку преподнесешь...

— Ох, Ежи, Ежи, твой оптимизм порою просто обезоруживает. Как женщина я уже никуда не гожусь, — мама снова заплакала. Папа, поняв, что с оптимизмом хватил через край, принялся искать новые доводы. Он без устали напоминал маме их совместные приключения и уверял, что у них еще все впереди. И так увлекся утешением мамы, что в один прекрасный день гордо заявил:



Байдарка, изготовленная Игорем Неверли

— Басенька, я начал писать...

— Быть не может! Неужели?! — мама даже подвинулась на подушке.

— В самом деле, — папа подмигнул мне.

— Серьезно, Ежи?! Не верю! Ты выдумываешь...

— Ярек — свидетель. Я как раз закончил первую главу. Теперь у тебя нет выхода. Придется встать и отнести ее на радио! Вот так-то, — и он состроил рожу.

— Ну наконец-то, Ежи! Боже, как я рада! Ты не мог мне сделать более радостного сюрприза, — мама вся изменилась в лице.

До своей болезни она уговорила папу послать старый, написанный еще до войны и нигде не печатавшийся рассказ о его байдарочных приключениях на конкурс современного рассказа, объявленный Польским радиокомитетом. Папа переработал текст, дал новое название и отправил. И неожиданно его «Народной колядке» присудили третью премию. Вскоре плоды этого конкурса с предисловием Ежи Панского, члена жюри, в состав которого входили Тадеуш Бреза, Ежи Кречмар, Кароль Курылюк и Иероним Эдвард Михальский, были напечатаны в Кракове (в 1948 г.) в книге «Семнадцать рассказов» — девятом томе сборников Радиокомитета. Среди лауреатов конкурса кроме отца оказались такие писатели, как Ружа Островская, Ян Курчаб, Ежи Пытляковский и Станислав Выгодский.

Успех «Народной колядки» взбодрил папу. Его результаты дали о себе знать и на радио. Заведующая отделом передач для детей и молодежи, знавшая, что он сидел в Майданеке и Освенциме и хорошо владеет пером, предложила ему написать что-нибудь для радио. Две-три передачи, которые бы заинтересовали молодежь и познакомили ее с его лагерным прошлым. Мама прибежала к нему с этой идеей и страшно его уговаривала. Папа колебался, но в конце концов обещал попробовать. И теперь, чтобы доставить маме удовольствие, сочинил первую передачу. Бегство в писательство было для него своего рода терапией, отрывавшей от мрачных мыслей,

связанных с маминой болезнью. Я видел, как, склонившись над письменным столом, вытянув ногу с протезом и куря сигарету за сигаретой, он сам себе улыбается, витая в облаках далеко от меня. Скорчив гримасу, что-то сосредоточенно стенографирует на листке бумаги. Потом встает, подходит к пишущей машинке и долго стучит по клавишам. И внезапно из этого листка получаются две страницы машинописи.

Мама постепенно привыкала к мысли, что ей придется жить с одной почкой. Доктор Фришман заверял ее, что у него есть пациенты, которые после такой операции живут двадцать и больше лет. Надо только соблюдать диету, избегать солей и каждый год ездить на воды промывать почку, потому что у нее есть тенденция к накоплению углекислот в организме и образованию камней. Со временем оставшаяся почка разрастется, возьмет на себя функции второй и станет работать за две. Так что для отчаяния нет никаких причин.

Потом я много раз ездил на велосипеде к доктору Фришману за разными рецептами для мамы. Он жил на Каровой улице, в старой мрачной квартире с большой приемной. Мне приходилось со своим велосипедом втискиваться в лифт. Однажды, увидев меня с велосипедом, Фришман даже улыбнулся и погладил меня по голове, говоря, что я хороший сын, если готов ради мамы колесить к нему из Жолибожа. Потом мама объяснила мне, почему он всегда печален. Во время войны в варшавском гетто у него погибли жена и двое детей. С тех пор он иногда по часу просиживал за письменным столом, подпирая голову рукой и молча вглядываясь в стоявшие перед ним их фотографии. С тех пор я стал к нему относиться иначе. Прошла у меня и подсознательная обида за то, что он лишил маму почки.

Мама после операции еще довольно долго лежала в больнице, потом уехала в санаторий, а мы с отцом хозяйничали дома одни.

Это было для меня на редкость трудное время. К переживаниям, связанным с операцией, прибавились другие явления, которых я не мог себе объяснить. Моя прежде мягкая грудь странно набухла и затвердела. Соски стали как две пуговки, которые при нажатии ужасно болели. На своем лонном бугорке я обнаружил первые волосы. При этом в школе у меня все шло из рук вон плохо. Я никак не мог сосредоточиться, сидел рассеянный и в первую четверть схватил две двойки. По математике, разумеется, да еще по географии. Даже на контрольных по польскому я делал такие ошибки, что преподавательница снижала мне отметки до тройки. Единственным утешением были домашние сочинения. Меня очень взволновала новелла Сенкевича «Янко-музыкант», и под влиянием этих переживаний я написал о нем целый рассказ. Я прочитал его отцу, который меня похвалил, потом маме в больнице тоже очень понравилось. В школе я прочитал свое сочинение перед всем классом и получил пятерку. Этот Янко-музыкант, несчастный, как и я, немного меня утешил. Когда я рассказал маме о странных пуговках на груди и неприятностях в школе, заодно подсунув ей на подпись мой дневник с парой двоек за четверть, она сразу поняла, в чем дело, и объяснила, что у меня наступил сложный период созревания:

— Твой организм резко меняется. У тебя станет ниже голос, придет мутация, и ты станешь мужчиной, как папа. Для мальчишек это всегда трудное время, так что не переживай из-за этих двоек, ты их наверняка исправишь. Только тебе надо взять себя в руки и побольше заниматься. Тем более что я не буду жить вечно и ты не можешь себе позволить остаться на второй год...

Эти мамины мрачные пророчества всегда приводили меня в отчаяние. Я представить себе не мог, что они когда-нибудь могут исполниться.

Первых четыре отрывка папиных лагерных воспоминаний на радио встретили с энтузиазмом. Редакция их утвердила и направила на исполнение. Родители хотели, чтобы их читал Генрик Ладош, но он потребовал такой гонорар, что радио от него отказалось. Потом Ладош объяснял маме:=

— Я очень люблю твоего Ежика, дорогая Бася, но эти сволочи в радиокомитете предложили мне за каждый отрывок столько, что, если взять такси, не останется и на пучок редиски. Пришлось бы приплачивать из собственного кармана. В конце концов, знаменитый радиодядюшка Генрик Ладош не может пойти на такое унижение. Надеюсь, ты меня понимаешь и не обижаешься.

На радио предложили читать еще довоенному диктору Збигневу Свентоховскому, заверяя, что он справится с текстом не хуже Ладоша. Приемника у нас дома не было, папа поехал в магазин и по совету нашего соседа с первого этажа, инженера Липского, купил большой приемник марки «Ага». Это было для меня большим событием. Наш довоенный, конфискованный немцами приемник я едва помнил. «Ага» казалась мне вершиной радиотехники. У нее были огромные ручки и большая светящаяся шкала. Можно было ловить много станций, а раз в неделю слушать папину передачу. Жизнь дома стала намного веселее. Добавились красивые тексты, музыка, песни.

Папа не придумал общего названия для этих четырех передач. У каждой было свое. А подписать их как автор он решил двойной фамилией — собственной и девичьей фамилией своей мамы. Итак диктор объявил:

— Дорогие радиослушатели, сейчас мы услышим первый отрывок лагерных воспоминаний Игоря Абрамова-Неверли под названием «Кусок сахара». У микрофона Збигнев Свентоховский.

У Свентоховского был теплый, приятный голос, читал он непринужденно и сразу нам понравился. Мы так к нему привыкли, что потом не могли себе представить никого другого на его месте. Он свободно перевоплощался во всех действующих лиц.

Эти четыре передачи так понравились, что в редакции отца попросили писать продолжение, не ограничивая числа передач. Пусть пишет сколько захочет, лишь бы это было так же интересно, как первые отрывки. Папа, с одной стороны, обрадовался, а с другой — впал в панику. Текст передавали по радио, и прерывать его было нельзя. Раз в неделю обязательно. В общем — с ножом к горлу. Свентоховский непрерывно его понукал, и отец опережал его на один отрывок, а то и шел с ним в ногу. Писал по ночам, чтобы справиться с задачей. Когда ему удалось опередить Свентоховского на два отрывка, он был так счастлив, что устроил себе передышку. Но работа эта доставляла ему удовольствие. Текст разрастался, новых отрывков становилось все больше. У всех были волнующие заголовки: «Кичкайло делает карьеру», «Решающая встреча», «Как Иська обманула Августов» или «Первая ночь под унылым мелким дождиком» — как подобает классическому роману с продолжением.

Это уже не были лагерные воспоминания, которые ему заказали.

Папа дал разгуляться воображению и использовал свой природный дар сказителя. Не зря его сказки с продолжением я всегда слушал, затаив дыхание. По сей день их помню не только я, но и Кристина Бжезинская, которой он тоже рассказывал эти сказки. Папа вернулся к своему детству в Беловежской пуще и кроме подлинных действующих лиц ввел вымышленных, таких, как Кичкайло. Впрочем, Кичкайло не совсем придуман. Династии Кичкайло отвеку жили в Беловежской пуще — в Будах, Беловеже и Хайнувке. И папин Кичкайло пел ту самую украинскую песню, которую я знал от дяди Вани: «Ковалю, ковалю, скуй ты мени лялю, и с ручками и с ножками, то я похитаю».

Главного героя — доктора Вову, Владимира Дегтярева, друга отца по Майданеку, — он на всякий случай назвал Владимиром Дергачевым. Он знал, что Сталин считал военнопленных изменниками и жестоко наказывал их по возвращении в СССР. Отец не хотел оказать приятелю медвежью услугу.

Вот так и случилось, что в самый тяжелый для него период, во время болезни мамы, отец, вернувшись из редакции «Мира приключений», садился за письменный стол и по ночам писал очередные отрывки. Разделавшись с последней передачей, он позвал меня в комнату и сказал:

— Ну, сынок! Твой папка наконец поставил точку. Интересно, как тебе понравится последний отрывок, — и стал мне его читать. Заключительные фразы звучали:

«— И пусть донесется туда мой голос, напиши, Владимир Лукич! Я говорю, как есть, мои дорогие, — не знаю. Знаю только, что, проходя мимо меня в плотной колонне, он сорвал с головы полосатый берет, помахал мне на прощанье рукой, крикнул: „Бывай, Игорь!» — и зашагал дальше, за неведомые горы, за мутные реки, юношеским шагом, с безмятежным и смелым лицом, — беспокойный веснушчатый парень».

Я был не очень доволен тем, что этот герой веснушчатый. И вдобавок лицо безмятежное. Папа явно намекал на мои злосчастные веснушки. Но я промолчал.

Вскоре этим радиороманом отца заинтересовалось издательство «Чительник» и предложило выпустить его книгой. Папа внимательно перечитал текст. К нам начал приходить редактор из «Чительника», живший неподалеку от нас Мариан Топоровский, дочь которого, Оля, училась в нашей школе, а жена работала в библиотеке. Мариан Топоровский был известным в довоенное время русистом. В те годы Юлиан Тувим объявил в узком кругу конкурс на лучший перевод непереводимого, по его мнению, стихотворения Пушкина *«У лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том...»* [здесь и далее курсивом — по-русски в тексте] — папа, кстати, не раз с удовольствием читал мне эти стихи, наслаждаясь музыкой слов. Топоровский так сумел это перевести, что занял первое место среди всех приглашенных Тувимом поэтов и переводчиков. Он производил на нас впечатление своей образованностью и отменным литературным вкусом. Как редактор он был для отца неоценим, тот прислушался ко многим его замечаниям, внес изменения и поправки.

Отец окончательно отказался от своей фамилии Абрамов. В этом таилась немалая доля страха. С русской фамилией он чувствовал себя в безопасности среди своих жолибожских друзей. С выходом же книги такие детали становились достоянием гласности, а при его биографии над ним постоянно висела угроза высылки в СССР. Помню, как испугались родители, когда объявился какой-то Абрамов из Лодзи, утверждая, что был знаком с отцом в России, что они родственники и обязательно должны повидаться. Но он не сумел назвать ни одного имени

папиных родных, не знал, кто такая Хеленка. Отец заподозрил провокацию и от встречи отказался. Он был осторожен и предпочел *на всякий пожарный случай* подписаться девичьей фамилией своей матери. Так, по его мнению, было безопаснее. Правда, фамилия звучала по-иностранному, походила на английскую, но по крайней мере никак не ассоциировалась с Россией и довоенной средой белоэмигрантов. На самом деле это чешская фамилия Неврли, которую мой дедушка в России расширил и переделал в Неверли, что поистине звучало как Беверли. Вскоре откликнулись папины родственники, но не из Москвы, а из Праги. Одного Неврли даже звали Ярослав. Но эти родственники были намного безопаснее.

Итак, папа озаглавил свой книжный дебют «Парень из Сальских степей» и подписался Игорь Неверли.

В 1948 году книга с обложкой, оформленной Константином Сопоцько, вышла в издательстве «Чительнию» — и изменила жизнь отца.

Она сразу стала бестселлером, привлекая внимание как критиков, так и читателей. Уже осенью она была выдвинута на премию столичного града Варшавы, соперничая с книгой известной довоенной писательницы Эвы Шельбург-Зарембины. Отмечая этот факт, мой любимый журнал «Пшекруй» написал:

«Этот известный автор со странным именем и фамилией Игорь Неверли написал необычайно интересную повесть для молодежи».

Премию получила Эва Шельбург-Зарембина, но папу на основании одной этой книги приняли в Союз польских писателей. Он был здесь совершенным новичком. Ему были знакомы только произведения знаменитых довоенных писателей: Стаффа, Слонимского, Тувима, Броневского, Налковской, Домбровской, Коссак-Щуцкой, Ивашкевича, — и вдруг он стал их коллегой по союзу. Он не знал никого из них, и они его не знали. Он пришел в Союз писателей прямо из производственного института при Товариществе помощи детям и из «Мира приключений». Во всем варшавском отделении СПП он знал только Марию Ковнацкую, Янину Поразинскую и Ханну Янушевскую, детских писательниц, с которыми его познакомила мама в «Бае» и Театре варшавских детей. Знал он также писателей из кругов белой эмиграции. До войны он был хорошо знаком с Ежи Бандровским, младшим братом Кадена-Бандровского, тоже писателем, но не такого высокого полета, и то потому, что еще холостяком был влюблен в его приятельницу, русскую красавицу Мусю, которая, однако, в Варшаве не сумела найти себя, стала наркоманкой, алкоголичкой и в конце концов покончила с собой. Говоря об эмигрантах, он упоминал Льва Кальтенберга и поэта Евгения Морского, чьи стихи папа любил и оценивал высоко. Но Женя Морский, как он его называл, жил теперь в Познани, Бандровского не было в живых, и единственным знакомым папе довоенным писателем в Доме литераторов на Краковском предместье был «малый пророк» Важик, но тот в свою очередь отца не узнавал. Конечно, папа знал «мужика с копытами», поэта Александра Малишевского, жившего в нашем дворе в 16-м подъезде, и думаю, что он вместе с редактором Марианом Топоровским и ввел отца в СПП.

Папе было 45 лет, когда он начинал жизнь профессионального литератора.

Тот «беспокойный веснушчатый парень» полностью изменил судьбу не только его, но и его героя.

Несколько лет спустя книгу перевела на русский язык Зинаида Шаталова, а отрывок из нее опубликовал популярный журнал «Огонек». Узнав от отца подлинную фамилию героя книги, Шаталова упорно принялась искать его и наконец нашла в Новочеркасске. Папа не ошибся. Его друг по Майданеку Владимир Дегтярев, правда, не сидел, как другие пленные красноармейцы, но был в полнейшей немилости. Его исключили из партии, и он прозябал на жалкой должности санитара в провинциальной ветеринарной лечебнице. Словно в ссылке, ему было запрещено покидать место проживания.

После появления статьи Шаталовой, извещавшей читателей «Огонька», что удалось найти героя известной повести польского писателя Игоря Неверли и что это советский гражданин Владимир Дегтярев, судьба его в одночасье изменилась, как в сказке. Из ссыльного он превратился в героя не только одного романа, но всего Советского Союза. Он попал в пантеон «героев Великой Отечественной войны», таких, как Александр Матросов, Олег Кошевой, Зоя Космодемьянская...

И в Польше, куда он приехал в 1957 г., чтобы посетить места, описанные в «Парне из Сальских степей», его встречали как героя. За ним повсюду ездили операторы Польской кинохроники. Он был живым примером польско-советской дружбы, причем самой подлинной. Когда крестьяне из белостоцких деревень встречали своего русского врача Вову, они не прикидывались. Они действительно плакали, и он тоже.

Владимир Дегтярев никогда не ожидал в своем далеком Новочеркасске, что ему еще когда-нибудь доведется побывать в Польше.

Это была, пожалуй, самая удивительная сказка за неведомыми горами и мутными реками, какую моему отцу удалось сочинить за письменным столом.

Марта Микель
Изабелла Польковская

О МУЗАХ, СВЯТЫХ И РЕШЕТНИКАХ

На Билгорайщине

Для крупномасштабной акции в области искусства все начиналось совершенно нетипично — с дачного участка и бассейна. Сегодня семейный фонд Шмидтов представляет собой настоящий центр культуры, за который не было бы стыдно, скажем, Кракову или Варшаве.

В самом центре Билгорайщины собираются люди искусства, чтобы поделиться своим талантом с другими.

Семь лет тому назад Шмидты купили участок, сплошь заросший молодыми сосенками. Деревца были им едва по плечо, и лишь большая акация клонилась с высоты, словно годы тянули ее к земле. Под ней и поставили избушку. Старую, найденную в одной из билгорайских деревень, где она доживала свой век. «Здесь было так красиво», — говорят хозяева. И вот, когда сидели они как-то вечером на завалинке своей новой, но уже весьма старенькой избушки, пришла им в голову одна идея. А что если в этот простой сельский пейзаж вписать настоящий бассейн? И через год появился бассейн. А что если поделиться этой дачей с друзьями? И тут же в Наджече съехались художник Ежи Дуда-Грач, оперный певец Веслав Охман, стал приходить в гости поселившийся по соседству Антоний Фалат.

— А что если пригласить и других людей искусства, чтобы они вместе писали картины, музицировали, пели? — продолжает Стефан Шмидт рассказ о том, как начинался фонд «Кресы-2000».

ИЗ САЛОНОВ — В ЛЕС

Дача в Наджече должна была стать его счастливым островком для творческой работы. Он взялся построить мастерскую художника. Стены из известного юзефовского светлого камня были уже возведены, когда бывавшие в Наджече художники, те, что пишут в традиционной, Богом данной манере, договорились и решили, что надо создать семейный фонд Шмидтов. И сами стали первыми его добровольными участниками. «Каждый подарит по одной картине, а я их продам на аукционе в Нью-Йорке», — распорядился Веслав Охман, сам художник-любитель.

На полученные деньги завершили отделку мастерской. К живописи присоединились слово и звук. Мастерская Стефана Шмидта превратилась, как записано в уставе фонда «Кресы-2000», в «дом на службе польскому искусству слова, музыки и живописи».

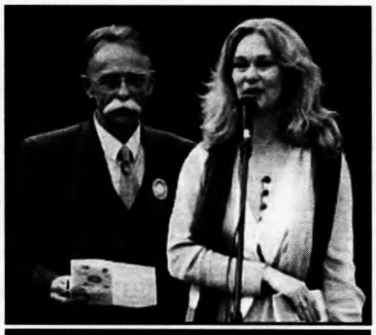
РАЧИТЕЛЬНЫЙ ХОЗЯИН-БАРИН С БАРЫНЕЙ-БЛАГОДЕТЕЛЬНИЦЕЙ

Кто же они такие, те, с кого все это так хорошо началось? Стефан Шмидт и его жена Алиция Яхевич — прежде всего актеры Театра Польского.

Их часто можно видеть и на телеэкране. Они обожают искусство, особенно живопись. Их сердцам близки и «кресы» [восточные окраины Польши, в том числе и в довоенных границах] — корни обоих из этих мест. У Алиции — с Виленщины, а у Стефана корни прямо здесь, он родом с Замойщины. Род Стефана тесно связан с Замойским майоратом. Родители — из Билгорая. Хорошие врачи, общественники, их вспоминают и по сей день.

И вот Стефан вернулся в свою родную сторону, чтобы продолжать благородное дело, начатое его родителями, но не со стетоскопом в руке, а по-своему, с Музами об руку.

Довольно часто получается так, что деятельность супругов Шмидт носит чисто благотворительный характер. Как с этим казахстанским художником. Пан Хиларий — поляк по происхождению, родители — насильственные переселенцы, лагерники. После долгих лет, проведенных в изгнании, он вернулся на родину. Не такой ожидал он ее увидеть — неприступной, враждебной, огородившей себя от него, поляка из Казахстана, валом бесчеловечных законов. «Однако земляки вознаградили меня сторицей за все перипетии, причиной которых стали бездушные чиновники», — говорит пан Хиларий. Здесь, у семьи Шмидтов, нашел он спокойную гавань, пусть временную, хотя бы на несколько месяцев. И ему уже удалось отплатить за все хорошее, что получил он от судьбы. Пан Хиларий стал учителем 13-летнего мальчика, которого он обучил трудному искусству владения кистью. «Это были самые чудесные каникулы в моей жизни», — говорит Бартек и показывает восемь картин, результат двухнедельной работы на пленэре вместе с паном Хиларием.


Супруги Шмидт

ТВОРЧЕСКИЙ СЕЗОН

С мая и до осени в Наджече творится что-то необыкновенное. Служебный дом фонда бывает и галереей, и театром, и концертным залом, а когда потребуется, то и гостиницей. Свои картины экспонируют там и художники с мировым именем, и дети, отмеченные премиями на региональном конкурсе. А на двери, отделяющей сцену от маленькой комнатки, которая служит гримерной, видны подписи Иоанны Щепковской, Войцеха Семена и артисток самодеятельного ансамбля из Руды-Сольской, который исполнил тут свое «Поют куры, поют». Зрительный зал заполняют жители Наджеча и те, кого знают по телепередачам. «Для меня все одинаково важны, хотя приезжие должны иметь приглашения. У жителей Наджеча пропуск постоянный, бесплатный, разумеется», — смеется Стефан Шмидт. Они не предполагали, что население Розточа (так называется вся эта местность) будет интересоваться искусством. До центров культуры отсюда далеко, большинство никогда не бывало в настоящем театре. Быть может, именно поэтому у них необычайно свежий взгляд на творчество — чужое и свое, ведь среди них много артистов и художников.

Супруги Шмидт привозят в Наджече искусство, но только самой высокой пробы. Они хотят также показать всему миру, что Розточе — вовсе не культурная пустыня. В служебном доме высокое «приезжее» искусство встречается с местным, выросшим из народной традиции. Удивительно, но встреча этих двух столь отличных друг от друга миров, которые, казалось бы, совершенно не сочетаются друг с другом, происходит естественно, как притяжение противоположностей. Исполнительницы народных песен плачут от волнения, слушая стихи Норвида, которые читает Тереса Будзиш-Кшижановская. Простым женщинам понятна та поэзия, над которой ломают головы литературоведы. Оперные арии в исполнении Веслава Охмана были, по мнению пани Каролины, солистки самодеятельного ансамбля, «прекрасны, но только мало на польском». Охман аплодировал песне «Поют куры, поют» без всяких оговорок. Все восторгались обрядовым театром из Буковой. Импровизированные спектакли не подражают профессиональному театру. В них представлен ритуал повседневных занятий, с их ритмом и определенными ролями для каждого из членов общины — квашение капусты, крещения, свадьбы. Со всей их — «как в жизни» — эмоциональностью, ссорами и весельем. Есть и более обычный театр, профессиональный, — с предварительными репетициями, гримированием и всеми необходимыми атрибутами. «Месть» А.Фредро шла с хозяевами в главных ролях. На спектакль собралось такое количество желающих, что служебный дом не мог их всех вместить. Пьесу играли целых шесть раз. Несколько раз спектакль шел на свежем воздухе. Стольничиха на встречу с Папкиным выходила прямо из настоящего леса.

ТАЙНА ФИГУРКИ ШЕСТИПАЛОГО СВЯТОГО

Стефан Шмидт еще не успел как следует осесть в Наджече, когда приключилась с ним одна история. Переломный момент в его здешнем существовании.

Уже смеркалось, когда в дверях возникли двое мужиков с топорами в руках. «Выйди-ка к нам, пан Стефан, на минутку», — позвали они заговорщицки. Стефан встал — у самого душа ушла в пятки — и пошел за своими таинственными проводниками. Со словами «Мы решили вам довериться» они повели его к разваливающейся придорожной часовенке. А там уже под защитой ночи начали рассказывать.

— В 50-60-х годах в эти места приезжали городские, вывозили все статуи из наших часовенок. Неизвестно, продавали или по домам растаскивали. Мы с соседом решили, что нашего не отдадим.

И топором они начали разбивать заднюю стенку часовни. Через некоторое время из стружек и других упаковочных материалов вытащили деревянную скульптуру Иисуса. Это был Иисус Скорбящий, которому художник по ошибке вырезал шесть пальцев.

— Его купил мой дедушка на ярмарке в Билгорае, — рассказывал пан Ян. — О том, что он все это время был тут, знал только я и мой сосед, с которым как-то ночью мы нашего Иисуса спрятали. Люди подумали, что его украли, как другие статуи. Вместо него поставили гипсовую Богоматерь.

— Основанием для скульптуры Иисуса служил небольшой цоколь, — вспоминает пан Стефан, — чья-то непривычная к письму рука вывела на нем: «Иисусе Милосердный, смилуйся над нами». Они хотели мне его подарить, но я не мог принять такой подарок. Я отвез скульптуру к знакомому, чтобы отреставрировать. Как оказалось, этого не требовалось, статуя была в идеальном состоянии, только цоколь под ней немного подгнил, но общими усилиями мы и с этим справились. Эта замечательная скульптура была сделана в 1906 году! Нельзя было просто так ее оставить. Вместе с женой мы решили, что этому произведению искусства полагается настоящая часовня. Этой идеей я увлек почти всех жителей Наджеча. Новую часовню надо было выстроить, как раньше строили кузницы, — деревянную, без поддерживающих балок, так, чтобы кузнец мог с конем управляться. Такие кузницы были только на Билгорайщине. Мужики дали бревна, я сделал проект и организовал рабочие руки. Только с плотником вышла трудность. И это в деревне, где люди на протяжении многих поколений жили за счет того, что умели плотничать. Оказалось, что теперь это ремесло вымерло. Пришлось привозить мастера из отдаленной деревни. Ему было семьдесят лет, но под его присмотром работа пошла споро. Ежи Дуда-Грач, услышав эту историю, решил тоже внести свой вклад и поучаствовать в этом мероприятии. Он подарил распятие, на перекладине которого укреплены живописные изображения святых его кисти. На следующий год он написал крестный путь. Двенадцать изображений лика Христа — страдания Господа, отражающиеся в его глазах, мимике, в крови, стекающей по лбу. Немногие сельские часовни могут похвастаться интерьером, украшенным такого класса живописью.

Теперь с часовней связана новая «таинственная» история. Земля, на которой она выстроена, принадлежит пану Яну. С той поры, как был завершен маленький храм, пан Ян ни капли алкоголя не выпил, а ведь всем было известно о его пристрастии к выпивке. Он стал настоящим хранителем часовни в Наджече. Ключ от нее всегда под его опекой. Как только заметит, что кто-то любуется часовней, так сразу же бежит, чтобы открыть ее и устроить «экскурсию» для гостя. «Вот такая чудесная перемена благодаря часовенке произошла в человеке», — смеется пан Стефан.

ПЕСНЯ РЕШЕТНИКОВ

— Розточе — такая земля, которая кажется особенно польской, — утверждает Ежи Дуда-Грач, влюбившийся в эти места с первого взгляда.

— Некогда Билгорайщина отличалась нигде больше не встречавшимся ремеслом изготовления решет, — рассказывает пан Стефан.

В Билгорае и был центр этого ремесла, все мужчины им занимались. Когда наступало лето, в городе оставались лишь женщины и дети. Кормильцы семей отправлялись продавать свои решета. Они даже выработали свой собственный язык, чтобы тайну изготовления решета никто не узнал. Но главная тайна этого ремесла заключается в особого сорта сосне, растущей только в этих местах. В ней почти не бывает сучьев, поэтому она прекрасно годится для того, чтобы обдирать луб (деревянные полосы). Из таких полос по всему Розточу ставили весьма характерные изгороди.

— Этакие плетеные заборы, — говорит пан Стефан. Он помнит их с детства. Когда он сюда переехал и нигде «своего забора» не увидел, то решил поставить такую изгородь в своем владении. — От ностальгии по нему и чтоб традицию сохранить.

И снова долгие поиски специалиста. К счастью, нашелся дедок, который не забыл, как надо ставить билгорайские изгороди. Их делают таким же способом, как плетут решето, только лубяные полосы должны быть подлиннее и посмолистее, чтобы изгородь долго выглядела как новенькая. Жители Наджеча подхватили идею, и плетеные изгороди начали вырастать, как грибы после дождя. Пан Стефан своими плетнями заинтересовал даже местную фирму, которая будет производить такие изгороди, только лубяные полосы будут не обдирать, как прежде, а резать — в духе времени.

Вот так благодаря Шмидту по всей Билгорайщине кипит культурная жизнь, а местные жители любовно возрождают казалось бы навсегда забытую традицию.

Томаш Ходана

БЫЛА ЛИ МОСКВА «ТРЕТЬИМ РИМОМ»?

Польские исследования древней Руси имеют долгую и славную традицию. Среди многочисленных публикаций, популяризирующих историю и культуру восточных славян, есть немало выдающихся трудов (своими достижениями могут похвалиться прежде всего историки и филологи). Недавно число ценных работ на эту тему пополнилось книгой политолога Кристины Хойницкой «Зарождение российской государственной доктрины. Софья Палеолог: между Византией, Римом и Москвой» (Краков, «Columbinum», 2001).

Кристина Хойницкая — профессор Ягеллонского университета, признанный специалист в области истории политических доктрин XIX и XX вв.; занималась социальным учением католической Церкви, зарекомендовала себя также как знаток русской проблематики, которой она посвятила книги «Личность и наследие Петра Великого в доктринальных спорах XIX века о месте и будущем России в Европе» и «Литературная генеалогия русской интеллигенции»; принимает активное участие в создании русско-польско-английского энциклопедического словаря «Идеи в России» под редакцией Анджея де Лазари.

Последняя книга Хойницкой посвящена важной и в то же время загадочной личности византийской принцессы Софьи Палеолог. Книга вписывается в круг исследований широко понимаемого византийского влияния на Руси. Исследователи этой проблемы обращают особое внимание на XV и XVI вв., т.е. на период динамичного развития Московского государства, когда закладывались основы будущего могущества России. Согласно сложившейся историографической традиции, одной из главных героинь происходивших в то время перемен и была Софья Палеолог, которая через брак с великим князем Иваном III (1472) должна была передать Москве имперское наследие гибнущего Константинополя.

На основе анализа судеб Софьи, а также ее позиции и значения при великокняжеском дворе автор пытается выяснить отношение московских верхов к модели государственной власти, характерной для Восточной империи. Отвергая классическую схему translatio imperii, в которой Москва, православный «третий Рим», рассматривается в качестве непосредственной преемницы Византии, Хойницкая пытается доказать, что русские властители не желали подражать греческим образцам, а во внешней политике опирались на связи с западным миром. Автор заново интерпретирует мифы и символы крепнущего государства, убеждая читателя, что вопреки сложившемуся мнению русская политическая мысль XV и XVI вв. была лишена религиозного мистицизма и, хотя базировалась на отечественной мифологии, носила прагматический и чисто светский характер. Наконец, на основании интерпретации идейного содержания соответствующих источников она воссоздает московскую государственную доктрину.

Хойницкая осознаёт, что стоящая перед ней задача «трудна и неблагодарна». Это действительно так, ибо взгляд на историю, с которым она полемизирует, прочно укоренился в мышлении о России и догматически дублируется в работах по русской истории, культуре и литературе. Поэтому автор книги не рассчитывает на восторженный прием своих концепций и сама напоминает во вступительной главе, что «устоявшиеся исторические схемы не сдаются без боя, а люди, проникшиеся ими, неохотно от них отказываются». Она обещает, что полемика с общепринятым мнением о ключевой роли Софьи в процессе перенесения на Русь византийского наследия будет подкреплена не только анализом первоисточников, но и критическим представлением литературы предмета по меньшей мере за два последних века. Благодаря этому чтение книги может стать удобным случаем, чтобы «проследить пути развития некоторых историографических схем и мифов».

Осуществление этих смелых намерений Хойницкая начинает с представления исторической панорамы Москвы XV века. Особое внимание она уделяет личности Ивана III, первого московского великого князя, который сознательно стремился к построению централизованного государства: в период его правления Великое княжество Московское расширило свои владения в 12 раз, успешно устраняя всех претендентов на господство над Русью, а местная Церковь обрела независимость от Константинопольского патриархата и активно поддержала действия князя. Жители Европы постепенно осознавали территориальную мощь Москвы, однако, как подчеркивает автор, во времена Ивана III сведения об этой стране и царивших в ней порядках были еще весьма смутными.

Хойницкая утверждает, что на базе доступных источников невозможно говорить, будто Москва следовала византийскому образцу государственного устройства. Она ссылается также на недвусмысленное мнение Ричарда Пайпса, отвергающего возможность такой зависимости ввиду отсутствия «прямых дипломатических и торговых

контактов с Константинополем». Здесь, однако, стоит отметить, что совершенно иначе интерпретирует эту проблему выдающийся славист Борис Успенский, автор замечательных трудов по семиотике культуры, в т.ч. посвященных доктрине «Москва — третий Рим». Подчеркивая факт отсутствия контактов между Москвой и Византией после падения Константинополя, он отнюдь не отрицает византийского происхождения московской модели власти. Успенский напоминает, что на Русь попали греческие тексты, а вместе с ними и ритуалы, связанные с определенной концепцией государства. Однако из-за утраты непосредственных контактов византийская модель получила на московской почве совершенно новое истолкование.

Обращение к фигуре Софьи представляет собой попытку ответить на вопрос, могла ли она быть связующим звеном между Русью и Византией. Мы узнаём, что дочь Фомы Палеолога, племянница последних императоров (Иоанна VIII и Константина XI), начиная с 1465 г. пребывала вместе со своими четырьмя братьями в Риме, где сменявшие друг друга Папы относились к ней как к «возлюбленной дочери римской Церкви». Рим видел в ней не только горячую сторонницу подчинения православной Церкви папству, но и будущую исполнительницу постановлений Флорентийской унии, которая должна была положить конец разрыву между православием и католичеством. Хойницкая подчеркивает, что до вступления в брак с Иваном III Софья по крайней мере семь лет воспитывалась в духе католической веры, а также в кругу западной культуры и нравов. Ей кажется маловероятным, чтобы принцесса могла как следует изучить церемониал и обычаи византийского двора, которые, по мнению многих комментаторов, она якобы впоследствии привила на своей новой родине. Описывая историю неудавшихся брачных проектов, возникших в среде римских опекунов Софьи, Хойницкая напоминает, что для Рюриковичей брачные узы с правящими династиями Восточной империи были отнюдь не в новинку. Далее она высказывает мнение, что гораздо больше в этом браке были заинтересованы Папы, на что дополнительно указывают геополитические соображения (в т.ч. желание Рима вовлечь Москву в антитурецкую коалицию).

Очень любопытно, хотя, пожалуй, слишком кратко описывается в книге происхождение и развитие «легенды Софьи» в русской историографии. Ее создателем Хойницкая считает Карамзина, первым подчеркнувшего личную роль принцессы в развитии государства. Брак Ивана III с членом императорского дома должен был стать для князя и его потомков бесспорным знаком наследования прав и титулов, принадлежавших ранее владыкам Константинополя. По Карамзину, под влиянием Софьи изменился также облик московского двора и его церемоний, а официальным гербом Московии стал византийский двуглавый орел. Польская исследовательница упрекает интерпретацию Карамзина в том, что она основана на заранее принятом тезисе и часто выходит за рамки доступных источников. Кроме того она доказывает, что русский историк смотрит на прошлое сквозь призму имперской идеологии и политических притязаний России XIX века. Наконец, она констатирует, что некритическое заимствование взглядов Карамзина другими авторитетными учеными (во главе с Сергеем Соловьевым и Николаем Костомаровым) закрепило эти взгляды в общественном сознании до такой степени, что работы, отвергавшие схематический подход к личности Софьи, оставались практически незамеченными.

Согласно концепции Москвы — третьего Рима, символом уготованной самим Провидением передачи Руси прерогатив Византийской империи стало «приданое» Софьи — императорский герб и титул. Проведенный в книге анализ показывает, что вопрос этот гораздо более сложен. Иван III довольствовался титулом великого князя или самодержца. В единичных случаях он пользовался царским титулом в официальных письмах, но лишь в переписке с более слабыми странами. В споре о титуле государя всея Руси, который он вел, в частности, с великим князем литовским, Иван III ссылался на традиционное господство над русскими землями его пращуров. Хойницкая подчеркивает, что впоследствии «аргумент исконного господства русской династии» многократно повторялся в подобных полемиках наследников Ивана и должен был убеждать оппонентов, что права Москвы на царский титул не зависят от «уз с другими мировыми державами (в особенности с Византией), за исключением державы (...) имеющей значение исключительно в сфере мифа и символа, — Рима Октавиана Августа».

Спорен и вопрос о значении двуглавого орла. Ученые не могут прийти к согласию даже относительно того, какова была его функция в самой Византии. Разные специалисты считают его то знаком императорской власти, то разновидностью государственного герба, то гербом династии Палеологов, то просто декоративным элементом. На Руси он, вне всякого сомнения, появился не с Софьей — его знали еще во времена Ярослава Мудрого. Автор приводит также знаменательное высказывание Ивана Грозного, который приписал этот знак латинской традиции, связывая его с мифической генеалогией московских князей: «А римская печать нам также не чужда: мы ведем род от Августа кесаря».

Больше света на затронутые в книге проблемы проливает анализ роли, которую играла Софья в Московском государстве. Оказывается, вопреки мнению, господствующему в научной литературе, княгиня не оказывала особого влияния на политику мужа. Она не выступала ни с какими самостоятельными инициативами (хотя могла

бы, например, использовать свое влияние, чтобы втянуть Ивана III в осуществление антитурецких замыслов папства и способствовать освобождению Константинополя) — «ее политическая роль была ничтожна, а символическая — в высшей степени ограничена». Автор показывает, что на международной арене княжеская чета не добивалась признания прав Москвы на византийское наследие. Для великого князя оно было по меньшей мере обременительно, так как могло быть связано с обязанностью сражаться с турками, — а ведь в православном мире господствовало мнение, что падение Византии было наказанием за вероотступничество. Отчасти это объясняет, почему Иван III не протестовал, когда старший брат Софьи Андрей Палеолог продавал королю Франции Карлу VIII право на корону Константинополя и раздавал на европейских дворах имперские титулы и привилегии.

Размышляя о мифах и символах Московского государства, К.Хойницкая уделяет особое внимание трактатам Филофея. По ее мнению, формулировка «третий Рим» родилась и долгое время функционировала исключительно в церковных кругах. Нет доказательств того, что она встретила одобрение московских князей и использовалась ими в создании государственной доктрины или обосновании внешней политики (как Иван III, так и его наследники интересовались захватом территорий, принадлежавших Польше и Литве, гораздо больше, чем мифическим наследием Константинополя). Хойницкая считает, что в данном случае произошла своего рода проекция современных взглядов на минувшие века. Она напоминает, что большинство классических трудов, популяризирующих мысль псковского монаха, были написаны в XIX столетии — в эпоху, когда убеждение, что Москва — окончательное воплощение вселенской монархии, стало основой антитурецкой и панславистской политики империи Романовых. Феномен необыкновенной живучести формулировки Филофея на Западе исследовательница связывает с фактом огромной популярности русской философии XIX в. среди европейской интеллигенции.

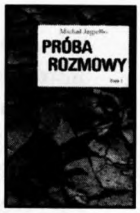
Книгу завершает анализ группы текстов, получивших название цикла «о потомках Августа и дарах Мономаха», которые, по мнению Хойницкой, решающим образом повлияли на форму светской государственной доктрины московского княжества в XV веке. Содержащиеся в них мифы должны были подчеркивать могущество, самостоятельность и извечность правящей династии. В рассказе о получении Владимиром Мономахом императорских регалий из Константинополя Русь представлена в качестве не преемницы, но равноправного партнера или даже конкурента Византии. Ссылающаяся на предания Римской империи легенда о происхождении Рюриковичей от брата императора Августа стала для московских князей источником убежденности в превосходстве их монархии над другими странами Европы и, как показывает автор, выполняла определенные функции во внешней политике. Во-первых, она служила обоснованием в споре с польско-литовским государством о землях, которые, по мнению Руси, были частью ее исторического наследия, во-вторых — главным аргументом в полемике о царском титуле Ивана Грозного. Ее часто использовали и в дипломатических интригах с целью дискредитировать монархов (великих князей литовских, королей Польши, Швеции или Англии), которые не могли похвастаться подобной родословной. Как констатирует Хойницкая: «В рациональной аргументации русская государственная мысль XV и XVI вв. ничуть не уступала новаторским по тем временам ренессансным образцам».

Итак, мы видим, что зарождению Московского государства может быть дано объяснение, далекое от мистического образа истории, к которой приучила нас историография XIX века. Надо сказать, что основные тезисы книги кажутся весьма убедительными, хотя некоторые решения могут вызвать определенные возражения. Например, сомнения возбуждает критерий отбора исследуемых источников: Хойницкая с самого начала оговаривается, что не претендует на представление «тех доктрин, которые возникли в церковных кругах и неоднократно ошибочно считались государственными».

Остается лишь пожелать, чтобы поучительная, интересная, а местами даже захватывающая книга нашла широкий отклик среди исследователей русской идеи, истории и культуры.

Петр Мицнер

ТРУДНО БЫТЬ КАТОЛИКОМ



Гениальный сочинитель афоризмов, поэт Станислав Ежи Лец утверждал, что амнезия — идеальное лекарство от ответственности. Быть может, польское католичество не углубляется в свою историю (особенно первой половины XX века) именно потому, что рядом со светлыми образами боится увидеть призраки национализма и расизма. Тщетны были бы попытки обнаружить серьезный анализ истории польской Церкви за этот период. Между тем эта история объясняет такие страшные события, как погромы во время немецкой оккупации или сразу после войны. Конечно, мы каемся в этом, но, по правде сказать, нам надо покаяться и в том, что подготовило почву для этого кошмара: в словах, исходивших из уст священников и епископов, в переполненной ненавистью католической прессе.

Анализу этой прессы посвящена книга Михала Ягелло «Попытка завести разговор», начало которой положила напечатанная в 1988 г. в самиздате работа ««Тыгодник повшехный» и коммунизм (1945-1953)». Насколько я понимаю, описав этот период деятельности «Тыгодника», газеты просвещенных и терпимых людей, вдохновленных идеями христианского персонализма и образом мыслей Маритена, автор начал задумываться, как такое благородное растение могло вырасти на столь неурожайной почве. Желая изучить эту почву, он переворошил подшивки важнейших католических газет и журналов, а результатом этого кропотливого труда стала насчитывающая более пятисот страниц книга, без которой уже невозможно представить себе исследование сознания поляков конца XIX и всего XX века. Книга эта помогает также понять причины различных неприятных общественных настроений в Третьей Речи Посполитой.

Все эти замечания принадлежат не автору, а рецензенту. Сам Михал Ягелло, известный защитник национальных меньшинств, человек от природы терпимый, враг любой ксенофобии, на страницах книги очень сдержан в изложении своих взглядов. Иногда складывается впечатление, что он вопреки самому себе старается без эмоций описывать смену мировоззрения поляков-католиков.

Это заметно уже в первой части книги, посвященной иезуитскому журналу «Пшеглёнд повшехный» в 1884-1918 гг. Используя собранный автором материал, можно было бы с легкостью написать пасквиль, Ягелло же не только объективно перечисляет заслуги «Пшеглёнда», но и, что особенно трудно, подчеркивает усилия отцов-иезуитов на пути постепенного «смягчения» антисемитизма. Нужно проявить немало внимательности и доброй воли, чтобы найти такие тенденции под поверхностью текстов, которые с нашей точки зрения кажутся просто возмутительными.

Однако Ягелло показывает эти явления во временнóм контексте. В каком-то смысле такой подход сродни стратегии Церкви, которая не имеет обыкновения торопиться.

В «Попытке завести разговор» невероятно важны главы, посвященные католической прессе межвоенного периода. В Польше укоренилось мнение, что самые существенные явления польской культуры того времени рождались вне сферы религии, а католическая литература и общественная мысль были явлениями маргинальными и малоинтересными. Между тем Ягелло показывает нам захватывающую картину идейных поисков в «возрожденческом» течении польского католицизма. «Возрождение» («Одродзенье») — это название молодежной организации и одного из журналов, в котором печатался, в частности, позднейший основатель и многолетний редактор «Тыгодника повшехного» Ежи Турович. Иногда «Одродзенье» бывало консервативным, иногда более открытым. Эта открытость особенно хорошо видна в текстах, посвященных культуре. Были еще ежемесячник «Pax» («Пакс») и элитарный журнал «Verbum», выходивший под редакцией о. Владислава Корниловича и Рафала Блюта и публиковавший философские и литературные эссе очень высокого уровня. В 30-е годы люди, представлявшие это течение, чувствовали крах либерализма и грядущую тоталитарную опасность, а в повседневной действительности сталкивались не только с традиционным консервативным католицизмом, но и со все более активным польским национализмом, у которого, разумеется, тоже была своя пресса. Глава, посвященная журналу ордена марианов «Pro Christo», дает пример крайнего националистического брожения умов.

После войны люди, пытавшиеся противостоять этому потоку грязи, основали «Тыгодник повшехный». Впрочем, Ягелло честно представляет и другие издания: радикальный (и потому быстро прикрытый коммунистами) «Тыгодник варшавский», а также журнал «Дзись и ютро» («Сегодня и завтра»), без колебаний пошедший на сотрудничество с властью и создавший модель поляка-католика, сочувствующего партии.

«Тыгодник повшехный» пытался существовать вне системы, защищать культуру. Надо полагать, власти считали такую деятельность безвредной и маргинальной. Конфликт произошел в 1953 г., когда «Тыгодник» не напечатал некролога Сталина. Три года газета находилась в чужих руках.

В дальнейшем «Тыгодник» сыграл невероятно важную роль в воспитании молодой польской интеллигенции, причем не только католической. Ему ни разу не пришлось меняться: ни после II Ватиканского собора, ни в 1980 г., когда возникла «Солидарность», ни после 1989-го. Каким образом «Тыгоднику» удалось опередить перемены в Церкви, в мире, в Польше? Это результат не только интуиции главного редактора, но и тяжкого труда по меньшей мере двух поколений польских католиков, которые сумели вырваться из темного притвора, оставаясь при этом в Церкви. Исчерпывающий ответ на вопрос, как это было возможно, дает книга Михала Ягелло.

Михал Ягелло. Попытка завести разговор. Очерки о возрожденческом католицизме и о «Тыгоднике повшехном» 1945-1953 гг. *Варшава, Национальная библиотека, 2001. — на польск. яз.*

Гжегож Пшебинда

ОТ МАЛОРОССИИИ ДО УКРАИНЫ

Под таким названием выпустил в Польше книгу Мыкола Рябчук, украинский философ и историк идей. В ней он говорит о недавнем прошлом и о нынешнем дне молодого украинского государства, о патриотизме и национализме современных украинцев, об их отношении к России, Польше и Западной Европе. Он описывает фундаментальное различие между фольклорно-русской Малороссией и настоящей Украиной — так, как оно выглядело вчера и как представляется сегодня. Он подчеркивает огромную роль украинского языка в формировании отечественного национального сознания. А на современной Украине действительно есть что формировать, так как процесс созидания современной нации там еще не закончен. Рябчук пишет: «Даже после десяти лет независимости украинская национальная идеология остается «религией меньшинства», а украинское самосознание — предметом жарких дискуссий и многочисленных недоразумений». Этот диагноз столь же драматичен, сколь и верен, ибо сформулирован украинским мыслителем, который не верит ни в какую идеализацию серой действительности. Это хорошо, ибо, отвергая архаический псевдопатриотизм, он по сути дела действует на благо рациональной национальной идеи Украины, украинской культуры и государственной самостоятельности.

К своему «украинскому мировоззрению» Рябчук шел через опыт многокультурности. Родившись в 1953 г. во Львове, он еще подростком из андеграунда столкнулся с польской и французской культурой. «Мы бегали (...) в кино на картины Вайды, слушали пластинки Чеслава Немена и благодаря ему открывали Норвида — по-польски и по-украински. (...) Словно Евангелие читали мы книгу Юлии Хартвиг «Аполлинер» — о неизвестных гениях начала века, беззаботная компания которых так трогательно напоминала нашу». Дальнейшее интеллектуальное формирование Рябчука шло с 1983 г. в Киеве и Москве, где он окончил Литературный институт им. Горького. Богумила Бердыховская во вступительной статье к книге Рябчука разумно напоминает нам некоторые вещи, о которых мы уже забыли: «Москва для человека, который не мог выехать за границу, была, как говорит сам Рябчук, «лучшим выбором, если он хотел интеллектуально развиваться», тем более что происходило это в период «перестройки», которая в Москве принимала все больший размах, в то время как на Украину доносились лишь отголоски»

Украина и геополитика в Европе

Однажды, сразу после 1991 года, Збигнев Бжезинский сказал, что возникновение украинского государства изменило геополитическую карту Европы. Так же считает и автор «От Малороссии до Украины», одновременно присоединяясь к другому тезису Бжезинского: о том, что обретение Украиной независимости — одно из трех главных «геополитических событий» в истории Европы XX века, после крушения Австро-Венгерской империи в 1918 г. и ялтинского раздела Европы на два враждебных блока в 1945-м: «Возникновение независимой Украины можно считать третьим таким событием, ибо это означает конец имперской России. А это нечто большее, чем конец коммунистического СССР, — это конец последней в Европе империи. В свою очередь это событие порождает ряд других важных политических перемен. Независимая Украина, подрывая российскую империю, открыла самой России — государству и народу — возможность стать наконец демократической европейской страной. (...) Таким образом возникновение независимой Украины — не только геополитически, но и философски важное явление».

У Бжезинского две огромные заслуги в украинском вопросе. Во-первых, он сумел заставить Америку и Европу сразу после 1991 г. осознать, что Украина — отдельное от России национальное и социальное пространство, которое теперь, за девять лет до конца века, создало свое национальное государство. Это вовсе не было на руку многим американским политикам, «которые ви-

дели «стабильность» на востоке Европы как нечто абсолютное, одновременно противясь любым изменениям на этих пространствах как опасным для всего мира». Идея Украины как независимой страны превосходила и уровень восприятия многих американских политологов, журналистов и историков. Они знали только русский язык и культуру и историю России, в то время как Украину долго рассматривали как осколок из истории царской империи. Рябчук пишет, что газета «Нью-Йорк таймс» в 90-е годы еще долго печатала карту Европы, на которой все к востоку от Польши было помечено словом «Россия».

Другая заслуга Бжезинского состоит в том, что уже в 1992 г. он говорил о шансах, которые создает Украина в деле демократизации России. Естественно, при условии, что россияне преодолеют в себе неприязнь к украинской государственности и откажутся ностальгически именовать Украину Малороссией... Тут, видите ли, можно выпить горилки, спеть или сплясать с темпераментной чернобровой дивчиной в ночь на Ивана Купалу. Рябчук приводит слова Георгия Федотова, одного из умнейших русских XX века. В 1947 г., уже не в Париже, а в США, он писал в статье «Судьба империй»: «Пробуждение Украины, а особенно сепаратистский характер украинофильства изумил русскую интеллигенцию и до конца остался ей непонятным. Прежде всего потому, что мы любили Украину, ее землю, ее народ, ее песни, считали все это своим, родным. Но еще и потому, что мы преступно мало интересовались прошлым Украины за три-четыре столетия, которые создали ее народность и ее культуру, отличную от Великороссии. Мы воображали, по схемам русских националистов, что малороссы, изнывая под польским гнетом, только и жаждали, что воссоединиться с Москвой. Но русские в Польско-Литовском государстве, отталкиваясь от католичества, не были чужаками. Они впитали в себя чрезвычайно много элементов польской культуры и государственности. Москва с ее восточным деспотизмом была им чужда». Не забудем, что это проницательное описание традиционных русских представлений об Украине, достоверности которому прибавляют добрые чувства Федотова к украинскому прошлому в Речи Посполитой Обоих Народов, вышло из-под пера русского либерала свыше 50 лет назад! Кто в сегодняшней России отважился бы так написать? Здесь по-прежнему популярна малороссийская ностальгичность великороссов в отношении к украинским «младшим братьям». А такая снисходительная симпатия, к сожалению, способствует тому, что в России формируются враждебные позиции по отношению к Украине. Примером пусть станет Александр Дугин, о котором речь пойдет дальше.

Украина и «Русский дом»

Рябчук твердо выступает в защиту украинской национальной идеи, но в его позиции нет ни малейших черт ксенофобии. Он выражает оправданную неприязнь к российским сторонникам современной «империи трех славянских народов», но не попадается на удочку русофобии. Примером того, как автор умеет сохранять здравый разум в разговоре о российско-украинском вопросе, может послужить такая его констатация: «Имперская Россия никогда не смирится с существованием независимой Украины, даже если ее президентом будет не Кучма, а Олександр Мороз, Володимир Гринев или вовсе Петро Симоненко».

Позволим себе сделать отступление... Иногда возникает впечатление, что прекрасная книга Рябчука не достигнет в Польше своих благородных и далеко идущих целей. Почему? Сразу бросается в глаза, что автор говорит прежде всего со своими, с посвященными, т.е. с просвещенным украинским читателем или польским украиноведом, с теми, кто знает историю Украины, интересуется ее политикой, хочет созидать или поддерживать украинский патриотизм в реалистическом, а не мистико-романтическом духе. Я же во время чтения книги уже далеко не впервые сожалел, что нет у нас по-польски хотя бы приличного словаря-справочника по Украине XX века, ее политикам, писателям, художникам, музыкантам и религиозным деятелям. Наши польские знания об Украине ныне таковы, как некогда знакомство с Литвой, прекрасно отраженное в словах Камер-юнкера в 3 части «Дзядов»: «Я думал, что Литва в основе та же Русь...» Если так, то следует сказать, что Олександр Мороз — лидер украинских социалистов, а Петро Симоненко возглавляет компартию Украины: он рьяный противник одним махом Евросоюза, НАТО и капитализма. Володимир Гринев живет в Харькове и выступает за введение на Украине русского языка как второго государственного. Видите, сколько нужно расшифровать, чтобы вполне понять, что имеет в виду Рябчук, говоря об отношении имперской России к Украине.

Безопасность и государственная устойчивость Киева сегодня, естественно, зависят прежде всего от положения внутри страны, от ее экономических реформ, от консолидации элиты и других социальных слоев Украины. Россию же, что Рябчук подчеркивает, чересчур демонизировать не следует. Однако всякий, кому дорога украинская государственность, должен помнить о «травматическом опыте Украины в ее исторических отношениях с Россией». Сверх того, что еще важнее, нужно постоянно напоминать, что как Америка, так и Западная Европа «совершенно игнорируют сегодняшнюю неоимперскую политику Кремля, причем по отношению не только к Украине, но и к Белоруссии, прибалтийским государствам, Молдавии и Грузии (см. историю российских войн в Приднестровье и Абхазии), не говоря уже о геноциде в Чечне»...

Одновременно с книгой Рябчука по-польски в издательстве Бертельсмана вышла работа английского украиноведа Эндрю Уилсона, преподавателя Лондонского университетского колледжа. В последней главе своего труда он детально описывает, что думает сегодня в Москве о независимости Украины довольно сильный легион сторонников идеи Великой России. Совершенно независимо от идейной основы этой неоимперской доктрины — а она может носить коммунистический, «православный», «евразийский» или даже «индоевропейский» характер, — из этих суждений равно неизбежно вытекает, что Украине снова следует вернуться в «Русский дом» — как это сделала Левобережная Украина после восстания Богдана Хмельницкого и Переяславской Рады (1648-1654), а западная Украина — после 1944 г., «убежденная» Красной Армией.

Вышеупомянутый Александр Дугин, автор пресловутых «Основ геополитики», так писал в книге, изданной в 1997 г. под эгидой российского Генштаба в... Киеве: «Геополитически Украина как государство лишена смысла. Это государство не играет важной глобальной культурной роли и не является ничем исключительным этнически и географически (...). Единственное логическое оправдание независимого государственного бытия Украины (особенно в ее нынешних границах) — исполняемая ею роль *санитарного кордона*, поскольку [существующие на Украине] силы с диаметрально противоположной геополитической ориентацией никогда не позволят этому государству окончательно выступить на стороне восточного или западного блока, т.е. России, Евразии или Средней Европы. Это осуждает Украину на марионеточное бытие» (приводится в обратном переводе с польского. — *Пер.*).

Нелегкая Украина

Дугин в Польше известен, хотя используют его прежде всего в виде пугала, когда хотят показать, что российский империализм по отношению как к Польше, так и к Украине «вечно жив». Но важно-то другое. Александра Дугина надо читать не только для того, чтобы лучше понять великорусско-евразийский образ мыслей, но и затем, чтобы понять собственные слабости — украинские или польские. Об Украине Дугин, как мы помним, говорил: «...силы с диаметрально противоположной геополитической ориентацией никогда не позволят этому государству окончательно выступить на стороне восточного или западного блока». Это значит, что украинские проблемы существуют внутри Киева, Харькова, Донбасса, Львова. Литературным образом это описывает Юрий Андрухович в «Московиаде». И у Рябчука мы находим много доказательств того, что на Украине существуют внутренние дихотомии, которые препятствуют окончательному формированию ее национального сознания. Богумила Бердыховская пишет во вступительной статье, что украинское государство сегодня не интересуется поддержкой отечественной культуры, «ограничиваясь, самое большее, поддержкой ее наитрадиционнейших, чтобы не сказать архаических проявлений. (...) Как будто и этого мало, против модернизации выступают весьма влиятельные круги ведущих украинских деятелей культуры, занявшие свое место еще в советские времена. Подлинная забота о судьбе украинского языка и культуры в этих кругах вырождается в «нативизм», враждебный всем новшествам и чуждым культурным влияниям. Для этих кругов украинская культура сводится к утверждению узко понимаемой этничности».

Вот воистину проблема. В книге Рябчука мы найдем много доказательств функционирования этой «узко понимаемой этничности», которая по сути дела мешает построению успешно функционирующего украинского государства в Европе. Ученые в университетах создают мифы об «античности» Украины, доискиваясь ее корней в IV-

III тысячелетиях до Р.Х. Есть и такие, причем весьма многочисленные идеологи, которые с университетских кафедр провозглашают, что украинцы — как протопласты всех индоевропейских народов — одновременно были первой нацией, языком которой был санскрит. У меня перед глазами опубликованный в 2000 г. киевским издательством «Лыбид» словарь-справочник («довидник») по украинской литературе. Здесь серьезно говорится, что Велесовы книги, известная фальшивка середины XX века, — памятник украинской письменности... середины первого тысячелетия. Когда Рябчук пишет о фундаментальной разнице между «Малороссией» и «Украиной», он ссылается на то, что мы знаем о Гоголе и Шевченко. Два великих писателя XIX века — один родился на Украине, любил ее фольклор, «малорусский диалект», а второй просто был украинцем. Важнейшая разница между Гоголем и Шевченко аналогична «разнице между двумя мифами — умирающей и, наоборот, воскресающей Украины». Не подлежит сомнению, что вышеназванные современные архаисты из украинских университетов и журналов своей смехотворностью и неприспособленностью к действительности XX и XXI века способствуют «замиранию Украины». Вдобавок они дают мощное оружие в руки Дугину, который свято убежден, что украинское государство появилось на карте Европы лишь по случайному стечению обстоятельств. Поэтому совершенно рациональным будет его исчезновение с великорусской карты будущего. Есть немало способов отбросить этот роковой диагноз Дугина. Рябчук не верит, что двуязычность способствует национальному сознанию Украины. Если русский язык будет введен как второй государственный, украинский уже неизбежно будет отправлен в интеллигентские квартиры или в музей. Чиновник в Киеве, который и сегодня говорит и пишет в основном по-русски, полностью вытолкнет украинский язык из своего сознания, как только будет введен соответствующий закон. А Украина не станет тогда ни Бельгией, ни Канадой, ни Индией, где двуязычность была и остается основой прочной государственности. Зато заведомо уподобится тоскливой Белоруссии, какой та стала при президентстве Лукашенко.

Рябчук в этом совершенно прав и отнюдь не становится, как иногда его обвиняют либералы, заботящиеся о «европейских нормах», украинским националистическим доктринером. Послушаем снова, что пишет Бердыховская: «Он несомненно отдает себе отчет в том, что русский язык — прочный элемент, по крайней мере в обозримой перспективе, культурного и общественного украинского пространства. Драматизм, с которым он описывает состояние языка, культуры и национального сознания украинцев, вытекает скорее из опасения, что без решительных профилактических шагов пространство украинской культуры и языка в уже независимой Украине не только не расширится, но может даже ужаться»... Как может, к сожалению, ужаться и украинская независимость. Я не считаю, что Украина, тяготеющая к Европе и атлантическому миру, станет поворачиваться спиной к своей «извечной угнетательнице России». Или что порвет с ней всякие экономические связи, чтобы молниеносно европеизироваться. И то и другое нереально. Такому сценарию противостоят как система политических сил внутри самой Украины, так и ее экономические связи с Российской Федерацией, а также — last but not least — славяно-русский склад ума львиной доли народа за пределами греко-католической Западной Украины.

А Россия?

Русским тоже нельзя отказывать в праве быть европейцами. Быть может, прозападные силы приобретут в Российской Федерации большее влияние? Быть может, это яснее проявится во время второго президентского срока Путина? Однако сумеют ли эти силы освободиться от рокового наследия Петра I и Екатерины II? Не забудем, что, когда в XVIII веке первые российские императоры предприняли гигантский труд по европеизации России, они одновременно превратили свое государство в империю, поглощающую своих западных соседей — поляков, украинцев, белорусов и прибалтов. Такой сценарий не должен повториться в начале XXI века.

Мыкола Рябчук. От Малороссии до Украины. *Краков, «Universitas», 2002. Пер. [с украинского на польский] Оля Гнатюк и Катажина Котынская. Ред. и авт. вступит. статьи Богумила Бердыховская.*

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Со все возрастающим удовольствием читаю краковско-варшавский еженедельник **«Пшекруй»**, журнал, выходящий с 1945 г., переживший кризис после 1989-го, а теперь снова входящий в форму. В свое время, как рассказывали мне многие русские друзья, «Пшекруй» был в СССР весьма популярен, в частности тем, что печатал прозу западных авторов, в Советском Союзе еще «некошерных». На журнал можно было подписаться, подписчиков было много, а среди них встречались и такие, что потом говорили, будто выучили польский язык по «Пшекрую». Но это уже история и, будем надеяться, невозвратная.

В одном из последних номеров журнала (2003, №13) можно прочитать большое интервью с президентом Александром Квасневским, озаглавленное «Говорит глава больного государства». Приведем оттуда лишь один, зато важный фрагмент, где Квасневский говорит:

«В одном у меня нет сомнений: мы дошли до такого момента, когда деятельность, носящую характер кумовства («коррупция» тут, может быть, слишком громкое слово), необходимо ликвидировать. Что же до судьбы правительства... Я вообще к этому отношусь почти философски. Помню все правительства: Олексы, Цимошевича, Бузека, вот теперь Миллера — и помню, что каждое из них сначала переживало период эйфории, поддерживаемой социологами, публицистами, журналистами. А потом все эти правительства и премьер-министры попадали в очень трудное положение. Сегодня на самом деле проблема состоит не в том, какой подрывной или поддерживающий маневр можно произвести по отношению к правительству. Сегодня важнее понять, что серьезную реформу государства — а она необходима — не провести ни без правых, ни без левых сил».

Господин президент dixit. Уже несколько месяцев на страницах нашей печати — и левой, и правой, и прежде всего, может быть, центристской — идет чрезвычайно драматическая дискуссия о необходимости радикальной реформы государства. Одно из важных высказываний (процитирую его несколько дальше) принадлежит Павлу Спеваку, выдвинувшему тезис, согласно которому III Речь Посполитая уже исчерпала свои возможности и после переходного периода, который идет у нас с 1989 г., нужно приступить к фундаментальной перестройке польской государственности. Это не изолированный голос. Несколько десятков видных деятелей культуры, в том числе Владислав Бартошевский, Анджей Вайда, Збигнев Глюза, Рышард Капустинский, Ян Новак-Езёранский, Ежи Помяновский и Густав Холоубек (называю имена людей, известных не только в Польше), выступили с обращенным к президенту и опубликованным в газете **«Жечпосполита»** (2003, №63) «Призывом за новое положение о выборах». В нем, в частности, говорится:

«Польская политическая система погружена в глубокий хаос. (...) Государство парализовано сетью коррупцтивных связей между миром политики и бизнеса (...) если мы не хотим довести до эрозии основ польской демократии, этот процесс нужно остановить. Нет волшебных средств, которые немедленно принесут плоды в виде исправления Речи Посполитой. Есть, однако, шаги, которые можно — и нужно! — предпринять сейчас же. Мы уверены, что к ним принадлежит изменение того, как граждане избирают своих представителей, то есть изменение положения о выборах. Нынешний закон о выборах отдает право отбора кандидатов в руки партийных чиновников — они решают, кто попадет в списки кандидатов и каков будет состав парламента. Надо лишить их этого права и передать его гражданам. Путь к этой цели, прошедший проверку в лучших демократиях мира, — положение о выборах, опирающееся на одномандатные избирательные округа и мажоритарное голосование по принципу «один округ — один депутат»».

Президент Квасневский, приняв вызов, брошенный ему авторами этого призыва, в ходе пресс-конференции 2 апреля предложил пробное введение такого положения о выборах при избрании верхней палаты парламента — Сената — в ходе ближайших парламентских выборов.

Разумеется, новое положение о выборах — лишь первый шаг необходимых реформ. В дискуссии, несколько месяцев ведущейся на страницах газеты **«Жечпосполита»** и названной «Государство — в ремонт», интересный комментарий к вышеназванному призыву написал Тадеуш Шавель, соавтор книги «Строительство демократии». В статье «Рискованная дорога напролом» (2003, №75) он пишет:

«Авторы призыва к изменению положения о выборах усматривают в партаппаратах один из источников зла в III Речи Посполитой и призывают лишить партийных чиновников права решать, кто попадет в списки кандидатов, передав это право гражданам. Но никогда и нигде ни в какой демократии мира «просто граждане» не решают, кто будет стартовать на выборах. В двух самых известных демократических странах с мажоритарной системой выборов это делают граждане, организованные в политические партии, а партийный аппарат решает, у кого больше всего шансов и чью кампания поддержать финансово. Чтобы какой-либо гражданин имел шанс на выборах, граждане должны организоваться. Можно, правда, запретить деятельность политических партий, но против этого выступает большинство поляков, считая, что Польше это нанесло бы ущерб. На это можно возразить, что следует обратиться к гражданскому движению. Но и это мы уже проходили. В начале 2001 г. три известных политика приступили к организации гражданского движения (напоминаю: «Гражданской платформы») решительно антипартийного характера, движения, направленного против политического истеблишмента; смысл был как раз в том, чтобы организующиеся граждане выбирали кандидатов в предвыборах. Не приходится долго рассказывать, каковы были результаты, какой близорукой оказалась антипартийная риторика «Платформы». (...) Надо ясно сказать, что какие бы то ни было замыслы исправления польской демократии, явная или тайная цель которых — ликвидировать либо обойти политические партии, обречены на неудачу. Партии создали современную демократию, и ни одна демократия без них немыслима ».

Что делать? Где найти выход? Шавель пишет:

«Проблемы польской политической и партийной системы не решить, идя напролом. Никакая единичная реформа, теоретически эффективная или приносящая где-то желаемые результаты, сама по себе не гарантирует достижения того, чего мы ожидаем. В демократической системе важны хорошие основы и устойчивые правила игры. Хороши ли основы, зависит от культуры и традиций той или иной страны. Нельзя недооценивать значение институциональных реформ и принятия проверенных в других странах образцов, но ни то, ни другое не следует и переоценивать. Всякий раз надо напоминать: новые государства Латинской Америки за образец своих конституций брали американскую. Но ни одно из них так и не уподобилось Соединенным Штатам Северной Америки. (...) Нынешние дискуссии о коррупции и состоянии политических верхов вплетены в более широкую и давно, хотя с меняющейся интенсивностью, ведущуюся дискуссию о состоянии польской демократии. Хотя трудно точно рассчитать, но похоже, что доминирует тезис о ее «фасадном» или «суетном» характере. Если бы правы были сторонники этого взгляда, Польша была бы сейчас скрещением Венесуэлы с Украиной. На мой взгляд, этого не произошло. (...) Если польская демократия — только фасад, суета, прогнившее и коррумпированное государство, общество все больше разделяется на бедных и богатых, а над всем возносится крышка олигархии, то почему большинство поляков считает, что эту демократию надо защищать? Можно ответить: не ведают, что говорят. Но как тогда возможно, что в таком государстве и в таких социальных условиях рождается удовлетворение поляков своей жизнью? В 1994 г. 53% поляков заявляли, что «испытывают удовлетворенность своей жизнью», в ноябре 2002 г. — уже 67%. (Не ведают, что говорят?) Мне бы очень хотелось услышать ответ на этот вопрос. Мой собственный ответ таков: польская демократия — это многоуровневый, сложный контракт, а почти общераспространенный диагноз о том, что демократия — одна суета и фасад, что она коррумпирована и неспособна к самоисправлению, несправедлив».

Это, разумеется, один из многих голосов в дискуссии. Шавелю можно возразить, что поляки хотят защищать демократию — независимо от того, как оценивают ее, — по одной простой причине: потому что она есть. А то, что они желают ее самоисправления, в свете многих высказываний не вызывает сомнения. Они верят также, что на это самоисправление она способна. И жаждут этого, ибо удовлетворенность своей жизнью не обязательно означает, что оную демократию удовлетворенные оценивают положительно. Об этом пишет Павел Спевак в журнале **«Res Publica Nova»** (2003, №4), в статье «Зачем IV Речь Посполитая?»:

«Нам грозит вакуум власти и социальный взрыв вовнутрь, а не наружу. Я меньше опасался бы всегда непредвиденного по своим результатам обычного социального взрыва, чем замыкания людей в себе, отхода от общественных дел, чувства понесенного поражения, постепенного отупения. Год назад я писал на этих страницах, что наша демократия становится явно декоративной. Выполнены все формальные условия правления народа, фактическая же власть переходит в руки групп натиска, неформальных структур, партийных олигархов. Граждане замечают этот факт и отвечают на него отходом, апатией и, главное, недоверием ко всей сфере публичного. В настоящее время о декоративной или минимальной демократии уже широко говорят. Однако появилась новая опасность, наверняка более весомая и грозящая более серьезными результатами. Доминанта коррупционного фактора в политике и глубокое поражение государственных институтов неэффективностью — в соединении с экономическим коллапсом и растущей безработицей — ведут к вакууму власти. Оказывается, что партии и политики как правящего лагеря, так и оппозиции, хоть и располагают формальными полномочиями, теряют возможность управлять существенными делами и выносить по ним решения. Чрезвычайно быстро распался правительственный лагерь. Полтора года спустя мы имеем слабое правительство меньшинства, неспособное, как можно думать, даже администрировать в государстве, тем более принимать вызовы времени. (...) Совершенно беспомощна парламентская оппозиция. (...) У меня нет оснований считать, что у них есть продуманный диагноз состояния государства, а тем более — что у них за пазухой приготовлены какие-то существенные проекты принципиальной реформы, например, государственных финансов, налоговой системы, положения о выборах. (...) Они обвиняют ныне правящий политический класс; но заведомо не рассчитались со своим прошлым и не доказали, что они свободны от всего, во что прежде были впутаны, и от катастрофических для себя способов действовать и принимать решения».

Задумываясь над смыслом происходящих перемен, автор продолжает:

«Революция 1989 года была прежде всего идейной революцией, ибо речь шла о нравственных целях. Она ставила себе четыре главных задачи. Первая — обрести суверенитет, такой, какой возможен в сгущающемся и взаимозависимом мире. Вторая — восстановить демократические институты и процедуры. Можно назвать это иначе: речь шла о том, чтобы вернуть политике достоинство и значение. Третья — восстановить гражданское общество. И, наконец, четвертая — ввести свободный экономический обмен. За каждой из этих целей стоял освободительный импульс, импульс пуска в ход индивидуальной и коллективной энергии, а коллективная нужда и беспомощность не были, вопреки первоначальным убеждениям, настолько мощными факторами, чтобы поставить свободу в опасность. (...) Как я уже писал во вступлении, после 13 лет преобразований мы видим, что авторитет демократических институтов исключительно низок, что степень доверия граждан к правовому государству указывает на наступление кризиса. Таким образом, замысел IV Речи Посполитой вытекает не из каприза скучающего ума или волюнтаристско-революционных симпатий, а из уверенности в том, что без серьезного обдумывания ошибок последних лет и рассмотрения радикальных перемен мы растратим все надежды 1989 года. (...) Прежде всего мы знаем одно: перелом 1989 года был возможен и необходим, в частности и потому еще, что старому режиму не хватало сил и кредита доверия, чтобы справиться с затратами на реформы. Нужны были новые основы легитимизации системы. Проблема начинает возвращаться. (...) Нужна надежда, а ее не оживить без серьезных перемен в сфере налогов, государственных финансов, органов местного самоуправления, без урегулирования системы администрирования правом. Наконец, необходимо придать государственным структурам полностью внепартийный характер. Импульс к переменам должен быть глубоким, и вытекать он может только из серьезных размышлений над состоянием государства и политики. (...) Пространство инициативы, мышления, т.е. пространство политической воли, сокращается. И речь заведомо касается политического духа, такого, который был бы не слугой устоявшихся интересов, но источником укрепления основных этических принципов».

Эти последние слова, пожалуй, заслуживают особого внимания. Почему? Да прежде всего потому, что многие государственные чиновники, которым по разным случаям задают вопросы этического порядка, попросту не знают, о чем идет речь. Они живут вне этой сферы ценностей. Она им не нужна. И, может быть, в этом контексте стоит вспомнить и повторять — не только один раз повторить! — слова, которые прокричал в 1947 г. (по совершенно иному случаю) молодой бунтующий писатель Тадеуш Боровский: «Смотрите демократии на пальцы!»

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• В апреле в Варшаве отмечалась 60-я годовщина восстания в гетто. В ночь с 18 на 19 апреля 1943 г. немцы начали окружать варшавское гетто, чтобы окончательно его ликвидировать. В ответ на это 19 апреля, в понедельник католической Страстной недели, в гетто вспыхнуло восстание, в ходе которого горстка отчаявшихся, готовых на все бойцов оказала сопротивление огромной немецкой военной махине. Не с тем, чтобы победить, но чтобы погибнуть с честью. «Главная мечта моей жизни исполнилась, — писал командовавший восстанием Мордехай Анелевич в письме, переброшенном на «арийскую» сторону, — мне было дано увидеть еврейское сопротивление в гетто — во всем его величии и славе». Кульминационным моментом юбилейных торжеств стал день 30 апреля, а в церемонии у памятника Героям гетто приняли участие президенты Польши и Израиля.

• В связи с этой годовщиной вышли в свет несколько интересных книг. Анка Групинская написала книгу «Прочтение списка. Рассказ о еврейских повстанцах», ставшую памятником Еврейской боевой организации, к которой принадлежали руководители восстания. Автор отыскала сведения почти обо всех 300 солдатах этой организации, «проявила себя неутомимым искателем (...) обрывков информации, из которых она соткала свое лоскутное одеяло». Вторая книга, о которой мы хотели бы тут сказать, — «О войне Великой Германии с евреями Варшавы. 1939-1943» Стефана Эрнста, — вышла в издательстве «Чительник». Ее автор, глядя на погибающее гетто с «арийской» стороны, «понял, что судьба ненадолго продлила ему жизнь, чтобы он мог оставить свидетельство, поэтому взялся за написание своего отчета о последних годах жизни варшавских евреев». Его воспоминания, ожидавшие публикации 60 лет, хранились в архиве Еврейского исторического института. И, наконец, следует упомянуть об изданной тем же институтом книге Леона Найберга «Последние повстанцы гетто». Это рассказ о людях, которые выжили в руинах гетто, когда из него уже вышли последние бойцы. «Автора отличают четкость мысли, дар наблюдателя и талант рассказчика, поэтому невозможно оторваться от этих воспоминаний, написанных между октябрем 1943 и маем 1944 гг.», — пишет Иоанна Щенсна.

• В Нью-Йорке скончался Болеслав Вежбянский, один из основателей и главный редактор «Нового дзенника» — самой серьезной польской ежедневной газеты в эмиграции. Вежбянский часто повторял, что встречается с каждым, кто приезжает из Польши, что двери его редакции открыты для всех. «Вы можете перегрызть друг другу глотки в политических спорах, но здесь я хочу выслушать каждого, в конце концов я же журналист». Вежбянскому было 90 лет.

• Премию Фонда культуры в этом году получил Генрик Ванек за книгу «Finis Silesiae». Это необычная книга: «...роман [между героями]... Генрик Ванек погрузил в гераклитову реку фактов, обстоятельств, запутанной истории Силезии, — пишет рецензент, писатель и философ Стефан Шимутко. — Впечатляет масштабность панорамы, как пространственная (...) так и временная: от I Мировой войны до предвидения сегодняшних событий. Вызывает уважение глубина знаний автора, его знакомство со многими деталями. (...) Гимн в честь того минувшего, что было когда-то ощутимым, осязаемым, мираж прошлого». Автор родился в 1942 году. Его литературные произведения и статьи публикуются на страницах изданий, посвященных вопросам культуры, он занимается также живописью и графикой, пишет картины в стиле магического реализма.

• В краковском «Выдавництве литерацком» («Литературном издательстве») вышел новый сборник стихотворений одной из самых известных современных поэтесс Эвы Липской, озаглавленный «Я». «Это «я» формируется на протяжении всей жизни, — говорит Э.Липская, — через все «мы» по дороге. На данный момент «я» — это попытка упорядочить самое себя, это форма зрелости, время подводить итоги. Четче становятся образы и память, как в документальном кино, мы возвращаемся к началу. (...) Со смертью я примирилась, хотя как старый «вольнодумец» не рассчитываю на местечко в раю. Я знаю, что смерть — это составляющая жизни, биологический листопад, (...) настоящая любовь — это нечто прекрасное, бескорыстное. Она не имеет ничего общего с уходящим временем. (...) Одиночество — это не только следствие перемен, связанных с развитием цивилизации, это прощание с близкими».

• В издательстве W.A.B. вышла новая книга Магдалены Тулли «Механизмы». Действие происходит в гостинице под названием, скажем, «Вселенная», в которой появляются самые разные личности, а руководит действием таинственный Рассказчик. «Тулли сделала все, — пишет рецензент «Газеты выборчей», — чтобы данные писательскому делу определения стали более универсальными и могли применяться также вне книги. В таком случае «Механизмы» мы воспримем как глубоко пессимистическую картину судьбы и истории, такую же, как показанная автором в двух предыдущих книгах». А критик газеты «Жечпосполита» заканчивает рецензию на книгу следующим пассажем: «Повествование с помощью глаголов совершенного вида балансирует словно на канате, натянутом в вышине «между утраченным прошлым и ненадежным будущим». «Механизмы» — это мастерски написанное продолжение книг «Сны и камни» и «Красное» — романов о нашей действительности».

• В списке бестселлеров неизменно остается Дорота Масловская со своей «Польско-русской войной под бело-красным флагом», а также произведения, принадлежащие к так называемой женской литературе: «Оно» Дороты Тераковской, «Полномочия на счастье» Катажины Грохоли и изданная совместно с Петром Петухой книга Мануэли Гретковской «Сцены из внебрачной жизни». Однако на сей раз в списке оказались и такие произведения, как «Солярис» Станислава Лема, популярность которого возросла благодаря кинофильму, вышедшему сейчас на польские экраны, и довольно необычная повесть Яна Гжегорчика «Адью. Приключения отца Гросера», в которой «впервые за много лет кто-то рискнул описать иерархически упорядоченный мир католических священников. (...) В этом мире мало святости, зато много зависти и интриг. Остается впечатление, что многие священники считают, будто, поднимаясь вверх по лестнице власти, они и к Богу становятся ближе. Теперь наконец, спустя многие годы, у нас появилась современная католическая повесть».

• «Систематическое чтение позволяет человеку овладеть интеллектуальными методами и усвоить подходы, являющиеся необходимым условием для того, чтобы активно участвовать в общественной жизни, эффективно функционировать на современном предприятии и принимать ответственные решения на уровне гмины, региона и страны», — говорил проф. Кшиштоф Помян на лекции, открывавшей организованную министерством культуры дискуссию, посвященную теме чтения в Польше. Министр культуры Вальдемар Домбровский представил программу мероприятий по спасению интереса к чтению, в которую включены различные акции, в том числе канон произведений для молодежи, парк сказок в Пацанове и реклама книг в телесериалах.

• Если положение с числом читателей вызывает беспокойство, то комикс в Польше явно чувствует себя прекрасно. На II Варшавской встрече, посвященной комиксу, было неожиданно многолюдно, а некоторые издания пользовались большим успехом. Самые популярные серии комиксов — приключения Титуса, Ромека и А'томика, принадлежащие старейшему мастеру этого жанра Генрику Хмелевскому, рисо-

ванные рассказы Богуслава Польха, созданные по сюжетам Эриха фон Деникена, а также новинки: «И другие 48 страниц» и «Overload» («Перегрузка») сценариста Тобиаша Пентковского и художника Роберта Адлера — расхватывали, как горячие пирожки.

• Премию журнала «Res Publica Nova» за лучшее эссе, опубликованное в 2002 г., получил Яцек Семполинский, выдающийся художник, критик, знаток искусства и архитектуры прошлого. Премия была присуждена за эссе «Сомнение», опубликованное в «Тыгоднике повшехном». В эссе затронута проблема спасения духовности человека во времена релятивизма и массовой культуры.

• «Мистическое средневековье» — так называется новейший альбом, в котором представлены сокровища Галереи средневекового искусства варшавского Национального музея, считающейся самой ценной частью его собрания. «Я думаю, что варшавяне не осознают, сколь высокого ранга коллекцией располагает их город, — отмечает автор концепции альбома Дорота Фольга-Янушевская. — И, на мой взгляд, не может быть такого варшавянина, который, сознательно участвуя в культурной жизни, не посмотрел бы эту коллекцию».

• В сотую годовщину со дня рождения Антония Унеховского организована выставка его рисунков. «Рисунки Антония Унеховского великолепны, — пишет рецензент. — Обычно они выполнены штрихами, нанесенными уверенной и легкой рукой. Нескольких взмахов пера достаточно, чтобы передать атмосферу Театральной площади около 1830 г. или Пивной улицы в конце XVIII века. Антоний Унеховский воскрешал прошлое не только талантливо, но и со знанием истории, в том числе истории культуры и предметного мира». Художник был неразрывно связан с Варшавой.

• В галерее «Захента» открылась большая выставка, посвященная творчеству Ежи Новосельского, мастера, которому только что исполнилось 80 лет. «Я раздумывал над тем, — говорит друг художника и автор введения к каталогу выставки, профессор Мечислав Порембский, — какой ключ найти к этой выставке. Меня осенило, когда я увидел сопоставление «музыкальных образов» и абстракций. Я подумал, что эта выставка похожа на симфонию, в которой переплелись мощные удары и нежные фразы. Женщины, церкви, натюрморты, абстракция... этой выставкой можно наслаждаться часами».

• В краковском Национальном музее открылась выставка «Тадеуш Маковский. 1882-1932». «Маковского при жизни называли «современным Брейгелем», — пишет рецензент Катажина Бик. — ...Оба мастера создавали живописные образы, в которых человеческая жизнь неразрывно связана с природой, монументальность с простотой, гротеск и народная мудрость с лиричностью и поэзией. Оба охотно писали пейзажи, проникнутые мечтой о спокойной жизни, и оба охотно писали детей. Разве кукольные фигурки Маковского не представляют собой современное потомство марионеток Брейгеля с едва обозначенными чертами, бусинками глаз и телами почти в стиле кубизма?» Из Кракова выставка отправится в Гданьск и Варшаву.

• В краковском Старом театре прошла довольно необычная премьера. Прекрасный композитор Станислав Радван, очарованный сатирическими рисунками Анджея Млечко, решил использовать их в качестве материала для оперы-буфф. «Из сопровождающих рисунки комментариев он составил либретто, — пишет рецензент Марек Микос, — в основу которого положены сложные отношения между мужчиной и женщиной. С.Радван использовал также замечательные мини-притчи Млечко о состояниях человека и, наконец, удивительно трогательную серию, где герои — ностальгически воспринимающие жизнь и мир коровы и другие животные. К этому либретто он написал музыку, используя приемы подражания, ловко манипулируя стилями». Поставил спектакль режиссер Миколай Грабовский. «Несмотря на всяческие замечания, — продолжает Микос, — я сторонник безумной идеи Радвана и Грабовского. Ибо всегда лучше, если в театре что-то происходит, а не веет серьезной, академической скукой».

• Среди выдвинутых в этом году на премию «Фредерик», которую уже в девятый раз присуждает Фонографическая академия, «оказались, — как утверждает критик Марек Душа, — и самые лучшие, и самые популярные артисты, хотя эти определения не всегда совпадают». Окончательным победителем конкурса стал Роберт Гавлинский и его группа «Вильки» («Волки»), получившая целых шесть «Фредериков». Гавлинскому, одному из самых даровитых представителей польского рока, в этом году исполняется 40 лет. Хитом сезона стала песня «Баська» в исполнении группы «Вильки». Джазовые премии получил Томаш Станько, вокалисткой года признана Анна Мария Йопек, а премию «Фредерик» за альбом современной музыки получил квартет Дафо за запись сочинений Берда, Кнапика, Мейера, Пендерецкого и Зелинского. За камерную музыку награжден альбом сочинений для скрипки и фортепьяно Падеревского в исполнении Константы Анджея Кульки и Вальдемара Малицкого.

• Концертом радиостудии S1 открылся юбилейный год композитора Миколая Гурецкого, которому недавно исполнилось 70 лет. Во время концерта прозвучали, в частности, пять «Курпёвских песен» (курпы — польская диалектно-этническая группа, населяющая Курпёвскую пущу. — Ред.). «Это первое за многие годы новое сочинение, — пишет критик Бартош Каминский, — знаменитого композитора из Силезии, который давно пленился народной культурой. ...Гурецкий сохранил оригинальную мелодику и чудесный курпёвский говор, но его обработки с их нежным ритмом и мягкой гармонией лишены подвижности и напряженности».

• Четыре дня продолжался в Варшаве фестиваль фольклорной музыки «Новая традиция». «Мы представляем самые интересные явления фольклорной музыки и в Польше, и в мире, — заверяют организаторы, — мы приглашаем прекрасных исполнителей из разных культурных кругов». «На фестивале «Новая традиция», — пишет рецензент, — выступают группы, играющие этно-джаз или фольк-рок на электроинструментах. Единственное условие, которое должны выполнить все, — это обращение к польской народной музыке или музыке национальных меньшинств, населяющих Польшу». Студия с трудом вмещала желающих послушать концерты. Гран-при получила люблинская группа «Одпуст зупелный» («Полное отпущение»), исполняющая музыку, стилистика которой почерпнута из средневековья. В конкурсе на диск года произвела фурор и получила премию капелла «Толгаи» из района Бещады. Вне конкурса публику покорила прекрасная вокалистка Ума Хахар-Тугхи из Монголии, сочетающая традиционное азиатское пение с современными ритмами.

• Не подвела своих поклонников группа «Пудельси», которая по возвращении лидера бунтарской группы Мацея Маленчука, ушедшего из нее на несколько лет, записала диск «Свобода слова», признанный большим достижением. «Новый диск, — пишет критик, — ...убедительно свидетельствует, что бард музыкальной альтернативы полон мощной энергии. Диск «Свобода слова» удачен по многим параметрам, включая композицию, текст и контекст. Контекст определяется политической, спортивной и творческой биографией самого Маленчука».

• Лауреатом 24-го Фестиваля актерской песни во Вроцлаве стал краковянин Януш Радек, получивший также премии зрителей и журналистов. Он исполнил зонг «Я — вами» Миши Сполянского. «Такого голоса мы давно не слышали на польской сцене», — отметил директор фестиваля Роман Колаковский. Радеку 35 лет, по профессии он историк, но вот уже десять лет сотрудничает с музыкальными театрами в Польше. Внимание зрителей на этом фестивале привлекли еще несколько концертов, прежде всего из произведений Тома Уэйтса в исполнении Казика, концерт фадо в исполнении Маризы и великолепное выступление французской певицы Патрисии Каас. Фестиваль включал также гала-концерт, посвященный Юлиану Тувиму (к 50-й годовщине смерти поэта) и названный «Мандарины и апельсины»; здесь были предложены совершенно новые ин-

терпретации прежних текстов, в том числе знаменитого «Grande valse brillante», исполнявшегося некогда Эвой Демарчик, а во Вроцлаве — Кингой Прейс.

• «Последний» Томаша Лубенского — пьеса, написанная по заказу варшавского театра «Народового». «Лубенский, — пишет Роман Павловский, — затронул тему архипольскую, относящуюся к мифологии поместного шляхетства. На истории одного имения он показал историю польских усадеб и имений, ставших жертвами войн и коммунизма. Усадьба с розовым садом стала в его пьесе новым воплощением чеховского вишневого сада, свидетелем истории и символом непреходящего бытия». А рецензент еженедельника «Политика» пишет: «...мы видим историю уголка Европы, в сердце которого живет это имение (...) все, что великолепно придумано автором и нашло отражение в прекрасной и сжатой инсценировке Тадеуша Брадецкого, — и заканчивает свои заметки о спектакле следующими словами: — Упрямо возникает вопрос, неужели эта стоическая пассивность была единственным способом сохранить лицо и честь на протяжении последних шестидесяти лет? Есть над чем подумать и о чем поспорить на последней премьере «Народового», поставленной Ежи Гжегожевским».

• И еще одна значительная польская современная пьеса, о которой нельзя не сказать. Она называется «Восходы и закаты города», написал ее молодой житель Легницы Роберт Урбанский, все действие крутится вокруг истории его города, и поставлена пьеса в местном театре. «Спектакль, — пишет Мариуш Урбанек, — рассказывает одновременно и о легницких театрах. Немецком, который существовал в городе Лейгниц до 1945-го, русском, работавшем в Легнице до 1964-го, еврейском, переставшем существовать в 1968-м, и польском, который работает в городе всего 25 лет... Судьбу Легницы всегда пытались вписать в какую-то схему. Постоянно возводились или разрушались какие-то памятники, менялись флаги на главных зданиях города, рождались и умирали идеологии. Сменялись государственное устройство и нации, уходили немцы, приходили русские, поляки и евреи, уезжали евреи, потом русские, остались поляки. Только одно место всегда оставалось неизменным — Театр в центре рыночной площади».

• К уже полученным Романом Полянским лаврам за фильм «Пианист» прибавились еще восемь польских кинопремий «Орлы-2003», в том числе за лучший фильм, за режиссуру, за операторское искусство (Павел Эдельман) и музыку (Войцех Киляр). А также самая главная в иерархии кинопремий — американский «Оскар». Американская киноакадемия признала Романа Полянского лучшим режиссером и присудила свои премии исполнителю главной роли в «Пианисте» Адриену Броди и сценаристу Рональду Харвуду.

• В те дни, когда в Москве проходила практически полная ретроспектива кинофильмов Анджея Вайды — от «Поколения» до «Пана Тадеуша» — и его снятых на пленку спектаклей, польский режиссер получил титул почетного доктора ВГИКа. Вайда представил также московским зрителям несколько картин самых молодых польских режиссеров, в том числе «Эди» Петра Тшаскальского.

• Новым президентом Польской Академии наук стал профессор Анджей Легоцкий, биохимик, директор Института биоорганической химии ПАН в Познани. А.Легоцкому 64 года, на его счету немало научных достижений. Ученый занимается молекулярной биологией растений. Профессор также активно участвует в общественной жизни, коллекционирует произведения искусства.

• О телевидении писать сегодня трудно, ибо все рекорды в рейтинге бьет трансляция допросов в комиссии Сейма по расследованию взяточнической аферы Льва Рывина, которую в обиходе стали называть «Рывингейт». Даже сообщения о войне в Ираке занимают меньше места, чем это зрелище; с ним не могут сравниться даже самые остросюжетные фильмы, не говоря уже о действительно художественных программах. Это действительно знак сегодняшнего дня.

ПУТЬ В АЗИЮ

Беседа с профессором Тадеушем Бодио

— Откуда взялся ваш интерес к Средней Азии?

— Вопросами Востока я занимаюсь с середины 70-х. Я ездил в Ленинградский и Московский университеты, в центр политологии Академии наук СССР. В то время я установил первые контакты с учеными из Средней Азии. До сих пор я помню одно такое знакомство с профессором в Ургенче, которое началось еще в Ленинградском университете. Все началось очень просто: я заметил, что мой сосед по общежитию периодически ходит в душевую и закрывает краны с водой. Выяснилось, что он профессор и занимается проблемами воды, наводнения степей. Именно тогда он прочитал мне лекцию о значении воды и степей в жизни человека. Я и сегодня ее вспоминаю, особенно когда читаю о том, что проблема водного хозяйства — одна из важнейших в Средней Азии и может стать причиной конфликта между расположенными здесь странами. Я был приятно удивлен, когда спустя 20 лет бродил вместе с семьей по главной улице Ургенча и встретил этого профессора, который к тому времени стал ректором крупнейшего в городе вуза. Восточному гостеприимству не было конца. Таких друзей — ученых из Средней Азии — у меня было много.

Я посещал университеты в Самарканде, Ургенче, Алма-Ате. Однако идея проведения совместных исследований возникла значительно позже — в конце 1996 года. В то время состоялась моя встреча с Тулетаем Сулейменовым, послом Казахстана в Центральной Европе, и представителями деловых кругов Польши. В ходе этой встречи, которая была проведена по инициативе моей жены, много лет профессионально занимающейся вопросами экономического сотрудничества Польши со Средней Азией, речь зашла о необходимости активизировать польско-казахские отношения. Одной из обсуждавшихся проблем был недостаток информации об изменениях в республике, приводивший к низкой активности поляков в этом регионе. Мы говорили о запланированном тогда первом визите Нурсултана Назарбаева в Польшу, и родилась идея издать в Польше книгу президента о первых годах строительства основ государственности Казахстана. Меня попросили быть научным редактором польского издания. К сотрудничеству я привлек Войцеха Якубовского. Задача была довольно серьезной: приспособить к европейским стандартам политические идеи, сформулированные в азиатских традициях и записанные на русском языке, с сохранением духа книги. Переводчики не справлялись с текстом, приходилось не только редактировать, но и заново переводить целые фрагменты.

Визит президента состоялся в конце ноября 1997 года. В официальной программе Назарбаева были два пункта: встреча с президентом Александром Квасневским и выступление в Варшавском университете, посвященное выходу книги. Подготовка к этому выступлению сопровождалась чрезвычайно стрессовыми ситуациями, связанными главным образом с политическими интригами в высших эшелонах государственной власти. Некоторые ситуации были на грани скандала.

Само выступление и его результаты превзошли все ожидания. В зале университетского Сената мы услышали много теплых слов об университете, где учатся студенты из Казахстана, о необходимости научного сотрудничества и готовности к сотрудничеству научных центров Казахстана. Нурсултан Назарбаев сделал свое выступление в университете программным в области польско-казахских отношений. После воз-

вращения в Казахстан — об этом сообщали СМИ — он сказал, в частности, что в США и Германии он стремился достичь программных целей поездки, а в Польше делегация Казахстана добилась существенного политического успеха, ибо встреча в университете, где была представлена книга, стала проявлением уважения к достижениям страны, формирующей собственное независимое государство.

Согласно моей оценке, оценке психолога и теоретика политики, впечатления президента Назарбаева и правительственной делегации от встречи, существенно повлияли на дальнейшие политические отношения. Обратите, пожалуйста, внимание на то, что именно после визита состоялось ускоренное развитие двусторонних отношений. Была создана миссия, а затем посольство Казахстана в Польше; поляки, живущие в Казахстане, начали приезжать на родину; было подписано соглашение о научном сотрудничестве Варшавского и Алма-Атинского университетов...

Но в области экономики сотрудничество все еще наталкивалось на некоторые препятствия. Представители польского бизнеса жаловались на недостаток разработок, не только посвященных преобразованиям в Казахстане, условиям доступа к рынку, но и представляющих историю государства и его населения, внешнюю политику и т.п. Тогда я осознал необходимость продолжить исследования, причем такие, в которых будут объединены теоретические и прагматические ценности, такие, результаты которых не останутся пылиться на полках библиотек, но будут жить, способствуя сближению и взаимному познанию.

Так возникла идея проекта исследования преобразований в странах Средней Азии. Задача была непростой с научной точки зрения и тонкой — с политической. Я быстро в этом убедился. Мы входили в область все еще господствующего у нас европоцентризма, негативных стереотипов о Средней Азии и одновременно в область азиатской чувствительности по отношению к собственной истории, а также сильной предвзятости и даже недоверия к европейским исследователям, в область иного типа ведения официальной политики, влияющей на то, что происходит и в науке государств этого региона. По существу у нас были идеи, предложения, но никакой инфраструктуры, никаких средств для проведения исследований. Мы начинали с нуля. Тем более что у нас не проводились подобные исследования: политологи, в общем-то, не проявляли интереса к преобразованиям в Средней Азии. Регион был далеким, ассоциировался с Востоком, отсталостью и СССР. Мало кто, в том числе и издатель книг Влодзимеж Улицкий, верил в успех наших исследований.

— Можете ли вы кратко охарактеризовать вашу исследовательскую программу?

— Мы занимаемся исследованием системных преобразований в странах Средней Азии, учитывая исторические, политические и культурные связи стран этого региона с Польшей.

В рамках общего проекта исследований выполняется подтема «Политическое руководство в посттоталитарных государствах», в рамках которой мы анализируем модели лидерства в государствах Средней Азии, личности видных политиков, их биографии и психобиографии, способ мышления и работы.

— Расскажите, пожалуйста, о методах вашей работы.

— Я отдавал себе отчет в том, что стандартный опыт международных исследований будет для нас не особенно пригодным. Необходимы были другая организация и методика, совмещающая требования науки и политической практики. Следует помнить, что еще в совсем недавнем прошлом господствующие европоцентристские толкования этих преобразований, попытки навязать европейские образцы приносили больше вреда, нежели пользы. Поэтому необходимым стало новое восприятие преобразований в Средней Азии, а отсюда — новая методология исследований.

Принятые методы постоянно обновлялись и совершенствовались по ходу приобретения нового опыта — в зависимости от страны, научного центра, конкретных ученых.

Многие из них, опасаясь возможных последствий, предлагали, чтобы мы отказались от исследований, касающихся политических преобразований и сосредоточили внимание на истории, экономике, культуре... Я неоднократно убеждал, особенно чиновников, что ученые из других стран все равно будут писать о том, что происходит в политике, поэтому лучше, если мы сделаем это сообща — особенно раз они заявляют о своей открытости к внешнему миру...

Я пришел к выводу, что лучшим выходом будет тесное сотрудничество с представителями науки и общественности данной страны, хотя это и рискованно.

Мы имели дело с пятью странами, каждая со своей неповторимой спецификой, у которых были самые разные взаимоотношения. Их разделяли споры на тему истории, наследия культуры и цивилизации, границ, национальной принадлежности великих мыслителей Средней Азии и т.п.

Выбор тематики должен быть таким, чтобы она создавала по мере возможности полную картину коренных преобразований в отдельных странах, показывала их обусловленность и объясняла специфику. При этом необходимо, чтобы картину писали «изнутри» ученые и организаторы публичной жизни в отдельных странах, а «извне» — польские авторы. Таким образом, в проекте столкнулись две идеи ведения научной деятельности: азиатская и европейская. Попытки достичь синтеза мы видим в совместных статьях — польских авторов с казахскими, киргизскими, узбекскими, таджикскими и другими. Результаты такого совмещения оценят сами читатели.

Другой проблемой было объединение научных целей с практическими, утилитарными. Такая потребность ни у кого не вызывала сомнений. Сомнения возникли при попытке ответить на вопрос, как это сделать в определенных политических реалиях. В разных странах я наталкивался на разные позиции — от полной поддержки до сопротивления. Помню, как один министр науки, когда мы предложили реализовать программу, ответил, что всё уже написано в книге президента и нам лишь следует ее изучать. Были и другие случаи. Например, в ходе дискуссии о консигнационных складах хлопка в Гданьске один из вице-премьеров Узбекистана доказывал, что надобности в них нет, так как на полях хлопка нет, а западные фирмы платят авансом с опережением в несколько лет. Но сразу отметил, что инициатива издать совместную книгу о его прекрасной стране дает Польше 25% успеха в переговорах об открытии этих складов.

Поэтому надо было сделать первый шаг, убедить в наших идеях, привлечь к сотрудничеству. У нас родилась идея в рамках проекта издать в каждой стране Средней Азии по две книги. Первая была бы книгой президента — содержащей официальное толкование политики и проблем преобразований, вторая — трудом, показывающим преобразования глазами ученых и видных представителей разных политических группировок, активно участвующих в публичной жизни. Это была хорошая идея.

Другие проблемы, влияющие на программу исследований, были связаны с ограниченностью базы источников, трудностями, связанными с доступом к литературе, отсутствием исследований в области преобразований в регионе, скудностью эмпирических исследований. Не менее важным было расстояние, отсутствие прямого, рабочего контакта, дискуссий типа семинаров.

— Из каких источников финансируются столь крупномасштабные исследования?

— Программа носит научный, а не коммерческий характер. При коммерческом подходе затраты на книги этой серии в несколько раз превышали бы те, которые мы несем. Тогда выполнение программы стало бы невозможным.

Чтобы невозможное стало возможным, необходима жажда познания. Авторы программы не думают о вознаграждении, иначе у нее не было бы надежды на успех. По сути дела все участники программы финансируют ее за счет своей научной, редакторской, организационной работы. Мы не получаем гонораров за статьи, либо, если удастся что-то сэкономить, получаем в размере, не возмещающем

даже затрат. Работая до года над одной книгой, я трачу примерно 40% своего времени на авторский труд, остальное — это редакция, переводы и организационные вопросы. Остальные авторы оказывают мне всестороннюю помощь. Поэтому мы пишем, что книга — наша общая собственность.

Средства нужны в основном на переводы и издательские затраты. Мы их добываем по разным каналам. Немного получаем из министерства экономики, Комитета научных исследований, нашего института и от спонсоров — чаще всего фирм, работающих на рынках Средней Азии. Недостаток средств, однако, существенным образом ограничивает исследовательскую тематику, а также динамику и качество нашей работы. О научных поездках в Среднюю Азию никто даже и не думает. Полученные из института средства мы израсходовали на то, чтобы принять гостей... Нас хорошо понимает издатель Влодзимеж Улицкий.

— Кто участвует в вашей программе?

— До сих пор, считая отдельно все этапы работы, в программе участвовало почти 200 человек, в том числе 134 из Средней Азии (Казахстан — 38, Киргизстан — 44, Узбекистан — 23, Таджикистан — 29).

Участники программы — это ученые, видные представители мира политики, культуры, экономики. На трех этапах исследований мы сотрудничали более чем с двадцатью научными центрами, институтами и организациями в Средней Азии (Академии наук, университеты, Центры стратегических исследований и другие исследовательские центры, парламенты, правительственные институты и организации — все они названы в наших книгах).

В идущем в настоящее время четвертом этапе программы принимает участие 50 человек, в том числе многие из Киргизского государственного университета и бишкекского Славянского университета. Наша программа включена в научные планы этих вузов. Ее выполнение поддерживает МИД Киргизии.

Научные результаты печатаются в серии книг «Современная Средняя Азия». До сих пор мы издали пять книг, в том числе три коллективных монографии о Казахстане, Узбекистане и Таджикистане. Они содержат около сотни разработок и резюме на трех языках. К сожалению, ввиду ограниченных издательских возможностей не все труды, подготовленные в рамках исследовательского проекта, могли быть опубликованы. Некоторые публикуются в других издательствах. Например «Модели политического лидерства в странах Центральной Азии» — в научном журнале «Студиа политологичне» (2001, т.V).

— Работают ли другие такого типа программы в Европе и Америке?

— Наша программа, и я говорю это с гордостью, уникальна, и по крайней мере в Европе ей не существует аналогов. Об этом свидетельствуют хотя бы рецензии выдающихся ученых из Академий наук отдельных стран Средней Азии и Польши, которые прямо подчеркивают, что программа новаторская, а издающиеся в ее рамках книги — существенный вклад во всемирную литературу предмета.

Коллеги из Средней Азии сообщили мне, что ученые из Западной Европы предпринимали попытки организовать сходные исследования, но неудачно.

Уже довольно давно мы думаем о переводе книг на английский и немецкий языки. Об этом профессор Константы Войтащик говорил с учеными из Германии. Они заинтересованы в сотрудничестве. Ученые из Душанбе рассматривают возможность перевода монографии о Таджикистане.

— Каким образом вы установили связи в регионе?

— От этого зависел успех программы. Это, пожалуй, была одна из самых трудных задач. Нехватка средств, расстояние и другие проблемы, казалось, создавали непреодолимые препятствия. Мы их преодолели благодаря личным связям, помощи департамента международных отношений польского министерства экономики и некоторых наших друзей —

польских дипломатов, работающих в странах Средней Азии. Эти службы по достоинству оценили прагматическую ценность исследований, их значение для пропаганды образа Польши в регионе и развития экономического сотрудничества. В осуществлении проекта с Казахстаном нам помог советник Анджей Галензёвский. Я очень дорожу сотрудничеством с советником Анджеем Краснодембским и его женой Иолантой — знатоком культуры народов Средней Азии. Благодаря им были изданы книги об Узбекистане и Таджикистане. Они, не раз многим лично рискуя, открывали нам двери академий и вузов в этих странах, проводили огромную работу, как организационную, так и по сути дела. С самого начала нас поддерживало руководство нашего министерства экономики, которое при официальных встречах с властями стран Средней Азии пропагандировало нашу программу, указывало на необходимость научного сотрудничества, информационного обмена и т.п. Благодаря этому в протоколы совместных комиссий по хозяйственному и торговому сотрудничества с Казахстаном и Узбекистаном были внесены соответствующие записи по вопросу выполнения исследовательской программы. Это было чрезвычайно важно, ибо свидетельствовало о согласии властей стран региона на проведение совместных исследований. Без этого нам трудно было бы провести исследования.

Существенную роль в проведении исследований сыграли также координаторы со стороны наших ведущих научных партнеров: проф. Машан Серикулы из Института развития Казахстана и Искандар Асадуллаев, директор Центра стратегических исследований при президенте Таджикистана. В осуществлении киргизского проекта нас поддерживает замминистра иностранных дел Людмила Иманалиева, а также профессора Аалыбек Акунов и Афкар Какеев — ректор Киргизского государственного университета и советник президента. Я особенно дорожу сотрудничеством с Аалыбеком Акуновым — деканом факультета философии и политологии Киргизского университета, которого глубоко уважаю и передаю ему особый привет, так как он недавно перенес серьезную операцию.

Я очень дорожу также сотрудничеством с региональным бюро ООН. Славомир Редо с самого начала участвует в осуществлении программы и пишет на тему международной организованной преступности в Средней Азии.

— Кто участвует в программе с польской стороны?

— Ученые из Варшавского и Гданьского университетов, Польской Академии наук, Главной коммерческой школы, а также специалисты из Центра восточных исследований и других институтов и организаций, занимающихся среднеазиатскими вопросами (например, дипломатические, экономические или финансовые службы). Я должен также подчеркнуть огромную доброжелательность директора Института политических наук нашего университета, профессора Тадеуша Молдавы ко всему мероприятию.

Основная группа сотрудников стабильна. Ее члены специализируются на определенных вопросах (поляки, живущие за рубежом, политические и партийные системы, преобразования, безопасность, экономика, средства массовой информации и т.п.). Мы приглашаем также лиц, специализирующихся на проблематике данной страны. Участники программ — это прекрасные специалисты, многие из них долго пребывали в Средней Азии как советники правительств, члены миссий, работали в международных организациях и т.д.

— Каковы самые заметные результаты вашей работы?

— По существу это первые в польской, и не только польской, литературе труды, говорящие о преобразованиях в Средней Азии. Их значение трудно переоценить. Обратите внимание, что они посвящены первому, историческому десятилетию строительства собственной государственности нациями, которые в течение столетий были лишены свободы. Можно даже сказать, что труды, издающиеся в на-

шей серии, — своеобразный документ этого периода, важного для истории региона. В них много внимания мы обращаем на польское присутствие в средней Азии, иногда раскрываем неизвестные страницы совместной истории. Проявлением признания нашей работы было выдвижение монографии, посвященной Казахстану, на премию президента этой страны...

Эти труды вызвали интерес студентов. Мы читаем монографические лекции, ведем семинары. Все большее число студентов и аспирантов пишут дипломные и кандидатские работы по среднеазиатской тематике. В 2002 г. состоялась первая научная экспедиция студентов факультета политических наук в страны Средней Азии. Студенты преодолели 15 тыс. км, посетили многие университеты, установили контакты с живущими там поляками...

В положениях исследовательской программы мы откровенно пишем, что наши книги должны объединять научные и практические, утилитарные ценности. Удовлетворяя требованиям научной работы, они одновременно должны способствовать совершенствованию восприятия стран Средней Азии на европейском континенте, продвижению сотрудничества Польши с этими странами.

Существует множество доказательств того, что этих целей мы достигаем. Об этом говорят оценки результатов программы, которые дают ведомства экономики Польши и других стран, рецензии, мнения дипломатических представительств, статьи в печати...

Издание книг серии «Современная Средняя Азия» сопровождалось оживлением отношений Польши с государствами региона. В представлении книг публике и прессе принимали участие верховные государственные власти, одновременно проходили культурные мероприятия, проводились экономические переговоры. По этому случаю в странах Средней Азии появлялось много сообщений о Польше. Представители властей региона обращали внимание на политическую составляющую издания книг. Обратите, пожалуйста, внимание, что на представление книги президента Узбекистана приехала правительственная делегация из 26 человек. Эта церемония, в которой участвовали президент Александер Квасневский и вице-премьер Ежи Штейнгофф, состоялась на Международной Познанской ярмарке, а Узбекистан был почетным гостем ярмарки.

Наши книги берут в руки дипломаты и хозяйственники. Многие содержащиеся в книгах материалы размножали и использовали в учебных целях торгово-промышленные палаты. Нашими исследованиями пользовалось ЮНИДО при подготовке справочников для польского бизнеса.

Беседу вел Пшемыслав Дересь

***Тадеуш Бодио** — научный сотрудник факультета политических наук Варшавского университета; профессор кафедры философии и социологии политики, руководитель Лаборатории психологии политики; председатель Консультативного совета по вопросам Средней Азии в Бюро национальной безопасности, председатель программного совета журнала «Справы политичне» («Политические вопросы»); член редакционного совета журнала «Студия политологичне» («Политологические исследования»), автор и руководитель научной программы «Преобразования в странах Средней Азии и Закавказья»; вице-президент фонда «Политейя». Важнейшие публикации: «Сознание и политическое поведение» (Варшава, 1987, 1990); «Польская политология в 80-е гг.» (М., 1997); «Между романтизмом и прагматизмом. Психополитическое лицо польских преобразований» (несколько изданий); соавтор книги «Общество и политика. Основы политических наук» (Варшава 2002); редактор книг «Конституция Польской Республики — чаяния и надежды» (Варшава, 1997, совместно с В.Якубовским) и «Политическое лидерство» (Варшава 2001); научный редактор серии «Современная Средняя Азия», в рамках которой издано пять книг и несколько десятков научных статей.*

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

М.Выка о Станиславе Бжозовском
Х.Геремек о Фаддее Зелинском
А.Колаковская о политкорректности
К.Бурнетко: Газетный киоск
Л.Бальцерович о будущем Европы
В.Портников: Польский дневник
Проза Павла Хюлле
Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Я.Стшалка беседует с Анджеем Вайдой
Б.Поцей о Ванде Ландовской
К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши люди: Яцек Возняковский, Анджей Подраза
Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский, А.Холланд, В.Скальмовский, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Подсядло, Длугоша и др.
в переводах
Бродского, Базилевского, Астафьевой,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ

РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

СЛЕДУЮЩИЕ ЖУРНАЛЫ:

Dialog

Ежемесячник, посвященный современной драматургии .

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник для читателей, библиофилов, библиотечных работников и издателей. В каждом номере обзор новостей, рецензии, статьи о издательском деле, анонсы, библиографии.

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник о Польше на русском языке. Публицистика, политика, вопросы экономики и культуры, обзор литературной и научной жизни страны.

twórczość

Самый долговечный и заслуженный польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и культурной публицистике. Журнал активно участвует в культурной жизни Польши.

DWUTYGODNIK **ruch muzyczny**

Единственный в Польше журнал о музыке, ее теории и практике. Выходит раз в две недели.

LITERATURA *na świecie*

Известнейший ежемесячник содержащий обзор произведений иностранных авторов.

Biblioteka Narodowa. Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel.(+48 22) 6082374

Cena 6 zł w tym VAT 0%